ВЪ НЕОБЪЯТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Романъ

Роберта Кроми

ПРОЛОГЪ

— Наконецъ-то движется! Макъ Грегоръ, право движется!

— Ну и пусть движется на здоровье. Очень радъ.

Наступила минута молчанія. Затѣмъ Макъ Грегоръ опять заговорилъ своимъ безпечнымъ тономъ, составлявшимъ такую странную противоположность съ дрожащимъ голосомъ его собесѣдника:

— Послушай, Бернетъ, выйди хоть на минуту изъ своего колдовскаго вертепа, будь полюбезнѣе. Подумай: вѣдь я ужъ больше трехъ лѣтъ не видѣлъ твоего лица, глубокомысленный ученый. Оставь хоть на мигъ свою штуку, что у тебя тамъ задвигалась, дай на себя посмотрѣть!

— Ради Бога подожди немножко! раздался опять взволнованный голосъ изъ комнаты, сосѣдней съ тою, въ которой сидѣлъ Макъ Грегоръ. Не во-время попавшій гость всталъ и съ нетерпѣніемъ началъ ходить по комнатѣ. Услыша его шаги, занимавшійся въ смежномъ помѣщеніи заговорилъ испуганно:

— Прошу тебя, Александръ, не входи ко мнѣ, ты можешь поплатиться жизнью. Одинъ неосторожный шагъ — и ты погибъ.

— Еще бы я вошелъ къ тебѣ! съ досадой пробормоталъ Макъ Грегоръ. — Точно я не знаю, что наступи я у тебя на какую нибудь пружину или задѣнь головой за проволоку, скобку, пуговицу, ну, словомъ, за какую нибудь тамъ баттарею, что ли, и ты, и я, а съ нами и половина квартала взлетимъ на воздухъ. Не такъ страшно войти въ львиную берлогу, какъ въ кабинетъ къ ученому.

Проговоривъ недовольнымъ тономъ свою тираду, м-ръ Макъ Грегоръ усѣлся на низенькомъ диванчикѣ передъ каминомъ,

Digitized by Google

яркое пламя котораго придавало веселый оттѣнокъ уютной комнаткѣ, гдѣ онъ находился, и, закуривъ трубку, началъ терпѣливо ждать, пока къ нему выйдетъ эксцентричный хозяинъ. Ему пріятно было сидѣть или, вѣрнѣе, полулежать съ прищуренными глазами, курить, прислушиваться къ страннымъ пощелкиваніямъ, шипѣніямъ и словно маленькимъ взрывамъ, раздававшимся въ сосѣдней комнатѣ, и слѣдить взглядомъ за голубыми, красными и бѣлыми огоньками, порой мелькавшими тѣнями сквозь занавѣску, которою была задернута дверь. Холодный пріемъ, ему сдѣланный, не удивлялъ и не сердилъ, а скорѣе забавлялъ его: это было такъ похоже на Бернета.

„Странный человѣкъ!“ думалъ онъ, пуская въ каминъ густые клубы дыма. „Я только что пріѣхалъ въ лондонъ изъ Тибета, гдѣ три года занимался изслѣдованіемъ неизвѣстныхъ мѣстностей, причемъ газеты разъ двѣнадцать, по крайней мѣрѣ, заявляли, что я погибъ. Прихожу къ моему лучшему другу, а онъ запрещаетъ мнѣ подъ страхомъ смерти подходить къ нему близко! Нечего сказать, гостепріимная встрѣча, но это понятно: онъ должно быть теперь изобрѣтаетъ что нибудь. Скоро онъ очнется отъ научнаго чада и тогда найдетъ время мнѣ обрадоваться, а пока мнѣ здѣсь очень удобно ждать его.“

Размышляя такъ, онъ задремалъ было, но раздавшійся въ сосѣдней комнатѣ звукъ заставилъ его поднять голову. Это было не то отрывистое восклицаніе, не то рыданіе, затѣмъ все затихло, слышно было за занавѣской только тяжелое прерывистое дыханіе ученаго. Макъ Грегоръ началъ прислушиваться и съ грустью подумалъ:

„Бѣдный Бернетъ, какимъ славнымъ товарищемъ онъ былъ въ Кембриджѣ. Онъ уморитъ себя въ своемъ вертепѣ.“

„Вертепъ“ Бернета былъ дѣйствительно одною изъ тѣхъ лабораторій, куда люди входятъ въ одну дверь въ качествѣ сыраго матеріала и откуда выходятъ въ другую совершенными машинами съ сохраненіемъ, впрочемъ, всѣхъ своихъ составныхъ частей, кромѣ души, которая обыкновенно придавливается и затаптывается въ прахъ въ этомъ процесѣ.

Въ этой комнатѣ Генри Бернетъ провелъ лучшіе годы своей жизни. Онъ затворился въ ней лѣтъ двадцать назадъ, будучи еще крѣпкимъ, здоровымъ молодымъ человѣкомъ съ косматой головой, которая и тогда уже была, какъ казалось многимъ, черезчуръ велика для его роста. Теперь онъ вышелъ изъ этой комнаты, когда наконецъ удосужился выйти, чтобы встрѣтить своего пріятеля согнутымъ, исхудалымъ человѣкомъ среднихъ лѣтъ, съ головою, которая, несмотря на жидкіе волосы, казалась чудовищно громадною въ сравненіи съ его истощеннымъ, словно скомкавшимся, тѣломъ.

Digitized by Google

— Ну, какъ поживаешь, Бернетъ? спросилъ Макъ Грегоръ, съ безпокойствомъ вглядываясь въ его истомленное лицо.

Странный хозяинъ не подалъ руки гостю, даже не поклонился ему. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, повидимому весь охваченный какимъ-то только что пережитымъ имъ, весьма сильнымъ, впечатлѣніемъ. Подойдя къ пріятелю, онъ проговорилъ прерывающимся голосомъ, едва переводя духъ отъ волненія:

— Макъ Грегоръ, ты пріѣхалъ какъ нельзя болѣе кстати!

— Вижу, замѣтилъ посѣтитель иронически. — Я ужъ часъ какъ дожидаюсь здѣсь тебя.

— Да, Макъ Грегоръ, продолжалъ Бернетъ, повидимому, не обративъ вниманія на слова пріятеля,—я очень благодаренъ тебѣ, что ты посѣтилъ меня именно сегодня вечеромъ.

— Не стоитъ благодарности. Ты ужъ черезчуръ гостепріименъ, сказалъ Макъ Грегоръ, хладнокровно принимаясь опять набивать трубку. Бернетъ между тѣмъ подошелъ къ столу, гдѣ стоялъ графинъ съ водой, налилъ себѣ стаканъ и выпилъ его залпомъ, затѣмъ вынулъ изъ кармана платокъ и началъ вытирать имъ сначала лобъ, а потомъ свои влажныя дрожащія руки.

„Онъ положительно рехнулся,“ подумалъ Макъ Грегоръ. „Нужно будетъ увезти его хоть на мѣсяцъ куда нибудь на морской берегъ.“

Между тѣмъ ученый вдругъ подошелъ къ нему и проговорилъ торжественно:

— Александръ Макъ Грегоръ, пойдемте со мной въ мою лабораторію.

Это церемонное обращеніе къ закадычному другу еще болѣе утвердило Макъ Грегора въ предположеніи, что голова у его пріятеля несовсѣмъ въ порядкѣ.

— Нѣтъ, дружище, ужъ избавь меня отъ этого, проговорилъ онъ опасливо,—я не особенно трусливъ, но... но право же я боюсь твоихъ проволокъ, пружинокъ и всей прочей твоей чертовщины. Я непремѣнно наступлю у тебя тамъ на что нибудь и тогда пиши пропало.

— Не бойся, теперь нѣтъ опасности, пойдемъ!

— Ну, пожалуй, пойдемъ.

Оба вмѣстѣ вошли въ сосѣднюю комнату. Глядя на нихъ со стороны, можно было принять ихъ за двухъ мошенниковъ, замышляющихъ воровство со взломомъ. Бернетъ ступалъ не ровно; по всему видно было, что его, ослабленный трудами, организмъ только что получилъ сильное потрясеніе: онъ едва держался на ногахъ. Макъ Грегоръ, высокій сильный человѣкъ съ густой темной бородой, суровымъ взглядомъ и загорѣлымъ, какъ юфть, лицомъ, закаленный въ бояхъ съ людьми, съ хищными

Digitized by Google

звѣрями и со стихійными силами, съ медвѣдями въ каменистыхъ горахъ, съ неграми въ Конго, съ самумами въ Аравіи и съ циклонами въ китайскихъ моряхъ, представлялъ изъ себя презабавную картину: онъ выступалъ со смѣшной опаской, шагъ за шагомъ, на цыпочкахъ, безпрестанно озираясь по сторонамъ, словно боясь каждую минуту наступить на что или задѣть за что нибудь несуразное.

Лабораторія, въ которую они вошли, не заключала въ себѣ, повидимому, ничего ужаснаго. Это была запыленная маленькая комнатка, то, что называется „уборкой", было въ ней повидимому вещью неизвѣстной, и по всему замѣтно было, что въ ней ужъ много лѣтъ не бывалъ не только красильщикъ или обойщикъ, но даже полотеръ. Меблирована она была престранно. По стѣнамъ стояли комоды, шкафы и конторки со множествомъ выдвинутыхъ ящиковъ и ящичковъ и столъ съ разставленными на нихъ въ безпорядкѣ ретортами, стеклянными трубками различной формы, воздушными насосами, химическими вѣсами, плавильниками и спиртовыми лампочками. Вездѣ видны были свитки проволоки разной толщины, электрическія машины совершенно новыхъ системъ стояли рядомъ съ такими, форма которыхъ знакома каждому студенту. На одномъ столѣ валялись обрѣзки металлическихъ пластинокъ, комочки какого-то страннаго сѣраго вещества, похожаго на глину, шарики изъ бузинной сердцевины и какія-то перушки, вѣроятно служившія для смазыванія, словомъ, въ комнатѣ было много необъяснимаго и диковиннаго рядомъ съ вещами самыми обыкновенными.

— Прочти это, сказалъ Бернетъ, подавая Макъ Грегору бумагу, изпещренную цифрами, буквами, знаками и химическими формулами.

— Это очень, очень интересно, сказалъ Макъ Грегоръ, показывая видъ — будто дѣйствительно заинтересованъ, хотя содержимое въ бумагѣ было ему такъ же понятно, какъ египетскіе іероглифы; но, считая своего пріятеля „не въ своемъ разумѣ", онъ сознавалъ необходимость не противорѣчить ему.

— Что̀ ты объ этомъ думаешь? спросилъ Бернетъ.

— Что я думаю? переспросилъ Макъ Грегоръ, видя невозможность уклониться отъ прямаго отвѣта.— Думаю... думаю что это... должно быть вещь очень хорошая... А въ чемъ тутъ дѣло? вдругъ спросилъ онъ безъ обиняковъ, перевернувъ листокъ вверхъ ногами.

Бернетъ съ нетерпѣніемъ вырвалъ у него листокъ изъ рукъ.

— Видишь ты этотъ шарикъ? спросилъ онъ съ оттѣнкомъ пренебреженія, которое задѣло Макъ Грегора за живое, хотя онъ и самъ относился къ пріятелю какъ къ безумному, съ нѣсколько обиднымъ состраданіемъ.

— Вижу, отвѣчалъ онъ съ досадой, — на столько-то у меня еще хватитъ сообразительности.

Digitized by Google

Шарикъ, на который указывалъ Бернетъ, лежалъ въ стеклянной трубкѣ, а трубка стояла стоймя на пластинкѣ изъ страннаго вещества, которое Макъ Грегоръ уже замѣтилъ, хотя не могъ опредѣлить, что это за вещество — растительное или минеральное.

— Смотри же!

Съ этими словами Бернетъ коснулся сѣрой пластинки тоненькой проволокой, и въ ту же секунду шарикъ быстро выпрыгнулъ изъ трубки и повисъ надъ нею въ воздухѣ, поддерживаемый словно магнитнымъ притяженіемъ.

— Что ты на это скажешь? спросилъ ученый, весь дрожа отъ волненія.

— Это очень мило, отвѣчалъ Макъ Грегоръ, желая быть любезнымъ, хотя въ сущности опытъ показался ему самымъ обыкновеннымъ, вовсе неинтереснымъ, фокусомъ.

— Мило! Макъ Грегоръ, подумай, что ты говоришь!

— То есть я хочу сказать...

— Слушай, перебилъ его Бернетъ дрожащимъ голосомъ, выпрямившись и весь вспыхнувъ, — въ этой комнатѣ я провелъ безвыходно двадцать лѣтъ...

— Тѣмъ глупѣе съ твоей стороны, пробормоталъ Макъ Грегоръ.

— Эти двадцать лѣтъ, продолжалъ Бернетъ, не обративъ вниманія на это замѣчаніе, — я посвятилъ всецѣло славной задачѣ. Ты, другъ мой, вѣроятно, считалъ меня, наравнѣ съ прочими, жалкимъ энтузіастомъ, проведшимъ лучшіе годы въ безплодной погонѣ за неосуществимой мечтой.

Макъ Грегоръ сдѣлалъ рукою жестъ отрицанія, но Бернетъ словно не замѣтилъ этого и продолжалъ:

— Ты, конечно, жалѣлъ обо мнѣ, потому что я сидѣлъ взаперти въ этихъ четырехъ стѣнахъ, въ то время какъ ты взбирался на снѣжныя вершины или носился по бурнымъ морямъ. Вѣроятно ты думалъ, что время кажется мнѣ вѣкомъ въ моей жалкой кануркѣ, куда я добровольно схоронился въ одиночествѣ. Нѣтъ, другъ мой, годы казались мнѣ днями, а дни минутами.

Макъ Грегоръ сталъ слушать внимательнѣе, начиная смутно сознавать, что въ головѣ у этого мечтателя должно быть есть же что нибудь путное. Бернетъ между тѣмъ, увлекаемый потокомъ собственныхъ думъ, продолжалъ съ безсознательнымъ драматическимъ паѳосомъ въ голосѣ:

— Ты, Макъ Грегоръ, оказалъ большія услуги своей отчизнѣ, скажу болѣе—всему человѣчеству. Ты прослѣдилъ теченіе многихъ рѣкъ, доискиваясь до ихъ неизвѣстнаго источника, ты изслѣдовалъ непроходимые лѣса, въ которыхъ до тебя не сту-

Digitized by Google

пала нога человѣческая, и труды твои не пропали даромъ. Спрашиваю тебя: жалѣешь ты объ одинокихъ годахъ, проведенныхъ тобою въ Африкѣ, въ Азіи, на берегахъ Тихаго океана, Арктическаго и Антарктическаго морей...

— Нѣтъ, не жалѣю, перебилъ его Макъ Грегоръ съ увлеченіемъ, заинтересовываясь разговоромъ все болѣе и болѣе. Онъ хотя и считалъ Бернета помѣшаннымъ, но извѣстно, что если и помѣшанный польститъ нашему „коньку", то это все-таки пріятно — развѣ похвала это будетъ высказана ужъ въ очень глупой формѣ.

— Скажи мнѣ — доволенъ ли ты, что сталъ величайшимъ путешественникомъ и изслѣдователемъ своего времени (Макъ Грегоръ поклонился съ недовѣрчивымъ, но все-таки самодовольнымъ видомъ), или ради того, чтобъ не нажить нѣсколькихъ сѣдинъ въ головѣ и морщинъ на лицѣ, ты предпочелъ бы провести свои лучшіе годы въ позорной праздности?

— Конечно нѣтъ! энергически воскликнулъ Макъ Грегоръ.

— Въ такомъ случаѣ ты вѣроятно не пожалѣешь и о моихъ трудовыхъ годахъ, если я скажу тебѣ, что я открылъ...

Онъ вдругъ замолчалъ и, подойдя къ окну, отдернулъ занавѣсь. Ночь была морозная, ясная; скверъ, на который выходило окно, былъ покрытъ инеемъ; небо сверкало звѣздами.

— Посмотри сюда, Макъ Грегоръ!

Оба постояли нѣсколько минутъ, вглядываясь въ звѣздное пространство, необъятность котораго давитъ нашъ ограниченный умъ. Наконецъ Бернетъ продолжалъ полушепотомъ, въ которомъ слышалась невыразимая торжественность:

— Пожалѣешь ли ты обо мнѣ, если я скажу тебѣ, что, пожертвовавъ какими нибудь жалкими двадцатью годами, я открылъ происхожденіе и сущность того закона, который до меня люди только признавали въ его несомнѣнныхъ проявленіяхъ, закона, въ силу котораго вся совокупность міровъ представляетъ не массу безпорядочныхъ, разрушающихъ одна другую, силъ, а стройную армію, каждая составная часть которой содѣйствуетъ величію цѣлаго? Въ этой жалкой ободранной кануркѣ ты видишь передъ собой человѣка, который, если только небо даруетъ ему хоть десять еще лѣтъ жизни, въ силахъ будетъ остановить движеніе звѣзды, совратить планету съ ея пути. Другъ мой, я открылъ могущественнѣйшую тайну мірозданія.

Онъ вдругъ умолкъ — голосъ у него пресѣкся отъ волненія, руки у него тряслись, какъ въ лихорадкѣ, лицо судорожно подергивалось. Онъ былъ подавленъ величіемъ собственнаго своего открытія: онъ давно надѣялся на успѣхъ, но когда наконецъ надежды его осуществились, онъ изнемогъ подъ силою своей радости.

Digitized by Google

— Бернетъ, Бернетъ, неужели ты въ самомъ дѣлѣ рехнулся?

— Признаюсь тебѣ, я самъ боюсь, чтобы этого не случилось: у меня теперь въ головѣ то, что способно не только подавить мозгъ человѣка, но и самую жизнь его; не знаю, переживу ли я то, что теперь испытываю...

— Да полно тебѣ хвастать, чортъ тебя побери! объясни, что ты тамъ открылъ. Ты говоришь, я пріѣхалъ кстати, значитъ ты не прочь подѣлиться со мною своей радостью.

— Еще бы!

— Говори же попросту, безъ затѣй: чего ты добился своими опытами?

— Я открылъ происхожденіе...

Онъ наклонился къ уху пріятеля и проговорилъ чуть слышно:

— Силы!

— Пойдемъ въ другую комнату, Бернетъ — здѣсь такъ душно, сказалъ Макъ Грегоръ взволнованно.

Они вышли въ сосѣднюю комнату и усѣлись рядомъ. Нѣсколько времени оба молчали. Это молчаніе тяготило обоихъ, но и тотъ, и другой были такъ заняты своими мыслями, что не могли говорить. Огонь въ каминѣ сталъ догорать; никому и въ голову не пришло подбросить углей. Одинъ изъ газовыхъ рожковъ началъ чадить; никто не обратилъ на это вниманія, а между тѣмъ обоимъ смутно становилось не по себѣ въ холодной, смрадной комнатѣ. Наконецъ Макъ Грегоръ первый прервалъ молчаніе:

— Скажи мнѣ, Бернетъ, какъ ты думаешь воспользоваться своимъ открытіемъ? спросилъ онъ. — Въ какомъ смыслѣ ты думаешь примѣнить его?

— И самъ еще не знаю: пока не могу собраться съ мыслями, у меня голова кругомъ идетъ отъ радости. Вспомни: вѣдь я трудился двадцать лѣтъ, а успѣха добился не больше, какъ съ часъ назадъ.

— Но все-таки можешь ты собраться съ мыслями на столько, чтобъ сообщить мнѣ — къ чему можетъ повести твое открытіе?

— Изволь, скажу кое-что. Опытъ съ шарикомъ и со стеклянной трубкой доказываетъ, что законъ тяготѣнія можетъ быть направленъ, измѣненъ и даже вовсе уничтоженъ. Я могу выработать и усовершенствовать аппараты, необходимые для развитія этого изобрѣтенія. А результаты будутъ таковы, что умъ человѣческій съ трудомъ обниметъ ихъ.

Макъ Грегоръ вскочилъ съ мѣста, словно его что подбросило.

Digitized by Google

— Знаешь ли! вскричалъ онъ, — и мнѣ пришло въ голову кое-что. Еслибъ можно было примѣнить твое открытіе вотъ какъ... Постой, я сейчасъ разскажу тебѣ... Эхъ! чортъ возьми, славно было бы!

Онъ до того увлекся, что изо всей силы хватилъ своимъ здоровеннымъ кулачищемъ по столу, но столъ былъ старый и не выдержалъ удара: половина доски съ трескомъ грохнула и свалилась на ноги Бернету.

— Боже мой милостивый, что я надѣлалъ! Я не зналъ, что столъ такой ветхій. Больно тебѣ, Бернетъ? я ушибъ тебя? прости ради Бога!

Но Бернетъ не скоро успокоился. У этого ученаго, способнаго сдвинуть съ мѣста тѣла небесныя, были мозоли, и доска отъ стола, какъ нарочно, свалилась на самый крупный изъ нихъ.

Этотъ маленькій забавный эпизодъ немного отрезвилъ и успокоилъ обоихъ. Они поправили газъ, открыли не надолго окно, чтобы выпустить чадъ, развели опять огонь и, усѣвшись передъ каминомъ, принялись толковать по душѣ. Макъ Грегоръ сообщилъ свой планъ, который до того заинтересовалъ Бернета, что онъ забылъ время. Разспросамъ, предположеніямъ не было конца. Друзья проговорили до разсвѣта, но наконецъ физическая усталость взяла-таки свое: они простились крѣпкимъ рукопожатіемъ, и Бернетъ ушелъ спать къ себѣ въ лабораторію, а Макъ Грегоръ улегся на кушеткѣ, передъ догоравшимъ каминомъ.

Въ чемъ состоялъ планъ Макъ Грегора — читатель увидитъ изъ дальнѣйшихъ главъ.

ГЛАВА I

Литейный заводъ въ лѣсу

Перенесемся теперь въ лѣсъ на Аляскѣ. Генри Бернетъ и Александръ Макъ Грегоръ сидятъ рядомъ на стволѣ срубленныхъ сосенъ и изрѣдка лѣниво перебрасываются словами, частенько посматривая на горную тропинку, видную въ недалекомъ разстояніи. Они ждутъ къ себѣ гостей.

На дворѣ іюнь мѣсяцъ. Вершины горъ еще покрыты снѣгомъ, но въ долинѣ очень тепло. На южныхъ скатахъ горъ розовые кусты осыпаны полураспустившимися бутонами. Годъ назадъ въ этой долинѣ не было души живой, развѣ изрѣдка показывался въ ней проѣздомъ голодный индѣецъ. Теперь въ ней живутъ сотни людей. Она лежитъ въ одномъ изъ богатѣйшихъ минеральныхъ районовъ Аляски. Изъ горныхъ хребтовъ, окружающихъ ее, вытекаютъ три главныя рѣки въ этихъ краяхъ: Мѣдная, Бѣлая и Танана.

Digitized by Google

Прошелъ ужъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Макъ Грегоръ навѣстилъ своего пріятеля въ Лондонѣ и узналъ его роковую тайну. Съ тѣхъ поръ онъ нисколько не перемѣнился, даже не загорѣлъ—по весьма простой причинѣ: онъ ужъ такъ загорѣлъ въ Тибетѣ, что загорѣть еще больше для него не было никакой возможности. Его большіе проницательные сѣрые глаза такъ же сверкаютъ, движенія такъ же быстры и гибки, и всѣ черты лица попрежнему дышатъ беззавѣтной отвагой.

Бернетъ, напротивъ, такъ перемѣнился, что его трудно узнать: станъ его выпрямился, болѣзненная блѣдность лица исчезла, взглядъ сталъ яснѣе, вообще онъ окрѣпъ, посвѣжѣлъ, словомъ, сталъ совсѣмъ непохожъ на то тщедушное существо, какимъ засталъ его Макъ Грегоръ въ душной лабораторіи и которую такъ удачно окрестилъ »колдовскимъ вертепомъ«. За послѣдній годъ онъ почти не бралъ въ руки книги, зато много работалъ топоромъ и молотомъ. Онъ изъѣздилъ много мѣстностей, прежде чѣмъ нашелъ долину, поселиться въ которой счелъ удобнымъ для своихъ цѣлей; затѣмъ, поселившись въ ней, проводилъ почти все время на открытомъ воздухѣ. Улучшеніе въ немъ замѣтно было не только въ физическомъ, но также и въ нравственномъ отношеніи; тревожное выраженіе лица его, на которомъ такъ ясно отпечатывалась мучительная неизвѣстность, смѣнилось выраженіемъ бодрой отваги и спокойной увѣренности въ успѣхѣ.

Сидя рядомъ на стволѣ, пріятели, какъ мы уже сказали, нѣсколько времени лѣниво перебрасывались словами и напослѣдокъ вконецъ замолчали, погрузившись каждый въ свои думы. До нихъ доносились, повидимому, откуда-то, не издалека, шумъ голосовъ, визгъ пилъ, стукъ молотовъ; гамъ былъ порядочный, но они не обращали на него вниманія: онъ былъ для нихъ дѣломъ привычнымъ.

— Ѣдутъ! ѣдутъ! вдругъ вскричалъ Макъ Грегоръ радостно, указывая другу на горную тропинку, по которой двигался, выступая въ стройномъ порядкѣ изъ ущелья, цѣлый караванъ. Впереди ѣхало пять человѣкъ верхомъ на лошадяхъ, а за ними тянулась длинная вереница вьючныхъ муловъ, повидимому, тяжело нагруженныхъ; около муловъ шли и ѣхали люди, также каждый со своею ношею.

Наконецъ-то мы сегодня пообѣдаемъ вкусно! весело воскликнулъ изслѣдователь. Сэръ Джорджъ вѣдь обѣщалъ привезти съ собою и своего повара, и хорошихъ припасовъ, а главное свой погребецъ. Поѣдемъ къ нему на встрѣчу, Бернетъ. Нужно же хоть показать имъ дорогу въ нашу Аркадію, а то они, пожалуй, заблудятся. Сюда можно проѣхать удобнѣе, чѣмъ тѣмъ путемъ, по которому они теперь ѣдутъ; слышишь, какъ они ругаются?

Digitized by Google

Дѣйствительно на тропинкѣ раздавались недовольные возгласы, очевидно вызванные неровностью дороги.

— Поѣзжай одинъ, дружище, и извинись за меня, отвѣчалъ Бернетъ: — ты знаешь — я плохой ѣздокъ верхомъ.

Ну хорошо, жди же насъ—мы скоро прибудемъ.

Макъ Грегоръ живо распорядился, чтобъ ему подали лошадь и черезъ нѣсколько минутъ уже скакалъ на встрѣчу гостямъ. Бернетъ остался сидѣть на стволѣ и мало по малу погрузился въ глубокую думу. Брови его нахмурились, на лицѣ отразилась душевная тревога. Разъ или два онъ проговорилъ:— чѣмъ все это кончится? чѣмъ кончится? Но вдругъ черты его прояснились, и онъ занялся было рѣшеніемъ какой-то простенькой задачи въ родѣ того—сколько будетъ разстоянія отъ одной звѣзды до другой, какъ вдругъ веселый голосъ Макъ Грегора свелъ его съ неба на землю.

— Сюда, сюда, джентльмэны! говорилъ онъ.—Сейчасъ я представлю васъ величайшему ученому, который когда либо жилъ на свѣтѣ. Потомъ вы выкупаетесь, и затѣмъ мы будемъ обѣдать. Славное слово! До сихъ поръ мы здѣсь только кормились, а обѣдать будемъ собственно говоря въ первый разъ, благодаря вашимъ запасамъ, Стерлингъ.

Всадники спѣшились и столпились около Бернета, который всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ имъ на встрѣчу. Солнце въ это время заходило, небо на западѣ горѣло золотомъ и пурпуромъ. Высокія сосны бросали длинныя тѣни на потоптанную и помятую траву. Изъ-за лѣса доносился шумъ и гамъ трудоваго люда: молотки стучали, машины гудѣли, надъ вершинами деревьевъ порою поднимались снопами искры; иногда даже высовывались огненные языки. Вновь пріѣхавшіе переглядывались съ изумленіемъ, которое, повидимому, очень забавляло Макъ Грегора.

— Теперь позвольте васъ представить другъ другу, господа, сказалъ онъ весело;—начну съ хозяина. Вотъ передъ вами на лицо м-ръ Генри Бернетъ, тотъ самый великій ученый, о которомъ я вамъ сейчасъ говорилъ; а тебѣ, другъ мой, представляю сэра Джорджа Стерлинга. Онъ финансистъ и ищетъ новой арены для своихъ спекуляцій; мы ему доставимъ ее, не правда ли, пріятель?

Бернетъ любезно протянулъ руку представленному ему джентльмэну, рослому полному мужчинѣ съ темными бакенбардами и дѣловымъ выраженіемъ лица. Затѣмъ Макъ Грегоръ кратко представилъ ему остальныхъ.

— М-ръ Вальтеръ Дюранъ, литераторъ, ищетъ новыхъ темъ для романовъ. М-ръ Викторъ Гревзъ, художникъ, ищетъ новыхъ сюжетовъ для картинъ. М-ръ Чарльзъ Блэкъ, поли-

Digitized by Google

тикъ, ищетъ новаго поста для своей дѣятельности. М-ръ Фредерикъ Гордонъ, газетный корреспондентъ, ищетъ новой мѣстности, откуда отправлять свѣдѣнія въ редакціи.

Первый изъ поименованныхъ былъ высокій красивый брюнетъ съ выразительными черными глазами, второй — бородатый блондинъ съ трубкою въ зубахъ, третій — веселый бойкій ирландецъ, четвертый — сухощавый жилистый господинъ съ весьма энергичнымъ выраженіемъ лица. Бернетъ обмѣнялся съ каждымъ изъ нихъ вѣжливымъ поклономъ и привѣтомъ; затѣмъ Макъ Грегоръ повелъ своихъ гостей по лѣсной тропинкѣ. Черезъ нѣсколько минутъ они добрались до просѣки, на которой былъ выстроенъ посреди зеленой лужайки длинный одноэтажный деревянный домъ.

— Вотъ вамъ и помѣщеніе, господа! сказалъ онъ. — Здѣсь вы поживете, надѣюсь, весело и пріятно, нѣсколько времени, до начала настоящаго дѣла. Идите теперь купаться, а затѣмъ милости просимъ въ столовую.

Черезъ часъ или около того всѣ собрались въ столовой. Обѣдъ былъ поданъ на славу. Кромѣ консервовъ, привезенныхъ сэромъ Джорджемъ, на столѣ красовались различныя блюда, доставленныя ближайшимъ лѣсомъ и мѣстною рѣкою: свѣжая лососина, рѣчная форель, кролики, лопатка *тебаи*, ростбифъ изъ карибу, грибы, извѣстные въ тѣхъ краяхъ подъ названіемъ мышьихъ носиковъ, черные дрозды, дикія утки и тому подобныя вкусныя вещи. Какъ для хозяевъ, такъ и для гостей, которые проѣхались порядочно верхомъ на свѣжемъ горномъ воздухѣ, пиръ былъ истинно царскій. Вино, доставленное также сэромъ Джорджемъ, лилось въ стаканы и бокалы щедрой рукой. Бернетъ былъ задумчивъ и не особенно разговорчивъ, но Макъ Грегоръ болталъ безъ умолку, разсказывая гостямъ свои приключенія въ Тибетѣ и попеременно заставляя ихъ то смѣяться до упаду, то содрагаться отъ ужаса. Мало по малу, можетъ быть благодаря щедрымъ возліяніямъ, гости, которые были мало знакомы между собою и почему-то хмурились другъ на друга, разговорились и сошлись; каждый рѣшилъ про себя, что его случайные товарищи люди премилые, и подивился, какъ онъ до сихъ поръ былъ такъ глупъ, что не замѣчалъ этого.

Когда обѣдъ былъ конченъ, всѣ закурили сигары, и общество раздѣлилось на двѣ партіи. Бернетъ, Макъ Грегоръ и сэръ Джорджъ занялись финансовыми вычисленіями; остальные, чтобъ не мѣшать дѣловому разговору, отошли въ сторону и начали болтать.

— Скажите мнѣ, Дюранъ, спросилъ художникъ, — зачѣмъ вы собственно сюда пріѣхали?

Digitized by Google

— Вы слышали, что сказалъ Макъ Грегоръ, отвѣчалъ Дюранъ со смѣхомъ, — искать новой темы для романа.

— Чушь! найдете вы новую тему въ этомъ первобытномъ лѣсу. Еще бы Блэкъ надѣялся найти здѣсь дипломатическій постъ!

— А вы разсчитываете раздобыться здѣсь сюжетомъ для картины?

— Интересно, о чемъ-то я буду писать отсюда въ редакціи, засмѣялся Гордонъ.

— Знаете что? вмѣшался Блэкъ:—разскажемъ каждый изъ насъ—что̀ привело его сюда. Такъ, можетъ быть, мы скорѣе дознаемся, чего мы можемъ ожидать. Начинайте, Дюранъ!

— Извольте, отвѣчалъ Дюранъ. — Я получилъ отъ Макъ Грегора письмо строки въ четыре — не больше, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что, если я хочу заставить всѣхъ сенсаціонныхъ романистовъ позеленѣть отъ зависти, то долженъ сѣсть на пароходъ Аризону, идущій изъ Лондона въ Америку 15 числа прошлаго мѣсяца, и высадиться на островѣ Ванкуверѣ. „Тамъ“, писалъ онъ, „будетъ ждать васъ маленькій пароходикъ, нанятый мною для того, чтобъ отвезти васъ туда, гдѣ вы найдете проводниковъ, которые и приведутъ васъ на мѣсто“. Куда они должны привести меня—онъ не говорилъ; я думалъ, что онъ намѣренъ тащить меня куда нибудь въ Азію или въ Африку; дѣлать было мнѣ нечего: пути для англійскаго романиста такъ избиты, что я не могъ отыскать себѣ ничего подходящаго. Я повѣрилъ ему на слово и пріѣхалъ сюда.

— Почти такое же письмо получилъ и я, сказалъ Гордонъ. —Онъ написалъ мнѣ, что, если я хочу повергнуть всѣхъ „спеціальныхъ корреспондентовъ“ въ прахъ передъ собой, то долженъ сѣсть на Аризону и т. д.; я послушался, и вотъ я здѣсь.

— И мнѣ онъ написалъ въ томъ же родѣ, сказалъ Гревзъ: — если, молъ, я хочу затмить оригинальностью моего сюжета всѣхъ художниковъ древнихъ и новыхъ, то и т. д.; я послушался его, сѣлъ на Аризону и прикатилъ сюда.

— А мнѣ онъ прямо обѣщалъ мѣсто, сказалъ Блэкъ,—и я пріѣхалъ сюда — конечно, также съ Аризоной — даже не спросивъ какое.

— А если онъ предложитъ вамъ такое мѣсто, къ какому вы неспособны? освѣдомился Дюранъ сухо.

— Я-то? Да развѣ есть на свѣтѣ такое мѣсто, къ какому я неспособенъ? Полноте, любезнѣйшій: вѣдь я политикъ, значитъ подобное предположеніе немыслимо.

— Еслибъ мы не знали такъ хорошо Макъ Грегора, сказалъ Гордонъ,—мы могли бы подумать, что онъ поставилъ насъ

Digitized by Google

въ весьма глупое положеніе. Повѣривъ ему на слово, мы пріѣхали сюда и вмѣсто всякихъ сюжетовъ для картинъ, корреспонденцій — словомъ, всего, что намъ нужно, нашли деревянный домъ и непроходимый лѣсъ, изъ-за котораго доносится къ намъ какая-то чертовская стукотня.

— Не сомнѣвайтесь въ Макъ Грегорѣ, господа, онъ неспособенъ обмануть васъ, сказалъ Дюранъ съ увѣренностью.—Вотъ посмотрите, онъ выкинетъ какую нибудь такую штуку, что всѣхъ удивитъ.

Не прошло и десяти минутъ, какъ слова его сбылись. Макъ Грегоръ подошелъ къ нимъ и сказалъ весело:

— Ну, джентльмэны, дни здѣсь жаркіе, ночи холодныя, а вечера свѣжіе, но очень пріятные. Теперь посвѣжѣло, вечеръ славный. Надѣвайте теплыя пальто, закуривайте новыя сигары и пойдемте съ нами: мы покажемъ вамъ наши заводы.

— Какіе заводы?

— Литейные, плавильные, угольныя копи, желѣзные рудники, паровые молоты, краны и всякія такія штуки, пойдемте!

Съ этими словами Макъ Грегоръ вышелъ; Бернетъ и сэръ Джорджъ Стерлингъ вышли вслѣдъ за нимъ. Остальные переглянулись и также пошли за первыми тремя.

Черезъ лѣсъ по скату невысокаго холма, на которомъ стоялъ домъ, вела довольно широкая просѣка. Пріѣзжіе думали, что имъ придется идти въ глубокомъ мракѣ, но къ ихъ великому удивленію на дорогѣ было свѣтло, какъ днемъ. Ученый, путешественникъ и капиталистъ шли впереди, остальные слѣдовали за ними въ нѣкоторомъ разстояніи. Такимъ образомъ общество раздѣлилось на двѣ партіи и, какъ часто бываетъ, въ каждой партіи толковали о другой.

— Какъ вамъ нравится нашъ новый знакомый, ученый м-ръ Бернетъ, господа? спросилъ Дюранъ.

— Онъ славный малый, кажется, отвѣчалъ Гордонъ,—только какъ-то ужъ черезчуръ тихъ и спокоенъ. Впрочемъ, сейчасъ видно, что онъ человѣкъ недюжинный. Интересно, гдѣ это Макъ Грегоръ подцѣпилъ его и что онъ думаетъ дѣлать съ нимъ? Каково онъ рекомендовалъ его намъ, замѣтили вы? величайшій де ученый, какой когда либо жилъ на свѣтѣ! Не много сказано.

— Да, сейчасъ видно, что онъ главный козырь въ рукахъ у Макъ Грегора, сказалъ Блэкъ.—Слышали вы, какъ этотъ ученый баринъ его принялъ, когда тотъ пріѣхалъ къ нему въ Лондонъ прямо изъ Тибета?

— Нѣтъ, не слыхали. Разскажите!

— Сейчасъ разскажу, мнѣ Макъ Грегоръ передавалъ. Ученый сидѣлъ въ тотъ вечеръ въ своемъ кабинетѣ, должно быть

Digitized by Google

изслѣдуя — изъ чего сдѣлана луна: изъ зеленаго сыра или изъ отборнаго честера. Макъ Грегору пришлось ждать чуть не полдня, пока онъ къ нему вышелъ, а вѣдь они закадычные пріятели съ дѣтства.

— Да, это странная парочка.

— А баронетъ? что вы о немъ скажете?

— О! это счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ.

— Почему?

— Онъ уменъ — это прекрасно, и у него есть деньги — это еще лучше.

Впереди шелъ разговоръ такого рода:

— Что вы думаете о вашихъ спутникахъ? спросилъ Макъ Грегоръ у сэра Джорджа,—не правда ли, они всѣ люди надежные?

— Надежные? переспросилъ баронетъ. — Ну, не знаю: я бы не повѣрилъ ни одному изъ нихъ и пятидесяти фунтовъ. Надѣюсь, вы не дали взаймы ни одному изъ нихъ?

— А хотя бы и далъ! чуть не вспылилъ Макъ Грегоръ. — Неужели дурно одолжить человѣку, который нуждается въ помощи?

— Дурно! въ тысячу разъ хуже, чѣмъ дурно, Макъ Грегоръ, это непрактично!

— Ну, на этотъ счетъ у меня свои понятія. Но я спрашивалъ о ихъ надежности не въ финансовомъ отношеніи. Какъ вы думаете, всѣ они люди порядочные и храбрые, не такъ ли?

— О! въ этомъ отношеніи я не имѣю сказать противъ нихъ ничего.

Въ это время они дошли до возвышавшейся посреди дороги скалы, которую нужно было обогнуть. Всѣ трое пріостановились; остальные подошли къ нимъ; всѣ вмѣстѣ обогнули скалу и остановились въ изумленіи.

За скалою былъ крутой обрывъ, обнесенный перилами наподобіе большаго деревяннаго балкона. Внизу, въ долинѣ, пылалъ и копошился настоящій адъ. Оттуда-то и слышался шумъ, который по мѣрѣ того, какъ они приближались къ обрыву, становился все громче и въ этомъ мѣстѣ былъ истинно оглушителенъ. Длинные ряды деревянныхъ построекъ, навѣсовъ, сараевъ и т. п. тянулись во всѣ стороны, ярко освѣщенные электрическимъ свѣтомъ. Громадныя печи трещали и пылали, цѣлые потоки расплавленнаго металла, разсыпая по воздуху яркіе снопы искръ, лились въ огромные чаны или въ заранѣе приготовленныя формы. Жидкая мѣдь переливалась голубоватымъ блескомъ, желѣзо—красноватымъ. Смуглые полунагіе люди суетились и совались во всѣ стороны, какъ настоящіе демоны. Исполинскіе крюки поднимали необъятныя тяжести, огромные молоты ковали раскаленную сталь, какъ мягкую мастику, страш-

Digitized by Google

ной величины пилы съ адскимъ визгомъ пилили металлическія массы такъ же легко, какъ ножикъ рѣжетъ хлѣбъ, тысячи колесъ вертѣлись во всѣ стороны. Все это сверкало, горѣло и чернѣло въ дыму и пламени; а вверху, гдѣ стояли зрители, все было свѣжо и тихо и вмѣсто фабричнаго смрада чувствовался свѣжій, ароматный запахъ молодой сосны.

Всѣ пріѣзжіе смотрѣли молча, погруженные въ глубокую думу: каждый начиналъ сознавать, что стоитъ лицомъ къ лицу съ серьезнымъ дѣломъ, и невольно задавался вопросомъ: по силамъ ли будетъ ему это дѣло, въ которомъ онъ такъ легко согласился принять участіе?

— Ну, налюбовались? послышался, наконецъ, веселый голосъ Макъ Грегора.—Пойдемте же домой, сегодня нужно лечь спать пораньше, вѣдь вы проѣхались порядочно верхомъ, такъ вѣрно рады будете отдохнуть.

Всѣ воротились въ домъ. Макъ Грегоръ указалъ каждому его „конурку", говоря, что не смѣетъ называть спальней такое скромное помѣщеніе, а самъ накинулъ на себя мѣховой плащъ, нахлобучилъ мѣховую шапку и закутался такъ, что видны были только его два зоркіе глаза, кончикъ загорѣлаго носа и огонекъ сигары.

— Покойной ночи, господа! сказалъ онъ весело, отворяя наружную дверь.

— Куда вы, Макъ Грегоръ? спросилъ баронетъ.

— Въ обходъ, отвѣчалъ онъ коротко и исчезъ за дверью.

ГЛАВА II

Что сталось съ индѣйцемъ

На другой день, послѣ завтрака, Макъ Грегоръ обратился къ четыремъ младшимъ членамъ своей партіи—Дюрану, Гревзу, Блэку и Гордону — съ такою рѣчью:

— Для васъ, господа, у насъ еще нѣсколько недѣль не будетъ никакого дѣла. Вслѣдствіе несчастнаго случая—къ сожалѣнію, они у насъ не рѣдки — въ нашемъ предпріятіи произошла остановка. Отдыхайте пока отъ дороги, ходите на охоту, ловите рыбу, катайтесь—здѣсь есть что посмотрѣть и чѣмъ поразвлечься. Для васъ найдутся у насъ и ружья, и рыболовные снаряды; мы можемъ также дать вамъ лошадей, пока отдохнутъ ваши. Позабавьтесь, пока есть время.

Молодые люди не заставили повторить себѣ это два раза. Какъ скоро наступало утро, они отправлялись кто въ лѣсъ, кто къ рѣкѣ, стрѣляли карибу и прочую дичь, ловили громадныхъ лососей, ходили даже на медвѣдя, словомъ, проводили время пріятно и не безъ пользы, такъ какъ ихъ охота и рыбная ловля

Digitized by Google

доставляли свѣжую провизію къ обѣду. По вечерамъ обыкновенно собирались они вмѣстѣ, курили и болтали о томъ, о семъ, чаще всего строя предположенія, чѣмъ заняты ихъ „старшіе", какъ они называли Бернета, Макъ Грегора и сэра Джорджа, которые почти безотлучно находились при работахъ. Но съ разспросами къ нимъ они не приставали, зная, что разгадка придетъ въ свое время. Такъ текли дни за днями, тихо, мирно, пока, наконецъ, трагическое приключеніе не нарушило этого пріятнаго однообразія.

— Никакъ я не могу понять, что за человѣкъ Бернетъ, сказалъ Блэкъ однажды вечеромъ, когда они собрались всѣ четверо въ домѣ въ ожиданіи обѣда, который всегда подавался поздно. — Онъ для меня самая неразгаданная личность, какую я когда либо встрѣчалъ. Всегда озабоченъ и всегда вѣжливъ, постоянно серьезенъ, а между тѣмъ относится такъ снисходительно къ нашимъ подчасъ легкомысленнымъ выходкамъ. Утромъ онъ уходитъ изъ дома одѣтый чисто, опрятно, словно въ гости, вечеромъ возвращается весь черный, какъ трубочистъ. Не выберешь время и потолковать съ нимъ; утромъ онъ такъ сосредоточенъ въ своихъ мысляхъ, что къ нему не подступишься, вечеромъ такъ утомленъ, что жаль его тревожить.

— Онъ, кажется, до сихъ поръ не знаетъ, какъ насъ зовутъ, замѣтилъ Гордонъ.—Если ему нужно сказать что либо которому нибудь изъ насъ, онъ обращается къ нему со словомъ мистеръ и только.

— А все-таки онъ славный малый! воскликнулъ Дюранъ.

— И я того же мнѣнія, согласился Гревзъ.

Оба очень симпатизировали ученому: Дюранъ проектировалъ сдѣлать его героемъ трехтомнаго романа, а Гревзъ замышлялъ списать съ него шильонскаго узника или кого нибудь въ этомъ родѣ.

— А что вы скажете о Макъ Грегорѣ? спросилъ Блекъ. — Этому, кажется, сами черти служатъ.

— Черти не черти, возразилъ Гордонъ, — а, пожалуй, что близко къ тому. Если ему удалось забрать себѣ въ лапы такого чертовски полезнаго человѣка, какъ сэръ Джорджъ, значитъ ему, какъ говорится, бабушка ворожитъ. Вѣдь такого козыря, какъ нашъ баронетъ, днемъ съ огнемъ поискать: и уменъ, и практиченъ, а богатъ-то какъ! Я думаю, онъ одинъ стоитъ...

Гордонъ пріостановился, недоумѣвая даже въ какую сумму оцѣнить баронета.

— Обѣдать, господа! воскликнулъ Макъ Грегоръ, входя въ комнату. Бернетъ и капиталистъ вошли вслѣдъ за нимъ; у каждаго была въ рукахъ бумажка, испещренная цифрами и фигурами, и каждый, подходя къ столу, какъ бы нехотя сунулъ свой листокъ въ карманъ, словно жалѣя, что приходится от-

Digitized by Google

кладывать въ сторону дѣловыя соображенія для такого пустаго процеса, какъ обѣдъ.

Всѣ сѣли за столъ. Разговоръ за обѣдомъ обыкновенно шелъ живо; одинъ молчаливый Бернетъ рѣдко вмѣшивался въ него, хотя, очевидно, отдыхалъ и развлекался, прислушиваясь къ болтовнѣ остальныхъ. Но въ этотъ вечеръ на трехъ „старшихъ" напала какая-то сосредоточенность, а, глядя на ихъ серьезныя лица, присмирѣли и младшіе. Всѣ мало по малу совсѣмъ примолкли; тишина въ комнатѣ нарушалась только отдаленнымъ гуломъ, доносившимся съ заводовъ.

— Боюсь, что вы пріѣхали сюда раненько, Стерлингъ, сказалъ, наконецъ, Макъ Грегоръ, обращаясь къ капиталисту съ необычайною для него торжественностью.

— А что? освѣдомился баронетъ съ удивленіемъ.

— На заводѣ народъ волнуется. Ходятъ слухи, будто большая часть мѣшковъ, что вы привезли съ собой, полна золотыхъ монетъ.

— Хоть бы и такъ, чтожъ изъ этого?

— А то, что, во-первыхъ, рабочіе легко могутъ потребовать прибавки платы, которая, какъ вы сами знаете, у насъ и безъ того ненормально высока, и въ случаѣ отказа забастовать, что было бы для насъ крайне нежелательно. Во-вторыхъ, они чего добраго затѣятъ перерѣзать насъ всѣхъ. За деньги этотъ народецъ на все пойдетъ, особенно мулаты — сущіе дьяволы.

— Жаль въ такомъ случаѣ, что вы меня вызвали такъ рано, согласился баронетъ, слегка нахмуривъ брови. — Вѣдь я не по своей охотѣ поторопился, вы сами назначили мнѣ срокъ...

— Я и думалъ, что все готово или, по крайней мѣрѣ, будетъ готово черезъ нѣсколько дней, сказалъ Макъ Грегоръ, — но, къ несчастію, случилась ошибка; многое пришлось начать съизнова, оттого и произошла задержка.

— Это не ошибка, спокойно возразилъ Бернетъ. — Просто произошелъ несчастный случай, благодаря неопытности рабочихъ.

— Знаю, что не ваша вина, Бернетъ, поспѣшилъ прибавить Макъ Грегоръ, — да дѣло-то выходитъ на то же. Къ сожалѣнію, у меня есть еще непріятная новость.

— Еще?

— Да, часть рабочихъ вошла въ сношенія съ партіей такъ называемыхъ „черноногихъ индѣйцевъ" и подбила ихъ напасть на насъ.

— Вотъ какъ! воскликнулъ баронетъ съ испугомъ. — Когда же, вы думаете, нужно ожидать нападенія?

— Сегодня вечеромъ.

— Сегодня? можетъ ли быть! какъ же это? закричали всѣ

Digitized by Google

разомъ, поднимаясь со своихъ мѣстъ, кромѣ Магъ Грегора и Бернета. — Сегодня вечеромъ, и вы сидите такъ спокойно!

— Не тревожьтесь, господа, проговорилъ Макъ Грегоръ самымъ хладнокровнымъ тономъ.—Нашъ пріятель — онъ указалъ на Бернета — ужъ принялъ всѣ мѣры, какія нужно.

Едва успѣлъ онъ сказать это, какъ невдалекѣ послышался выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ раздался дикій воинственный кликъ.

— Не пугайтесь! повторилъ Макъ Грегоръ. — Отойдите только подальше отъ окна: я отворю ставню.

Бернетъ всталъ и, подойдя къ стѣнѣ, придавилъ какую-то пуговку. Комната, за мигъ передъ тѣмъ ярко освѣщенная, вдругъ погрузилась въ мракъ. Макъ Грегоръ подошелъ къ окну и отперъ желѣзную ставню. За окномъ царила тоже непроглядная темнота. Невдалекѣ опять раздался выстрѣлъ; очевидно, это былъ сигналъ. Бернетъ придавилъ другую пуговку—и вдругъ на весь лѣсъ, чуть не на полмили въ окружности, словно пролился яркій потокъ свѣта: на каждомъ деревѣ вспыхнули электрическіе фонари, ослѣпляя глазъ своимъ сіяніемъ. Въ то же время по близости дома раздался испуганный крикъ многихъ голосовъ, и бывшіе въ столовой увидѣли изъ окна человѣкъ пятьдесятъ индѣйцевъ, распростертыхъ на землѣ въ положеніи, выражавшемъ сильнѣйшій страхъ и полную покорность. Аттака ихъ кончилась раньше, чѣмъ началась. Они надѣялись подкрасться въ темнотѣ, но, ослѣпленные внезапнымъ свѣтомъ, вообразили, что пришелъ конецъ міра и съ воплемъ ужаса пали ницъ передъ волшебникомъ, которому приписывали это чудо.

Макъ Грегоръ въ сопровожденіи остальныхъ — само собою разумѣется, что никто изъ нихъ не забылъ захватить съ собой оружіе — вышелъ къ нимъ и объявилъ имъ помилованіе. Хорошо, что онъ поторопился: бунтовщики съ завода, удостовѣрившись, что индѣйцы уже явились, и ожидая, что битва между хозяевами и ими сейчасъ разгорится, прибѣжали къ нимъ на помощь, вооруженные молотками и ломами. Впереди бѣжали мулаты, за ними шли бѣлые рабочіе, все больше кузнецы и пиротехники, занимавшіе на заводахъ болѣе видное положеніе. Они въ сущности не были бунтовщиками, но, не въ силахъ будучи остановить движеніе, рѣшились присоединиться къ побѣдителямъ, которая бы сторона ни одержала верхъ. Положеніе „хозяевъ“ было, повидимому, довольно критическое: хотя всѣ они были вооружены скорострѣльными ружьями и револьверами, но численный перевѣсъ былъ, очевидно, на сторонѣ враговъ. Къ счастью, мулаты, увидя индѣйцевъ распростертыми на землѣ, пріостановились, и воинственный пылъ ихъ поутихъ; пошептавшись между собою, они начали было отступать, и все,

Digitized by Google

казалось, готово было уладиться, но у „хозяевъ“ былъ врагъ, опасности котораго они не подозрѣвали. Старый предводитель индѣйцевъ былъ человѣкъ весьма хитрый и отважный; онъ часто бывалъ между европейцами, много слыхалъ о „бѣломъ колдунѣ“ — такъ называли Бернета, слава котораго успѣла проникнуть уже далеко — и понималъ, что вся суть въ немъ и что, еслибъ его не стало, то прочіе безъ него ничего не подѣлаютъ. Однако онъ ничѣмъ не выдалъ, что было у него на умѣ, и преклонилъ передъ нимъ колѣно вмѣстѣ съ прочими, но когда Макъ Грегоръ, сдѣлавъ индѣйцамъ знакъ, что они могутъ встать и удалиться, пошелъ обратно къ дому съ остальными, индѣецъ не остался со своей шайкой, а незамѣтно пошелъ за англичанами. Пропустивъ младшихъ впередъ, Макъ Грегоръ шелъ въ арьергардѣ со своими главными помощниками; индѣецъ подкрался къ нимъ сзади, какъ змѣя; въ рукѣ у него сверкнулъ длинный ножъ — и Бернетъ упалъ на землю, обливаясь кровью.

Броситься на индѣйца, схватить его желѣзной рукой за горло, повалить и придавить колѣномъ было для Макъ Грегора дѣломъ одной минуты. Но паденіе Бернета было тотчасъ замѣчено. Толпа рабочихъ, начавшая было расходиться, остановилась; индѣйцы перемѣнили покорный видъ на свирѣпый. Дѣло опять начало принимать грозный оборотъ для англичанъ: что̀ могли они сдѣлать семеро, хотя и хорошо вооруженныхъ людей, противъ разсвирѣпѣвшей толпы человѣкъ въ двѣсти, ждавшей только сигнала, чтобы кинуться на нихъ. Но Макъ Грегоръ не потерялся: его удивительная сообразительность не покинула его и въ эту опасную минуту.

— Кто нибудь изъ васъ подержите эту собаку, сказалъ онъ обращаясь къ товарищамъ,—а я посмотрю, что̀ съ Бернетомъ. Остальные стойте наготовѣ и, какъ скоро одинъ изъ этихъ негодяевъ сдѣлаетъ хоть шагъ впередъ, стрѣляйте, сплотитесь вмѣстѣ — вотъ такъ! молодцы!

Энергичный Гордонъ бросился къ индѣйцу и приставилъ къ его виску дуло своего револьвера. Прочіе живо выполнили предписанный имъ маневръ, словно вѣкъ повиновались подобнымъ приказаніямъ. Успокоившись, что индѣецъ не уйдетъ, Макъ Грегоръ подошелъ къ Бернету, у котораго кровь лилась ручьемъ. Перевязывая ему наскоро рану, Макъ Грегоръ началъ вполголоса убѣждать его въ чемъ-то.

— Нельзя ли обойтись безъ этого? проговорилъ Бернетъ слабымъ голосомъ, — тяжело...

— Полно вздоръ молоть! Что̀ значитъ жизнь одного человѣка въ сравненіи съ жизнью сотни людей! Неужели ты не видишь, что если намъ не удастся ихъ разсѣять, битва завя-

Digitized by Google

жется на смерть? Не думаешь ли ты, что они простоятъ такъ цѣлую ночь и будутъ смотрѣть на насъ? Стоитъ кому нибудь крикнуть: „впередъ!“ и вся ватага на насъ кинется. Рѣшайся, пока не поздно.

— Ну, хорошо. Слушай!

Макъ Грегоръ наклонился къ нему, и онъ въ полголоса съ сильной поспѣшностью далъ ему какія-то инструкціи.

— Понимаю, сказалъ Макъ Грегоръ, вставая.—Будетъ сдѣлано, и — повѣрь — это единственный исходъ.

Между тѣмъ обѣ враждебныя стороны все стояли одна противъ другой, не трогаясь съ мѣста, но, повидимому, горя нетерпѣніемъ вступить въ битву. Макъ Грегоръ подошелъ къ товарищамъ и шепнулъ имъ торопливо:

— Господа, этотъ индѣецъ долженъ умереть, иначе мы всѣ погибнемъ. Если намъ не удастся ихъ разогнать, они черезъ пять минутъ нападутъ на насъ. Наша жизнь на волоскѣ. Я стою за то, что этотъ злодѣй достоинъ смерти; говорите скорѣе: согласны вы со мной?

— Согласны! отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ.

— Хорошо, сказалъ Макъ Грегоръ и быстро подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ индѣецъ, не смѣя шевельнуться подъ револьверомъ Гордона.

— Вставай и иди впередъ! сказалъ онъ дикарю, наводя на него свой револьверъ и сдѣлавъ знакъ Гордону отойти къ прочимъ. Индѣецъ всталъ и вышелъ на середину площадки, окруженной собравшейся толпой. Макъ Грегоръ вынулъ изъ кармана шелковый мѣшокъ и вытряхнулъ изъ него что-то, похожее на сѣрую скользкую глину, затѣмъ отшвырнулъ мѣшокъ далеко въ сторону.

— Стань тутъ! приказалъ онъ индѣйцу, указывая ему на это мѣсто. Тотъ угрюмо повиновался и ступилъ на глину своими мокассинами.

— А вы, крикнулъ онъ окружающимъ индѣйцамъ и рабочимъ, — ни съ мѣста! иначе пеняйте на себя. Стойте и смотрите!

Въ голосѣ у него прозвучало столько энергіи, столько власти, что бунтовщики повиновались, хотя между ними пронесся глухой, зловѣщій гулъ.

— Поди сюда, Смитъ! позвалъ онъ одного изъ рабочихъ, котораго зналъ за главнаго зачинщика возстанія. Тотъ колебался съ минуту, затѣмъ нехотя повиновался и подошелъ къ хозяину. Макъ Грегоръ вынулъ изъ другаго кармана что-то, бережно завернутое въ шелковую ткань, развернулъ обертку и подалъ Смиту довольно тяжелую металлическую пластинку. Прочіе внимательно слѣдили за этою сценою; яркій свѣтъ

Digitized by Google

электрическихъ фонарей рельефно освѣщалъ ихъ блѣдныя свирѣпыя лица.

— Передай это своему пріятелю, сказалъ Макъ Грегоръ, указывая ему на индѣйца.

Смитъ взялъ пластинку и пріостановился въ недоумѣніи, словно не зная, какъ ему поступить.

— Дѣлай, что велятъ, не то я пристрѣлю тебя на мѣстѣ!

Невольно повинуясь магическому вліянію этого суроваго, твердаго, какъ сталь, голоса, рабочій взялъ пластинку съ напускною хвастливостью въ движеніи, точно желая сказать: „полно вамъ фарсить!“ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ индѣецъ.

— Близко не подходи! крикнулъ ему Макъ Грегоръ. — Передай ему издали!

Смитъ машинально повиновался. Бернетъ, все еще лежавшій на землѣ, съ усиліемъ приподнялся и отвернулся, чтобы не видѣть происходившаго. Макъ Грегоръ напротивъ не спускалъ глазъ съ индѣйца; взглядъ его сверкалъ непоколебимой, мрачной рѣшимостью.

Дикарь взялъ пластинку съ тѣмъ же выраженіемъ угрюмаго равнодушія, которое не покидало лица его съ тѣхъ поръ, какъ его схватили. Но едва пальцы его успѣли коснуться блестящаго металла, какъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, вытянулся и словно распался въ прахъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, очутилась груда какой-то безформенной мякоти. Смитъ въ ужасѣ отшатнулся и навѣрно упалъ бы, еслибы Макъ Грегоръ не поддержалъ его.

— Видишь? сказалъ онъ ему, многозначительно указывая на безобразную груду.—Теперь ступай домой и уведи съ собой своихъ товарищей.

Толпа, объятая ужасомъ, разошлась, не говоря ни слова. Индѣйцы бросились бѣжать, какъ перепуганныя овцы. Тогда Макъ Грегоръ, внутренно торжествуя побѣду, хотя лицо его выражало одно суровое спокойствіе, подошелъ къ Бернету, который былъ въ обморокѣ, поднялъ его и съ помощью другихъ перенесъ въ домъ. Тамъ его уложили въ постель, перевязали какъ слѣдуетъ и привели въ чувство.

— Мы, кажется, всѣ обязаны вамъ сегодня жизнью, Макъ Грегоръ, сказалъ сэръ Джорджъ.

Пожалуй, что и такъ, согласился Макъ Грегоръ.—Бернетъ величайшій ученый въ мірѣ, объ этомъ спора нѣтъ, а все же иногда и простой, но энергичный человѣкъ, какъ я, можетъ пригодиться.

— Вы доказали это сегодня вполнѣ, сказалъ баронетъ, горячо пожимая ему руку.—Но скажите, умоляю васъ, что вы сдѣлали этому несчастному дикарю?

— Объ этомъ ужъ спросите Бернета. Это его выдумка, хотя

Digitized by Google

вы видѣли, съ какимъ трудомъ я убѣдилъ его привести ее въ дѣйствіе. А онъ и придумалъ-то ее именно на тотъ случай, если придется дать острастку — во избѣжаніе большаго кровопролитія: вѣдь онъ зналъ съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло.

— Я не рѣшусь заговорить съ нимъ объ этомъ, сказалъ сэръ Джорджъ.—Я и не добиваюсь знать, что это за ужасный составъ; скажите только, если можете, въ чемъ состоитъ его дѣйствіе?

— 'Онъ уничтожаетъ всякую связь между составными частями человѣческаго тѣла, отвѣчалъ Макъ Грегоръ глухо.

Никто не сдѣлалъ никакого замѣчанія. Всѣ молча простились и разошлись по спальнямъ, подавленные впечатлѣніями ужаснаго вечера.

ГЛАВА III

Стальной шаръ

На другой день работа на заводахъ шла на славу: всѣ рабочіе наперерывъ старались угодить хозяевамъ. Индѣйцы исчезли.

Макъ Грегоръ всталъ съ разсвѣтомъ и ушелъ на заводы, прежде нежели кто нибудь поднялся въ домѣ. Въ продолженіе дня онъ нѣсколько разъ возвращался въ домъ для совѣщанія съ Бернетомъ, лежавшимъ въ постели; при этихъ совѣщаніяхъ присутствовалъ и сэръ Джорджъ. Остальнымъ не сидѣлось на мѣстѣ: они бродили около дома съ сигарами, оживленно разговаривая. Никому не приходило въ голову отправиться ни на охоту, ни на рыбную ловлю; всѣ были заняты происшествіями прошлаго вечера. Невдалекѣ отъ дома была насыпана свѣжая могила, и всѣ не только тщательно обходили ее, но даже старались не смотрѣть въ ту сторону.

Прошло нѣсколько дней. Бернетъ поправился и сталъ по обыкновенію выходить на работы. Вдругъ въ одинъ ясный день на заводахъ настало какое-то странное затишье. Около полудня рабочіе съ котомками на плечахъ толпами потянулись по тропинкамъ, ведущимъ изъ лѣса на берегъ; тогда младшіе члены компаніи—баронетъ, судя по всему, былъ посвященъ, если не во всѣ, то во многія тайны Бернета и Макъ Грегора—вспомнили, что когда пароходикъ, спеціально для нихъ нанятый, привезъ ихъ съ острова Ванкувера, капитанъ сказалъ имъ, что ему приказано остаться у берега и подождать толпу рабочихъ, которые заняты внутри страны, чтобы отвезти ихъ обратно, когда они кончатъ свое дѣло. Теперь это время повидимому наступило: на заводѣ осталась только небольшая кучка самыхъ искусныхъ рабочихъ, но имъ, повидимому, было дѣла еще довольно.

Въ этотъ день за обѣдомъ всѣ были какъ-то странно мол-

Digitized by Google

чаливы; разговоръ не клеился, можетъ быть этому содѣйствовала необычайная тишина и темнота, господствовавшія за стѣнами дома. Не слышно было оглушающаго стука паровыхъ молотовъ, не видно яркаго пламени, вспыхивавшаго бывало то и дѣло изъ заводскихъ трубъ за лѣсомъ; только мелькали изъ-за вѣтвей, словно звѣздочки, освѣщенныя окна нѣкоторыхъ строеній, да доносились въ открытыя окна издали постукиванія ручныхъ молоточковъ. Въ темномъ тепломъ воздухѣ вѣяло какою-то тайною. Старшіе сидѣли угрюмо и сосредоточенно погруженные каждый въ свою думу, а младшіе не рѣшались приставать къ нимъ съ разспросами.

Прошло еще нѣсколько дней, и на разъѣздахъ водворилась полнѣйшая тишина, даже молоточки умолкли. Тѣмъ не менѣе трое старшихъ съ утра отправились на заводъ. Что они тамъ дѣлаютъ? спрашивали другъ у друга младшіе, теряясь въ догадкахъ. Наконецъ Гордонъ, самый энергичный изъ всѣхъ, какъ и слѣдуетъ быть спеціальному корреспонденту, не выдержалъ и вскочилъ съ мѣста:

— Что мы тутъ мучаемся! воскликнулъ онъ. — Пойдемте и мы на заводъ, авось узнаемъ въ чемъ дѣло.

— Сходите вы и разскажите намъ, Гордонъ, спасибо скажемъ, отвѣчалъ Блэкъ, лѣниво закуривая сигару.

Прочіе также отказались идти, ссылаясь на лѣнь и жару. Гордонъ ушелъ одинъ, но черезъ полчаса рабочій принесъ Блэку коротенькую записку такого содержанія: „Идите скорѣе на заводы. Здѣсь есть диковинка, передъ которой ничто всѣ чудеса тысячи одной ночи. Гордонъ.“

— Вѣрно этотъ колдунъ Бернетъ выкинулъ какую нибудь штуку, сказалъ Дюранъ. — Это интересно. Пойдемте, Гревзъ!

Блэка не нужно было приглашать; онъ чуть не бѣгомъ побѣжалъ впередъ. Они пошли той дорогой, которая вела къ обрыву. Блэкъ добѣжалъ первый до деревяннаго балкона, наклонился внизъ и вскрикнулъ съ такимъ изумленіемъ, что его спутники бросились къ нему опрометью.

— Что случилось? воскликнули они разомъ.

— Бернетъ построилъ маленькую луну, отвѣчалъ Блэкъ.— Смотрите!

Дѣйствительно на площадкѣ передъ главнымъ зданіемъ завода сверкалъ на солнцѣ шаръ изъ вороненой стали футовъ пятидесяти въ діаметрѣ. Формою онъ напоминалъ въ точности земной шаръ и подобно ему былъ придавленъ съ двухъ сторонъ. Таково было созданіе Бернета, и вѣроятно дѣло его было кончено вполнѣ: остававшіеся еще на заводахъ рабочіе тоже собирались въ путь и одинъ за однимъ выходили на дорогу со своими котомочками.

Digitized by Google

Не легко было Бернету привести къ концу свое предпріятіе. Оно стоило ему больше года самаго упорнаго труда, но должно замѣтить, что ему пришлось употребить наибольшую часть этого времени на приготовительныя работы. Нужно было самому устроить рудники, чтобы добыть металлъ, самому прорыть копи, чтобы добыть уголь, самому построить заводы, устроить паровые молоты, краны, паровыя пилы, а главное обучить рабочихъ и заставлять ихъ работать, не спуская съ нихъ глазъ, такъ какъ малѣйшая ошибка, неточность или недобросовѣстность могли погубить все. Доставка припасовъ для продовольствія была также сопряжена съ громадными трудностями, словомъ, мѣстность для производства работъ была, повидимому, выбрана самая неподходящая, но она обладала двумя удобствами, заставлявшими забыть всѣ неудобства: во-первыхъ, тамъ легко можно было добывать въ значительномъ количествѣ металлы и уголь, во-вторыхъ, тамъ вовсе не было общественнаго мнѣнія. Въ этой уединенной долинѣ не было никого, кромѣ лицъ, приглашенныхъ Бернетомъ и Макъ Грегоромъ, и рабочихъ. Первые не захотѣли бы измѣнить ихъ тайнѣ, а послѣдніе не могли бы. Ни одинъ изъ рабочихъ не могъ бы добраться обратно до берега безъ письменнаго разрѣшенія отъ хозяевъ смотрителямъ расположенныхъ по дорогѣ складовъ съѣстнаго снабжать его припасами: онъ бы умеръ съ голода или принужденъ былъ бы воротиться. Теперь, когда дѣло было кончено и рабочіе получили разсчетъ и позволеніе воротиться восвояси, Бернету не было до нихъ дѣла: онъ зналъ, что „стальной шаръ“ — такъ назвалъ онъ свою машину — исчезнетъ съ лица земли задолго до того времени, пока они успѣютъ разболтать о немъ что нибудь. Объ индѣйцахъ онъ не заботился: они никогда не подходятъ даже близко къ европейскимъ селеніямъ, да еслибъ они и вздумали болтать, имъ никто не повѣрилъ бы. Вотъ что заставило Бернета выбрать негостепріимную долину на Аляскѣ для того, чтобъ трудиться тамъ надъ своею таинственною постройкою. И, наконецъ, труды его увѣнчались успѣхомъ: странный стальной шаръ, въ устройство котораго онъ вложилъ всю душу, былъ готовъ и лежалъ, сверкая на солнцѣ, передъ удивленными взглядами тѣхъ, которые смотрѣли на него съ высоты обрыва. Возлѣ него стояли Бернетъ, Макъ Грегоръ и сэръ Джорджъ. Бернетъ былъ погруженъ въ свое обычное раздумье, а сэръ Джорджъ усердно толковалъ ему что-то, чертя въ то же время цифры въ своей записной книжкѣ. Макъ Грегоръ первый оглянулся и увидѣлъ стоявшихъ наверху.

— Здравствуйте, господа! закричалъ онъ имъ своимъ веселымъ голосомъ.—Вы пришли посмотрѣть нашу диковинку. Идите сюда! сейчасъ я все вамъ покажу.

Digitized by Google

Говоря это, онъ указывалъ имъ на тропинку, по которой легко можно было спуститься въ долину. Они поспѣшили сойти. Къ шару вела деревянная подставка, по которой они дошли до него. Макъ Грегоръ отворилъ дверь, продѣланную въ немъ съ боку, и ввелъ ихъ во внутренность его.

— Смотрите сколько хотите, сказалъ онъ, — но только не требуйте отъ меня никакихъ объясненій: я самъ, хоть убейте, ничего не понимаю. Бернетъ можетъ объяснить вамъ все, но онъ выражается такимъ ученымъ языкомъ, что врядъ ли и вы что нибудь поймете.

Вокругъ внутренней стороны шара вилась спиральная лѣстница. У этой лѣстницы, на столько отлогой, что ее вѣрнѣе можно было бы назвать скатомъ, шли перила и съ верхней, и съ нижней сторонъ, такъ что, еслибъ шаръ перевернулся вверхъ дномъ, то можно было бы ходить и по нижней сторонѣ ея такъ же удобно, какъ по верхней. Вообще въ шарѣ не было, собственно говоря, ни нижней, ни верхней стороны: одна была точнымъ подобіемъ другой. На полу стояли удобныя кресла, роскошныя мягкія кушетки, письменные столы и шкафы съ книгами; все это было крѣпко привинчено къ полу. Точь въ точь такіе же кресла, кушетки, столы и шкафы висѣли съ потолка вверхъ ногами.

Посреди шара была устроена, привѣшанная на цѣпяхъ, словно большая корабельная лампа, помѣстительная платформа. Къ ней былъ придѣланъ весьма большой телескопъ и со спиральной лѣстницы можно было видѣть, что она вся заставлена астрономическими инструментами; какія-то странныя расписанія, съ буквами, цифрами и линіями, до того мелкими, что ихъ казалось трудно было разглядѣть безъ увеличительнаго стекла, были врѣзаны въ массивный деревянный столъ, стоявшій по серединѣ платформы. Значительная часть внутренняго пространства шара наполнялась крѣпкими желѣзными резервуарами; къ каждому резервуару былъ прибитъ ярлычекъ съ обозначеніемъ количества его содержимаго, и, кромѣ того, на особомъ расписаніи обозначена была общая цифра содержимаго во всѣхъ резервуарахъ. Всѣ они были наполнены сжатымъ воздухомъ.

Во всей окружности шара были продѣланы безчисленныя окна, задѣланныя тройной толщины стекломъ, крѣпкимъ какъ сталь, но совершенно прозрачнымъ. Очевидно вентиляція шара должна была производиться не черезъ окно, а какимъ нибудь инымъ способомъ.

— Понимаете теперь въ чемъ дѣло, Блэкъ? спросилъ Макъ Грегоръ улыбаясь.

— Какъ нельзя лучше, отвѣтилъ Блэкъ, дѣлая видъ, что и

Digitized by Google

въ самомъ дѣлѣ понимаетъ кое-что: — впрочемъ, мнѣ еще несовсѣмъ ясно...

— Вѣрю, перебилъ его Макъ Грегоръ со смѣхомъ. — Ну, скажу вамъ прямо, и я по всей вѣроятности понимаю столько же, сколько и вы. У меня есть передъ вами только одно преимущество.

— Какое?

— Я знаю, куда полетитъ шаръ, а вы не знаете.

— Развѣ онъ полетитъ куда нибудь? вы его продали?

— Продать его! ни за какую цѣну, хотя бы мнѣ предложили за него званіе тибетскаго далай-ламы.

— Послушайте, Макъ Грегоръ, пора бы вамъ, кажется, сообщить намъ что нибудь о вашихъ намѣреніяхъ, сказалъ Блэкъ, принимая болѣе серьезный тонъ. — Вотъ ужъ нѣсколько недѣль, какъ мы живемъ здѣсь, въ первобытномъ лѣсу, который право больше похожъ на Бэдламъ, чѣмъ на Аркадію. Вы, Бернетъ и сэръ Джорджъ затѣяли между собой какія-то проказы, а намъ ни слова о вашихъ затѣяхъ: только и знаете, что перешептываетесь и перемигиваетесь втроемъ! Вы думаете — намъ пріятно хлопать на васъ глазами, не понимая въ чемъ дѣло? Объясните, наконецъ, къ чему вамъ эта махина, которая, по правдѣ сказать, гораздо интереснѣе, но и гораздо загадочнѣе Эйфелевой башни.

— Вы совершенно правы, согласился Макъ Грегоръ. — Передъ нашимъ стальнымъ шаромъ Эйфелева башня чистѣйшій пустякъ.

— Ну да, и я говорю то же; я только скажу вамъ напрямки: если вы не объясните мнѣ — къ чему вы его построили, я сегодня же уѣду отсюда. Я не намѣренъ ждать, чтобъ опять появились индѣйцы и чтобъ вы начали обращать ихъ въ прахъ. Меня до сихъ поръ еще дрожь беретъ, какъ я объ этомъ вспомню...

— Не горячитесь, Блэкъ. Не далѣе, какъ сегодня за обѣдомъ, вы все узнаете.

— Что именно?

— Узнаете — куда полетитъ шаръ и кто въ немъ полетитъ.

— А когда онъ полетитъ? спросилъ Блэкъ насмѣшливо.

— Сегодня ночью, отрѣзалъ Макъ Грегоръ.

— Да, пора намъ приготовиться въ путь и уложиться, замѣтилъ сэръ Джорджъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ. — Вы, Блэкъ, Макъ Грегоръ и Гордонъ большіе путешественники, у васъ вѣроятно не будетъ съ собой поклажи, кромѣ развѣ запасной фланелевой блузы, да запасной пары чулокъ, ну а мы остальные люди осѣдлые, любимъ удобства. Разойдемся же пока, чтобъ заняться дѣломъ.

Digitized by Google

— Что вы думаете обо всемъ этомъ, Дюранъ? спросилъ Блэкъ на возвратномъ пути къ дому. — Понимаете вы что нибудь?

— Понимаю пока только одно: что мы сегодня покидаемъ здѣшній гостепріимный домъ, и, по правдѣ сказать, я этому очень радъ; я написалъ нѣсколько страничекъ о здѣшнихъ непроходимыхъ лѣсахъ и о здѣшнихъ горахъ съ ихъ вершинами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ; вклею мое описаніе въ какой нибудь романъ, а больше мнѣ писать о здѣшнемъ краѣ нечего, значитъ и дѣлать здѣсь больше нечего.

— И я тоже, вмѣшался Гревзъ, — набросалъ нѣсколько лѣсныхъ эскизовъ съ довольно удачнымъ освѣщеніемъ и больше мнѣ здѣсь также нечего дѣлать. Ужасно хотѣлось бы назадъ, въ Лондонъ.

— А я не написалъ ни строки, замѣтилъ Гордонъ; — отсюда вѣдь не позволяется отправлять спеціальныхъ корреспонденцій. Но я вѣрю въ Макъ Грегора: съ нимъ я наверстаю потерянное. Онъ не такой человѣкъ, чтобъ заставить кого нибудь даромъ затратить время.

— Хорошо вамъ, отозвался Блэкъ угрюмо, — а я-то на кой чортъ сидѣлъ здѣсь столько попусту? Какая здѣсь дѣятельность для политика? Говоря откровенно, всѣ ихъ затѣи и ихъ загадочный стальной шаръ начинаютъ мнѣ казаться ужаснѣйшей чепухой!

— Не судите раньше времени, спокойно замѣтилъ Гордонъ. — Подождемъ, что скажетъ Макъ Грегоръ.

— Чушь! вспылилъ Блэкъ. — Что онъ намъ скажетъ? Обѣщалъ сказать — куда полетитъ шаръ и кто въ немъ полетитъ... ха-ха-ха! Желалъ бы я знать, какъ онъ полетитъ. Вотъ, еслибъ они поставили его на гору да хорошенько толкнули внизъ, тогда онъ авось бы полетѣлъ, а такъ... что это?

На встрѣчу имъ шла цѣлая партія носильщиковъ съ корзинами, пакетами и ящиками, въ числѣ которыхъ Блэкъ живо узналъ знаменитый погребецъ сэра Джорджа.

— Куда вы? спросилъ онъ передоваго носильщика.

— На заводы, сэръ, отвѣчалъ тотъ.

— Зачѣмъ?

— Несемъ запасы въ стальной шаръ, сэръ.

— Однако они и въ самомъ дѣлѣ должно быть замышляютъ отправиться куда-то въ этой игрушкѣ, замѣтилъ Блэкъ въ недоумѣніи и затѣмъ всю дорогу не говорилъ больше ни слова. Всѣ молча дошли до дома, погруженные въ думу; каждый невольно задавался вопросомъ: неужели Макъ Грегоръ, котораго они всѣ знали за такого практичнаго человѣка, съ ума сошелъ, что затѣваетъ подобныя нелѣпости. Неужели Бернетъ заразилъ его своимъ ученымъ сумасбродствомъ?

— Никогда еще не ожидали обѣда съ такимъ нетерпѣніемъ,

Digitized by Google

какъ въ этотъ день, никогда такъ не торопились съѣсть его: всѣ горѣли желаніемъ слышать обѣщанныя объясненія. Наконецъ, за послѣднимъ блюдомъ, Макъ Грегоръ наполнилъ свой бокалъ до краевъ и всталъ съ мѣста, высоко поднявъ его надъ головой.

— Господа, предлагаю вамъ тостъ, сказалъ онъ, — за счастливый путь и благополучное возвращеніе всѣхъ насъ!

Всѣ присутствовавшіе весело повторили эти слова, и Макъ Грегоръ, выпивъ свой бокалъ, сѣлъ опять и продолжалъ совершенно серьезно:

— Вы помните, я обѣщалъ дѣло всѣмъ вамъ, дѣло хорошее, не рутинное, изъ ряду вонъ выходящее? Вы повѣрили мнѣ на слово и пріѣхали сюда. Теперь я могу оправдать ваше довѣріе. Скажите: оно до сихъ поръ не поколебалось въ васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! закричали всѣ съ восторгомъ.

— Ну, слушайте же! Вамъ предстоитъ путешествіе, самое далекое изъ всѣхъ, какія когда либо предпринималъ человѣкъ.

— А въ чемъ мы предпримемъ его? спросилъ Гордонъ.

— Въ стальномъ шарѣ.

Слова эти вызвали общій взрывъ негодованія. Одинъ сэръ Джоржъ молчалъ: онъ былъ очевидно посвященъ въ тайну обоихъ пріятелей.

— Вы большой шутникъ, м-ръ Макъ Грегоръ, это всѣ мы знаемъ, сказалъ Дюранъ, — но позвольте вамъ замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ ваши шутки неумѣстны.

— Увѣряю васъ, я не шучу, отвѣтилъ Макъ Грегоръ такъ серьезно, что Блэкъ дернулъ Дюрана за рукавъ.

— Не горячитесь, шепнулъ онъ ему, — будьте осторожнѣе въ словахъ, вы, кажется, выпили лишнее.

— А позвольте спросить, куда же мы отправляемся? спросилъ Дюранъ, не слушая пріятеля. — Гдѣ лежитъ тотъ отдаленный пунктъ земли, къ которому вы стремитесь?

— Пунктъ, къ которому я стремлюсь, отвѣчалъ Макъ Грегоръ, — лежитъ не на землѣ.

— Такъ гдѣ же? скажите ради Бога!

Макъ Грегоръ секунду помедлилъ отвѣтомъ, какъ бы собираясь съ духомъ, и наконецъ проговорилъ спокойно:

— На планетѣ Марсъ.

ГЛАВА IV

Страшный рискъ

Нѣсколько минутъ никто не говорилъ ни слова. Макъ Грегоръ произнесъ послѣднія слова такъ серьезно, что нельзя было допустить и мысли, будто онъ шутитъ. Видя, что всѣ

Digitized by Google

растерянно, безпомощно переглядываются между собою, онъ вдругъ обратился къ своему другу:

— Объясни имъ, Бернетъ, сказалъ онъ. — Они удивлены — это понятно. Скажи имъ все, опиши свое изобрѣтеніе.

Бернетъ рѣдко вмѣшивался въ общій раговоръ; какъ глубокіе мыслители, онъ плохо умѣлъ болтать, хотя не былъ свободенъ отъ общей слабости ученыхъ — любилъ подчасъ сказать рѣчь. Теперь случай къ тому былъ удобный, и, кромѣ того, онъ чувствовалъ, что обязанъ просвѣтить своихъ слушателей, поэтому поспѣшилъ исполнить желаніе своего пріятеля.

Я не удивляюсь вашему смущенію, господа, сказалъ онъ съ обычною своею спокойною привѣтливостью. — Слова моего друга естественно должны были показаться словами сумасшедшаго. Тѣмъ не менѣе онъ говоритъ сущую правду. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ я изслѣдовалъ одну отрасль науки, хотя не знаю — вѣрно ли будетъ назвать ее отраслью, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ элементы всѣхъ наукъ. Она обнимаетъ начало, продолженіе и конецъ всего. Въ теченіе моихъ многолѣтнихъ изслѣдованій я сдѣлалъ немало удивительныхъ открытій, но послѣднее и величайшее изъ всѣхъ было сдѣлано не болѣе года назадъ.

— Я очень помню этотъ день, замѣтилъ Макъ Грегоръ, ласково улыбаясь ему.

— Вы, конечно, знаете всѣ, что планеты движутся въ своихъ орбитахъ со скоростію въ шесть разъ пропорціональною ихъ среднему разстоянію...

— Нѣтъ, мы этого не знаемъ, вмѣшался опять Макъ Грегоръ, — но продолжай.

Слова эти смутили Бернета, онъ примолкъ на минуту и обвелъ своихъ слушателей — которые не сводили съ него глазъ, притаивъ дыханіе — взглядомъ, выражавшимъ глубокое сожалѣніе: не легко было ему говорить съ людьми, не имѣвшими понятія даже о такихъ простыхъ вещахъ, какъ скорость движенія планетъ, но говорить было надо, и онъ продолжалъ медленно, какъ бы подъискивая слова и очевидно стараясь выражаться какъ можно проще:

— Мнѣ очень трудно объяснять мое открытіе людямъ, незнакомымъ съ элементарными научными истинами, но постараюсь сдѣлать яснымъ для васъ одинъ изъ величайшихъ и самыхъ могущественныхъ законовъ природы. Я говорю о происхожденіи и сущности силы. Въ теченіе двадцати лѣтъ я постигалъ его мало по малу, но годъ назадъ я открылъ способъ примѣнять по усмотрѣнію этотъ законъ, всеобъемлющій, всемірный, всевластный и вездѣсущій. Частицу этой тайны человѣкъ постигъ ужъ давно и научился обращать себѣ въ пользу

Digitized by Google

одно мѣстное условіе великаго закона. Электричество — кто изъ интеллигентныхъ людей не знаетъ этой грозной, страшной и вмѣстѣ благодѣтельной силы — служитъ людямъ какъ рабъ, удовлетворяетъ ихъ потребностямъ, устраняетъ отъ нихъ всевозможныя неудобства. Но есть сила еще болѣе грозная, еще болѣе могущественная, дѣйствующая главнымъ образомъ за предѣлами нашей планеты.

Онъ пріостановился, какъ бы не въ силахъ будучи справиться съ приливомъ мыслей, охватившихъ его, но черезъ минуту продолжалъ, постепенно воодушевляясь:

— Эта сила также знакома вамъ во многихъ своихъ проявленіяхъ. Она доставляетъ намъ съ солнца свѣтъ и теплоту, приноситъ морю съ луны приказаніе выступать въ опредѣленные часы изъ своихъ береговъ и снова возвращаться въ нихъ, заставляетъ землю вращаться на своей оси, погружая ее черезъ каждые двадцать четыре часа то въ мракъ, то въ свѣтъ. Въ ея могущественной власти вселенная безопасна, она указываетъ всему свое мѣсто, находитъ путь всему, перелетаетъ отъ солнца къ солнцу, отъ звѣзды къ звѣздѣ. Обширны и непостижимы пути ея, но мнѣ удалось открыть ея величайшую и вмѣстѣ простѣйшую тайну.

— Какую? воскликнули всѣ разомъ, дрожа отъ волненія.

— Притяженіе тяготѣнія. Оно движетъ мірами, и въ то же время, если попадетъ въ неблагопріятныя условія, эта божественная сила снисходитъ до такихъ мелочей, какъ, напримѣръ, сбрасываетъ трубы съ домовъ, ломаетъ деревья, рветъ телеграфныя проволоки. Но все это не болѣе какъ проказы отдѣльныхъ волнъ эѳирной силы; тамъ же, гдѣ ей есть просторъ, она величественна, неизмѣрима, непостижима.

Онъ опять примолкъ, какъ бы погруженный въ мысленное созерцаніе этой неизмѣримости.

— Но какъ же все это относится къ вашему открытію? рѣшился спросить Гордонъ.

— Сейчасъ объясню, спохватился ученый; — та же сила, о которой я говорю, заставляетъ телеграфную стрѣлку въ Ливерпулѣ отвѣчать колебаніямъ стрѣлки въ Нью-Іоркѣ. Обрѣжьте проволоку, черезъ которую передается эта сила, или изолируйте одну стрѣлку — другая перестанетъ двигаться. Пространство между Марсомъ и землей, если можно такъ выразиться, не что иное, какъ одна непрерывная, заряженная проволока. Черезъ эту неосязаемую линію сообщенія вы могли бы послать на Марсъ телеграмму такъ же удобно, какъ посылаете депешу изъ Ливерпуля въ Нью-Іоркъ черезъ Атлантическій океанъ по подводному кабелю. Скажу болѣе: всякое тѣло, изолированное отъ тяготѣнія земли, перелетѣло бы на Марсъ почти съ

Digitized by Google

моментальною быстротою, такъ какъ притяженіе тяготѣнія дѣйствуетъ съ непостижимою скоростію. Быстроту передачи свѣта можно назвать сравнительно съ этою быстротою почти неподвижностью.

— Боже милосердый!

— И сегодня вечеромъ, заключилъ Бернетъ, вставая какъ бы для того, чтобы придать своимъ словамъ болѣе вѣса, но говоря совершенно спокойно, словно онъ сообщалъ самую обыкновенную вещь, — сегодня вечеромъ я изолирую стальной шаръ отъ притяженія земли, и всѣ, которые будутъ находиться въ немъ, безопасно перелетятъ на Марсъ.

— Моментально? спросилъ Гордонъ, который въ качествѣ „спеціальнаго корреспондента“ всегда первый поспѣвалъ съ вопросомъ.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ ученый, чуть-чуть улыбнувшись. — Это значило бы идти на вѣрную смерть. Главное мое затрудненіе, почти единственное, о которомъ стоило говорить, состояло именно въ томъ, чтобъ урегулировать скорость, съ какою мы полетимъ. Послѣ долгихъ и многократныхъ опытовъ мнѣ удалось уравновѣсить притяженіе обѣихъ планетъ такъ, что можно будетъ уменьшать и увеличивать скорость движенія по желанію хоть на милю, хоть на тысячу...

— Съ какою же скоростью мы полетимъ? спросилъ Макъ Грегоръ.

— Со скоростью 50,000 миль въ минуту, отвѣчалъ Бернетъ, садясь съ видомъ человѣка, утомленнаго такою долгою рѣчью. — Марсъ будетъ противъ земли приблизительно черезъ мѣсяцъ, но по причинамъ, которыя объясню вамъ впослѣдствіи, я нахожу, что лучше будетъ пуститься въ путь сегодня.

Нѣсколько минутъ всѣ молчали; затѣмъ комната огласилась единодушнымъ „ура!“ Рѣчь ученаго убѣдила и воодушевила всѣхъ. Онъ не обладалъ обаятельною энергіею Макъ Грегора, не умѣлъ подобно ему увлекать людей за собою слѣпо, но таинственная сила генія ставила его еще выше: онъ умѣлъ нѣсколькими словами доказать какъ надо дѣйствовать и доказать такъ ясно, что всѣ приходили къ убѣжденію въ необходимости поступить именно такъ, какъ онъ говорилъ, а не иначе. И въ эту минуту всѣмъ казалось, что путешествіе на планету Марсъ — дѣло самое обыкновенное и что усомниться въ возможности такого путешествія или даже находить его рискованнымъ было бы просто странно.

Начались послѣднія, суетливыя приготовленія въ путь. Большая часть отбывающихъ написала письма, дружескія и дѣловыя. Сэръ Джорджъ послалъ инструкціи своимъ агентамъ, маклерамъ и банкирамъ и по привычкѣ уложилъ въ ручной

Digitized by Google

саквояжикъ, всегда сопровождавшій его въ дорогу, свою чековую книгу, забывъ вѣроятно, что врядъ ли ему удастся размѣнять свои чеки на Марсѣ, и во всякомъ случаѣ упустивъ изъ вида, что дисконтъ на этой планетѣ можетъ быть черезчуръ высокъ. Дюранъ написалъ страстное и сантиментальное прощаніе дамѣ своихъ мыслей, т. е. той особѣ женскаго пола, которая въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, занимала по его выраженію „самую большую камеру въ объемистомъ помѣщеніи его сердца". Гревзъ наскоро набросалъ рисунокъ, представлявшій всѣхъ членовъ будущей экспедиціи за столомъ въ моментъ объявленія Макъ Грегоромъ цѣли путешествія, и послалъ свой рисунокъ въ одну изъ иллюстрированныхъ лондонскихъ газетъ. Гордонъ также отправилъ въ свою газету корреспонденціи, въ которой однако же не упомянулъ, по строгому настоянію Макъ Грегора, ни слова о затѣваемой экскурсіи. Наконецъ Блэкъ написалъ своимъ политическимъ друзьямъ, устраивавшимъ для него окружную поѣздку съ цѣлію произнесенія политическихъ рѣчей въ духѣ своей партіи, письмо, въ которомъ извинялся, что не можетъ воспользоваться ихъ услугами. Ни Бернетъ, ни Макъ Грегоръ не написали никому.

Всѣ эти письма были вручены для доставки на почту послѣднему, еще остававшемуся на фабрикѣ, самому благонадежному, рабочему, котораго позвали въ домъ и угостили прежде чѣмъ онъ отправился вслѣдъ за своими товарищами на пароходъ. Вещи, принадлежащія членамъ экспедиціи, были отправлены на стальной шаръ еще раньше, и сами члены въ послѣдній разъ пошли по тропинкѣ, которая вела къ заводамъ. Вездѣ царила полнѣйшая темнота: электрическія лампы были сняты. Никто не говорилъ ни слова: всѣ чувствовали, что грядущая ночь должна быть для нихъ роковою, и каждый невольно задавался вопросомъ: чѣмъ она должна кончиться — трагедіей или фарсомъ. Послѣднее могло показаться вѣроятнѣе, но величіе возможной трагедіи было такъ грозно, что совершенно затмѣвало нелѣпость вѣроятнаго фарса; къ тому же въ глубинѣ души каждый чувствовалъ, что фарса и не будетъ: Бернетъ былъ не такой человѣкъ, чтобъ, довѣрясь ему, можно было легко очутиться въ смѣшномъ положеніи.

Съ трудомъ удалось имъ пробраться черезъ заводъ. Тамъ, гдѣ еще недавно было всю ночь напролетъ свѣтло какъ днемъ, гдѣ громадныя печи пылали краснымъ пламенемъ и расплавленный металлъ лился сверкающими потоками, не мелькало теперь ни огонька. Наконецъ они добрались до шара, чернѣвшаго во мракѣ грозной тѣнью. Макъ Грегоръ, шедшій впереди, открылъ ручной фонарь, бывшій съ нимъ, и первый ступилъ на подставку, которая вела къ шару.

Digitized by Google

— Ступайте осторожнѣе, господа, сказалъ онъ. — Если который нибудь изъ васъ упадетъ и ушибется, такъ что придется оставить его здѣсь, это будетъ очень жаль: вы всѣ можете понадобиться во время путешествія.

— Успокоительно! проворчалъ Блэкъ, ощупью пробираясь по подставкѣ.

Наконецъ всѣ вошли. Во внутренности шара чуть мерцала одинокая лампа, отъ которой окружающая темнота казалась еще мрачнѣе.

— Помогите мнѣ кто нибудь сбросить подставку, сказалъ Макъ Грегоръ.

Дюранъ и Гордонъ бросились помогать ему, и черезъ нѣсколько минутъ подставка съ громомъ рухнула оземь. Тогда Макъ Грегоръ заперъ двери, повернулъ массивный кранъ и сказалъ хладнокровно:

— Вамъ вѣроятно интересно будетъ узнать, что теперь мы герметически закупорены.

— Чѣмъ же мы будемъ дышать? спросилъ Блэкъ.

Вмѣсто отвѣта Макъ Грегоръ кивнулъ головой на Бернета, какъ бы желая сказать: спрашивайте у него.

— Вентеляція въ моей постройкѣ, спокойно сказалъ ученый, — кажется, можетъ назваться безукоризненною. Лишняя углекислота будетъ поглощаться, и органическія выдѣленія будутъ уничтожаться съ помощью особыхъ снарядовъ, а свѣжій кислородъ выпускаться изъ резервуаровъ по мѣрѣ надобности. Словомъ, у насъ будетъ постоянно свѣжій воздухъ, именно такой, какимъ необходимо дышать, чтобъ быть вполнѣ здоровымъ.

Сказавъ это, Бернетъ взошелъ на платформу и опустился въ стоявшее передъ столомъ кресло съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ показать, что здѣсь будетъ его постоянное мѣсто. Къ ручкамъ были придѣланы крѣпкіе кожаные ремни; онъ немедленно пристегнулъ себя ими къ креслу, а самое кресло было привинчено къ полу платформы. Остальные члены экспедиціи столпились на спиральной лѣстницѣ.

— Макъ Грегоръ, поди сюда, ты мнѣ будешь нуженъ, сказалъ Бернетъ, указывая своему другу на такое же кресло, съ такими же ремнями, стоявшееее напротивъ его собственнаго. — А вамъ, господа, обратился онъ къ прочимъ, — я совѣтую занять мѣсто поближе къ потолку.

Макъ Грегоръ сѣлъ въ кресло и подобно Бернету пристегнулъ себя ремнями. Остальные пошли вверхъ по спиральной лѣстницѣ; сэръ Джорджъ шелъ впереди, до того занятый новостью положенія, что ему не шла даже на умъ его чековая книга, обыкновенно ни на минуту не выходившая у него изъ головы. Остановившись почти подъ самымъ потолкомъ, возлѣ

Digitized by Google

верхняго ряда оконъ, они посмотрѣли внизъ, на сидѣвшихъ на платформѣ. Бернетъ былъ спокоенъ, но Макъ Грегоръ замѣтно волновался: его глаза сверкали, лицо горѣло. Его пылкая кровь кипѣла лихорадкой ожиданія.

— Не скучивайтесь вмѣстѣ, станьте поодаль другъ отъ друга! закричалъ онъ стоявшимъ наверху. Въ этотъ моментъ Бернетъ наклонился къ столу и положилъ руку на одно изъ странныхъ расписаній, вырѣзанныхъ на немъ. Въ это расписаніе были вдѣланы два крошечныхъ винтика съ приложенными къ нимъ маленькими рукоятками въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ у карманныхъ часовъ. Онъ чуть дотронулся до одной изъ нихъ — и въ ту же секунду послышался трескъ и шаръ съ силою рванулся въ пространство.

— Смотрите въ окно! крикнулъ Макъ Грегоръ стоявшимъ наверху.

Они взглянули въ окно и увидѣли чудо изъ чудесъ — казалось небеса и земля сдвинулись съ мѣста. Звѣзды мелькали у нихъ передъ глазами и скользили внизъ, словно гоняясь одна за другою на полуночномъ небѣ и низвергаясь въ страшную бездну. Земля исчезла вдали, млечный путь очутился внизу, на громадномъ разстояніи.

— Это легло объяснить, сказалъ сэръ Джорджъ въ полголоса. — Притяженіе Марса въ тотъ моментъ, когда Бернетъ повернулъ винтъ, было сильнѣе притяженія земли, поэтому наши ноги, понятно, обращены къ той планетѣ, которая насъ сильнѣе притягиваетъ.

— Конечно такъ, отвѣчалъ Блэкъ, стараясь шутить, — иначе и быть не могло. Это самая обыкновенная вещь въ мірѣ. Въ сущности мнѣ это даже нравится! воскликнулъ онъ весело и прибавилъ дрожащимъ голосомъ: — спаси насъ всѣхъ, Господи!

Всѣ бы охотно воскликнули: „аминь!“ но каждый сознавалъ, что трусить или, по крайней мѣрѣ, показывать, что трусить, еще рано. Тѣмъ не менѣе представители искусства и литературы, Гревзъ и Дюранъ, были блѣдны какъ полотно, „собственный корреспондентъ“ совсѣмъ растерялся, и даже великій капиталистъ смотрѣлъ далеко не молодцомъ. Только два безумца на платформѣ, повидимому, и не помышляли о томъ, чтобъ трусить. Макъ Грегоръ, казалось, былъ внѣ себя отъ восхищенія. Бернетъ былъ невозмутимо спокоенъ: онъ былъ увѣренъ въ совершенствѣ своего изобрѣтенія и зналъ, что наука не ошибается

Между тѣмъ шаръ продолжалъ подниматься вверхъ или, какъ казалось всѣмъ, летѣть внизъ съ ужасающею быстротою. Черезъ верхнія окна можно было видѣть длинную серебристую полосу, напоминавшую рѣку, озаренную луннымъ свѣтомъ. Остальное все погружено было въ мракъ. Вдругъ Макъ Грегоръ

Digitized by Google

всталъ и, подойдя къ краю платформы, сказалъ обращаясь къ стоявшимъ на лѣстницѣ:

— Мнѣ нужно поговорить съ вами, господа. Прошу васъ выслушать меня внимательно.

Всѣ взгляды обратились къ нему, какъ будто впивая каждое его слово.

— Я уже сказалъ вамъ, куда лежитъ нашъ путь, продолжалъ онъ, — а м-ръ Бернетъ сообщилъ вамъ, какимъ способомъ предстоитъ намъ совершить его. Но теперь, въ послѣднюю минуту, я считаю долгомъ спросить васъ еще разъ: рѣшаетесь ли вы предпринять это путешествіе?

— Мы уже рѣшились, отвѣчали всѣ нетвердымъ голосомъ.

— Знаю, но пусть каждый подумаетъ еще разъ и приметъ въ соображеніе, что дѣло можетъ быть идетъ о жизни и смерти. Все, что могъ сдѣлать этотъ великій ученый — говоря это, онъ указалъ на Бернета — съ цѣлію уменьшить рискъ предпріятія, было сдѣлано, но я не скрою отъ васъ, какъ не скрываю отъ самого себя, что рискъ этотъ все еще ужасенъ. Если другъ мой ошибся какъ нибудь въ разсчетѣ — чего, впрочемъ, я не думаю — если атмосфера Марса окажется невозможною для дыханія обитателямъ земли, если его жители встрѣтятъ насъ враждебно, если на насъ налетитъ метеорическое тѣло и разобьетъ нашъ корабль, мы всѣ должны погибнуть. Пусть же всякій знаетъ, чего онъ можетъ ожидать. Опасности, соединенныя съ нашимъ предпріятіемъ, поистинѣ страшны. Взвѣсьте ихъ какъ слѣдуетъ, но съ другой стороны подумайте и о безсмертной славѣ, какая ожидаетъ каждаго изъ насъ, если наше предпріятіе увѣнчается успѣхомъ. Я тщательно подобралъ помощниковъ въ васъ, зная каждаго изъ васъ, во-первыхъ, за человѣка способнаго принести пользу предпріятію, во-вторыхъ, за человѣка безусловно отважнаго. Не легко было подобрать людей, достойныхъ участвовать въ такомъ предпріятіи, которое можетъ показаться многимъ не только сумасброднымъ, но даже нечестивымъ, но, кажется, я сдѣлалъ удачный выборъ.

Въ отвѣтъ на послѣднія слова послышался глухой благодарственный ропотъ. Макъ Грегоръ поклонился и продолжалъ:

— Но помните, господа, вы не болѣе, какъ мои помощники въ моемъ предпріятіи, безусловный же начальникъ его я одинъ. Самъ Бернетъ теперь не болѣе какъ мой инженеръ. Онъ только правитъ кораблемъ; во всемъ остальномъ я распоряжаюсь безаппеляціонно. Это необходимо для общей безопасности.

— Согласны! отвѣчали всѣ разомъ.

— Еще одно слово, продолжалъ Макъ Грегоръ, указывая на дверь противоположную входной.— Видите вы эту дверь? это не что иное, какъ „выдѣлительный аппаратъ“. Стоитъ повер-

Digitized by Google

нуть винтъ, и всякое вещество или то тѣло, присутствіе котораго окажется нежелательнымъ въ шарѣ, можетъ быть удалено изъ него съ весьма незначительною потерею воздуха. Если у насъ не хватитъ кислорода, и слѣдовательно насъ окажется на шарѣ слишкомъ много, я буду имѣть право назначить того изъ среды нашей, кто первый долженъ выброситься въ пространство черезъ эту дверь.

Слова эти заставили всѣхъ содрогнуться.

— Если одной жертвы будетъ недостаточно, продолжалъ Макъ Грегоръ глухимъ голосомъ, — я назначу другую и буду продолжать такъ до тѣхъ поръ, пока на кораблѣ останутся только двое — я и инженеръ. Тогда я, какъ наименѣе нужный изъ двухъ, пожертвую собой, чтобъ дать ему возможность довершить предпріятіе на пользу науки и на благо человѣчества. Если кто нибудь изъ васъ не согласенъ на эти условія, если кто нибудь боится, пусть скажетъ: земля еще недалеко, мы можемъ спуститься и высадить его, съ тѣмъ, конечно, что онъ навсегда лишается права быть участникомъ въ нашихъ поѣздкахъ, если онѣ со временемъ повторятся. Теперь спрашиваю въ послѣдній разъ: кто согласенъ ѣхать и кто нѣтъ?

Нѣсколько минутъ никто не отвѣчалъ. Слова Макъ Грегора произвели удручающее впечатлѣніе и поразили сердца отважныхъ искателей приключеній при всей ихъ беззаботной храбрости невыразимымъ ужасомъ. Всѣ были блѣдны какъ полотно, и, казалось, никто не могъ выговорить ни слова. Наконецъ сэръ Джорджъ, рисковавшій въ предпріятіи больше всѣхъ прочихъ — по крайней мѣрѣ въ финансовомъ отношеніи — произнесъ несовсѣмъ внятнымъ, но все-таки довольно твердымъ голосомъ:

— Я согласенъ и ѣду.

— И мы согласны, и мы ѣдемъ! воскликнули разомъ Дюранъ, Гревзъ и Блэкъ. Гордонъ не сказалъ ни слова, только кивнулъ головой съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ: еще бы я не поѣхалъ!

— Молодцы! вскричалъ Макъ Грегоръ и, весь сіяющій, сбѣжалъ съ платформы, чтобъ пожать руку своимъ спутникамъ. — Спасибо вамъ! Я не ошибся въ васъ: я зналъ съ кѣмъ имѣю дѣло. Ну что, инженеръ, крикнулъ онъ Бернету своимъ звучнымъ голосомъ, — какъ идетъ корабль?

— По пятисотъ футовъ въ секунду. Мы уже почти внѣ земной атмосферы.

— А притяженіе земли еще велико?

— Почти нечувствительно.

— Дайте полный ходъ!

Продолженіе будетъ

Съ англійскаго **Ольга Павлова**

Digitized by Google

ВЪ НЕОБЪЯТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Романъ

Роберта Кроми

ГЛАВА V

Нырнули!

Повиноваться кому бы то ни было, какъ начальнику, было для Бернета новостью, но въ этотъ роковой моментъ онъ сложилъ съ себя, если можно такъ выразиться, чувство собственнаго достоинства. Видя въ своемъ другѣ главу предпріятія, онъ повиновался ему безпрекословно: того требовала дисциплина. Тѣмъ не менѣе самая сила вещей ставила его во главѣ положенія: отъ него зависило все. И каждый изъ членовъ понималъ это: всѣ съ сильно бьющимся сердцемъ слѣдили взглядомъ за малѣйшимъ его движеніемъ. Онъ взялъ въ обѣ руки по маленькой рукояткѣ, къ которымъ прикрѣплены были извѣстные винтики, едва замѣтные, а между тѣмъ болѣе могущественные, болѣе страшные, нежели самые громадные краны или рычаги. Всѣ его спутники тяжело перевели духъ, нѣкоторые начали мысленно молиться. Самъ Бернетъ не вздыхалъ о землѣ, не призывалъ на помощь небо: въ этотъ грозный мигъ онъ не былъ человѣкомъ, онъ былъ ученымъ. Его длинные бѣлые пальцы не дрожали, сердце не билось учащеннымъ біеніемъ. Едва замѣтнымъ движеніемъ онъ повернулъ одинъ винтикъ въ одну сторону, другой въ другую, и въ тотъ же мигъ шаръ рванулся впередъ съ оглушительнымъ гуломъ. Бернетъ не сводилъ глазъ съ диска, стоявшаго передъ нимъ. Прошло нѣсколько минутъ. Мало по малу гулъ началъ утихать и наконецъ совсѣмъ затихъ.

— Мы находимся уже внѣ земной атмосферы, сказалъ Бернетъ спокойно и повернулъ винтики сильнѣе.

Шаръ полетѣлъ съ изумительною быстротою, низвергаясь въ необъятное пространство со скоростью 50,000 миль въ часъ.

Digitized by Google

Настоящее путешестіе началось. И какъ безмолвно совершалось оно, какая страшная, грозная тишина господствовала во всемірномъ пространствѣ, посреди тысячъ созвѣздій, посреди милліоновъ звѣздъ!

Бернетъ прижалъ пуговку на столѣ, и электрическая лампа, освѣщавшая шаръ, погасла. Посадивъ Макъ Грегора на свое мѣсто и поручивъ ему слѣдить по расписанію за правильностію движенія корабля, онъ подошелъ къ телескопу и сталъ смотрѣть въ него; остальные размѣстились по окнамъ и любовались чудесами мирозданія. Такъ какъ наши путники находились уже внѣ земной атмосферы, то звѣзды въ пространствѣ представлялись имъ яркими неподвижными брилліантами, вдѣланными въ черную блестящую, какъ сталь, плоскость. Свободныя отъ затемняющей завѣсы земнаго воздуха, чудныя красныя звѣзды, Альдебоpанъ, Бетельге — величайшее изъ свѣтилъ въ созвѣздіи Оріона — Антаресъ, центральная звѣзда Скорпіона, Арктурусъ и Поллуксъ сверкали, какъ озаренные солнцемъ рубины. Капелла и Проціонъ проливали свои яркіе желтые лучи, превосходящіе блескомъ красоту лучшихъ золотыхъ и топазовыхъ эффектовъ, какіе извѣстны землѣ, а яркій блескъ Альтэра въ созвѣздіи Орла и Веги въ созвѣздіи Лиры почти соперничалъ съ чуднымъ бѣлымъ сіяніемъ могущественнаго Сиріуса, самой яркой изъ сѣверныхъ звѣздъ. Планета Марсъ горѣла краснымъ блескомъ въ созвѣздіи Змія.

Не менѣе обворожительна была противоположность оттѣнковъ въ другихъ единичныхъ, двойныхъ, тройныхъ и многократныхъ звѣздахъ, невидимыхъ для невооруженнаго глаза сквозь атмосферическія облака. Двойныя солнца, изъ которыхъ одно было красное, другое зеленое или одно желтое, другое фіолетовое, или же одно оранжевое, другое голубое, сіяли во мракѣ ночи, какъ потѣшные огни, блистательно выдѣляясь своею яркостію между звѣздами болѣе нѣжной окраски—свѣтлокоричневой, свѣтложелтой, сиреневой, гранатной, серебристобѣлой, мѣдной и сѣрой. Чудеса, которыя едва можно разсмотрѣть съ земли, съ помощью самыхъ сильныхъ инструментовъ, видны были простымъ глазомъ; красоты творенія, какихъ никогда еще не созерцалъ взоръ человѣческій, были разсѣяны въ пространствѣ во всей ихъ чудной прелести. Все небо сверкало радугами и разноцвѣтными свѣтилами.

Вкорѣ показались и южныя свѣтила, скрывавшіяся за массою земли, заграждавшею звѣздное сіяніе въ зенитѣ отъ Стальнаго Шара. Обширный сферообразный районъ мрака постепенно уменьшался, и звѣзды выдѣлялись изъ него одна за другою, пока темный кругъ не превратился, наконецъ, въ незначительныхъ размѣровъ полосу. Южный Крестъ сдѣлался вско-

Digitized by Google

рѣ видимъ.такъ же хорошо, какъ и созвѣздіе Большой Медвѣдицы. Наши путники находились не въ сегментѣ круга, а въ полномъ кругу, который весь сіялъ звѣздными красотами, не затѣмняемыми земною атмосферою, сіявшими во всемъ блескѣ своихъ яркихъ цвѣтовъ и въ тысячу разъ болѣе многочисленными, величественными, прекрасными, нежели можетъ представить себѣ воображеніе человѣческое.

Молчаніе словно тяготило всѣхъ, а между тѣмъ никто не говорилъ. Вдругъ Бернетъ, безмолвно изучавшій звѣзды въ телесковъ, отошелъ отъ него, нагнулся надъ столомъ, нѣсколько минутъ всматривался во врѣзанное въ него расписаніе, затѣмъ вынулъ часы и началъ слѣдить за чѣмъ-то, посматривая попеременно то на расписаніе, то на секундную стрѣлку.

— Черезъ тридцать секундъ, господа, вы увидите солнце, сказалъ онъ своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ, какъ будто высказывалъ предположеніе, что завтра, молъ, погода, кажется, будетъ хорошая.

Черезъ тридцать секундъ! А между тѣмъ ничто не предвѣщало близкаго наступленія дня. Грозный мракъ усѣяннаго звѣздами пространства не окрасился пурпурнымъ лучемъ зори. Прошло десять секундъ послѣ словъ, сказанныхъ Бернетомъ, а никакихъ признаковъ наступающаго утра не было. Гдѣ былъ туманъ, поднимающійся съ полей, гдѣ золотистый отблескъ на холмахъ, гдѣ шепотъ утренняго вѣтерка, тихій шелестъ листвы на деревьяхъ, веселое щебетанье птичекъ? Ничего изъ того, что предвѣщаетъ восходъ солнца на землѣ, не было, но что общаго можетъ имѣть нашъ восходъ съ восходомъ въ надзвѣздномъ пространствѣ, на пути къ Марсу?

Прошло еще пять секундъ; положеніе неба было все то же: еслибы не звѣзды, мракъ былъ бы полнѣйшій. Прошло еще пять, и вдругъ всѣ разомъ вскричали:

— Солнце!

— И солнце словно выпрыгнуло изъ-за быстро уменьшавшейся тѣни земли. Фактическое солнечное затмѣніе, достигнутое такимъ образомъ, могло бы продолжаться долѣе, еслибы не мѣры, заранѣе принятыя Бернетомъ. Онъ по многимъ вѣскимъ соображеніямъ рѣшилъ, что лучше будетъ пуститься въ путь за мѣсяцъ до того времени, когда Марсъ будетъ находиться въ прямой противоположности съ землею, поэтому Стальной Шаръ летѣлъ не по прямой линіи отъ солнца къ Марсу, а по прямой линіи отъ земли къ Марсу. Благодаря этому обстоятельству, солнце вышло изъ-за тѣни, отбрасываемой землей, прежде, нежели эта тѣнь стала на столько незначительною, чтобы перестать скрывать его.

Затѣмъ случилось еще нѣчто весьма странное. Между тѣмъ

Digitized by Google

какъ небо осталось тою же черною плоскостью, усѣянною драгоцѣнными каменьями, въ самомъ шарѣ ночь вдругъ уступила мѣсто полдню. Солнечный лучъ, пробившійся долгою непрерывною полосою свѣта черезъ пустое пространство, ударилъ въ окна шара и, смѣшавшись съ его внутреннею атмосферою, смягчилъ ее и образовалъ въ ней настоящій зимній день. Удивительный контрастъ. Внутри, лѣтній солнечный день, извнѣ вселенная, погруженная въ торжественную ночь! А солнце, окруженное своимъ величественнымъ вѣнцомъ, сіяло, какъ сверкающій неподвижный маякъ; оно было только яснѣе всѣхъ въ миріадѣ другихъ разноцвѣтныхъ солцевъ, будучи само звѣздою, которая отличалась въ красотѣ своей только извѣстной степенью отъ красоты прочихъ звѣздъ.

ГЛАВА VI

Путь черезъ пространство

Какъ скоро солнце озарило шаръ, всѣ бывшіе въ немъ переглянулись между собой, и каждый подивился блѣдной, разстроенной физіономіи остальныхъ. Волненіе сказалось на всѣхъ; даже несокрушимый Макъ Грегоръ былъ блѣднѣе обыкновеннаго и казался утомленнымъ. Одинъ Бернетъ, поглощенный своими научными наблюденіями, былъ невозмутимъ и преспокойно разсматривалъ звѣзды въ телескопъ, точно былъ у себя дома.

Но человѣкъ удивительно быстро привыкаетъ ко всякимъ новымъ впечатлѣніямъ. Часа черезъ два наши искатели приключеній совершенно освоились со своимъ положеніемъ и, спокойно разсѣвшись по кресламъ сколо столовъ, занялись каждый своимъ дѣломъ. Гордонъ началъ писать корреспонденцію въ „свою“ газету. Дюранъ тоже принялся писать. Гревзъ рисовать; впрочемъ и тотъ, и другой занимались словно нехотя и порой, прерывая свое занятіе, вступали между собою въ оживленный споръ по поводу „звѣздныхъ лучей и линій“. Блэкъ обдумывалъ свою вступительную рѣчь къ членамъ марсовскаго правительства — на случай, если таковое тамъ окажется — и готовился разгромить въ ней надлежащимъ образомъ его образъ дѣйствій, каковъ бы онъ ни былъ. Что касается до сэра Джорджа Стерлинга, то онъ весь погрузился въ финансовые разсчеты, какъ будто сидѣлъ у себя за конторкой въ своемъ лондонскомъ кабинетѣ.

Такъ прошло часовъ шесть. Стальной Шаръ пролетѣлъ уже около двадцати милліоновъ миль, встрѣтивъ на своемъ пути столько чудесъ, что на описаніе ихъ потребовались бы цѣлыя

Digitized by Google

столѣтія. Тишина за предѣлами шара нарушалась по временамъ только трескомъ какого нибудь метеора, на который шаръ налеталъ, разбивая его мимоходомъ, какъ пароходъ разбиваетъ встрѣтившуюся ему на ходу льдину. Въ пустомъ пространствѣ трескъ этотъ, конечно, не былъ слышенъ, но въ земной атмосферѣ, наполнявшей шаръ, звуковыя волны были ощутительны. Планета Марсъ становилась болѣе и болѣе ясною даже для невооруженнаго глаза. Наконецъ Бернетъ отошелъ отъ телескопа и подошелъ къ Макъ Грегору, слѣдившему вмѣсто него за движеніемъ шара.

— Довольно пока наблюдать звѣзды, сказалъ онъ.—Встань, Макъ Грегоръ, отдохни: я займу твое мѣсто.

Макъ Грегоръ не заставилъ повторить себѣ этого приглашенія и сошелъ съ платформы къ прочимъ.

— Знаете ли что, господа? сказалъ онъ весело, — вѣдь мы пролетѣли ужъ полпути или около того. Какъ вы думаете, не пообѣдать ли намъ?

— Вы не шутите, Макъ Грегоръ? удивился сэръ Джорджъ. Почтенный баронетъ любилъ-таки покушать, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ вошелъ въ стальной шаръ, онъ ни разу не вспомнилъ объ ѣдѣ.

— Конечно, не шучу, отвѣчалъ Макъ Грегоръ спокойно.

— Не знаю, какъ вы, а я съ удовольствіемъ перекусилъ бы. Достаньте эту корзину, Блэкъ: вы стоите къ ней всѣхъ ближе— вотъ такъ.

Блэкъ досталъ корзину изъ-за груды книгъ, за которою она стояла, и открылъ ее. Поверхъ нея лежалъ мѣдный котелокъ; онъ взялъ его въ руки и началъ разсматривать въ недоумѣніи.

— Передайте мнѣ котелокъ! сказалъ Макъ Грегоръ.

— На что онъ вамъ? спросилъ Блэкъ съ удивленіемъ.

— Ни больше, ни меньше какъ на то, чтобъ вскипятить воды, отвѣчалъ Макъ Грегоръ со своимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Ну, конечно, для самой простой вещи, какъ это я не догадался! сказалъ Блэкъ съ досадой.—Интересно только знать, на чемъ вы ее вскипятите.

— А вотъ увидите, отвѣчалъ Макъ Грегоръ ласково, но немножко насмѣшливо и, нацѣдивъ въ котелокъ холодной воды, пошелъ вверхъ по лѣстницѣ, отперъ продѣланную близь одного изъ оконъ заслонку, уставилъ котелокъ въ оказавшееся за нею небольшое углубленіе, заперъ заслонку и сошелъ внизъ къ прочимъ.

Между тѣмъ сэръ Джорджъ занялся приготовленіемъ къ обѣду, заставивъ помогать себѣ и остальныхъ. На одинъ

Digitized by Google

изъ столовъ разостлали бѣлую, какъ снѣгъ, скатерть, поставили тарелки, положили ножи, вилки, салфетки; все это было сдѣлано не кое-какъ, а со стараніемъ: каждый наперерывъ стремился показать, что онъ умѣетъ накрывать на столъ. Изъ корзинъ вынуты были различные консервы, двѣ бутылки, одна съ виномъ, другая съ виски, и два холодныхъ блюда — мясное и рыбное, заготовленныя очень вкусно въ дорогу наканунѣ.

— Будешь обѣдать, Бернетъ? спросилъ Макъ Грегоръ.

Ученый вмѣсто отвѣта покачалъ головой.

— А чайку выпьешь?

— Пожалуй, только покрѣпче.

— Я тебѣ сейчасъ подамъ.

— Спасибо.

Макъ Грегоръ опять поднялся на лѣстницу, подошелъ къ заслонкѣ, отперъ ее, обмоталъ себѣ руку салфеткой и вынулъ котелокъ, въ которомъ вода, какъ говорится, ключомъ кипѣла. Блэкъ и Дюранъ, поднявшіеся вслѣдъ за нимъ, переглянулись въ несказанномъ изумленіи.

— Ну, признаюсь...

— Что, Блэкъ, вы словно чему-то удивляетесь? и вы, Дюранъ, также? спросилъ Макъ Грегоръ, забавляясь ихъ озадаченнымъ видомъ. — Что васъ такъ смущаетъ?

— Полно вамъ выкидывать фокусы, Макъ Грегоръ! воскликнулъ Дюранъ съ досадой.—Мы право за это время столько удивлялись, что даже устали.

— Милѣйшій мой, развѣ я выкидываю фокусы? Развѣ вскипятить воду не самое простое дѣло?

— Еще бы не простое: вставилъ воду въ стѣну, гдѣ нѣтъ ни искорки огня, она и закипѣла — чего проще!

— Вы не приняли въ разсчетъ, что я поставилъ ее къ наружной стѣнкѣ шара. А какъ вы думаете—высока температура за предѣлами его?

— И представить себѣ не могу, отвѣчалъ Блэкъ, словно оробѣвъ.

— Она доходитъ въ безвоздушномъ пространствѣ до... ну вотъ я и забылъ точную цифру! До чего она доходитъ, Бернетъ?

— До 300 градусовъ по Фаренгейту, отвѣчалъ ученый, не поднимая головы.

— Чортъ возьми! вскричалъ Блэкъ, отскочивъ, какъ ужаленный отъ заслонки, возлѣ которой стоялъ..

— Не пугайтесь, улыбнулся Макъ Грегоръ.—Шаръ устроенъ такъ, что еслибы наружная стѣнка его накалилась хоть добѣла, вы здѣсь этого и не замѣтите. — Онъ — при этихъ сло-

Digitized by Google

вахъ Макъ Грегоръ указалъ взглядомъ на Бернета—обо всемъ подумалъ. Ну, за столъ, за столъ, господа! не будемъ терять времени. Только прежде передайте кто нибудь Бернету чай, хоть вы, Дюранъ; вотъ я заварилъ и сейчасъ налью ему чашку. А котелокъ можно долить и поставить опять за заслонку, вѣдь у насъ есть отличное виски, такъ послѣ обѣда мы заваримъ пуншику. Не хотите ли повозиться съ котелкомъ, Блэкъ? прибавилъ онъ лукаво.

— Благодарю покорно, отвѣчалъ Блэкъ, опасливо поглядывая на заслонку.

— Ну, ладно, идите внизъ: я самъ объ этомъ позабочусь.

Всѣ усѣлись за столъ, и хотя сначала ни у кого кромѣ Макъ Грегора не было аппетита, но малу по малу всѣ разохотились и поѣли съ удовольствіемъ, кромѣ Гревза, который съ трудомъ проглотилъ нѣсколько кусковъ: ему смертельно хотѣлось курить, а этого на стальномъ шарѣ не полагалось. Послѣ обѣда сдѣлали пуншъ, и подъ развеселяющимъ вліяніемъ горячаго напитка всѣ мало по малу забыли, что обѣдаютъ не на землѣ, а на разстояніи слишкомъ двадцати милліоновъ миль отъ нея. Вставъ изъ-за стола, всѣ удобно размѣстились по кушеткамъ и кресламъ.

— Прочитайте-ка намъ одно изъ вашихъ послѣднихъ стихотвореній, Дюранъ, или разскажите намъ сюжетъ романа, который у васъ теперь подъ перомъ. Это займетъ насъ, сказалъ Блэкъ, слегка зѣвнувъ.

— Развѣ вы ужъ соскучились, Блэкъ? спросилъ Макъ Грегоръ. — Вѣдь мы въ дорогѣ еще тринадцать часовъ, не болѣе.

— Все-таки и я нахожу, что время идетъ медленно, сказалъ Дюранъ.—Что же прочитать вамъ, господа? прибавилъ онъ съ напускнымъ равнодушіемъ.

— О! это, право, все равно, отвѣчалъ Блэкъ. — Я никогда не могъ отличить одного изъ вашихъ твореній отъ другаго; все будетъ хорошо, лишь бы убить время.

— Вотъ какъ! протянулъ Дюранъ, стараясь улыбнуться, но въ его улыбкѣ промелькнуло то кислое выраженіе, какое мы замѣчаемъ у молодой „мамаши“, когда ей даютъ понять, что ея первенецъ, котораго она считаетъ чудомъ, въ сущности самый обыкновенный ребенокъ.

— То есть я хочу сказать, поправился Блэкъ, — что во всѣхъ вашихъ произведеніяхъ одинаково много жизни... Что бы вы ни прочитали — все будетъ занятно.

Но этотъ комплиментъ не успокоилъ Дюрана; онъ холодно отвѣчалъ, что читать не расположенъ. Тогда всѣ пристали къ Бернету, чтобъ онъ прочелъ имъ лекцію, но ученый объявилъ,

Digitized by Google

что при всемъ желаніи ему теперь некогда. Итакъ, нашимъ путникамъ не оставалось другаго развлеченія, какъ любоваться на звѣзды. Спать никому не хотѣлось, хотя никто не смыкалъ глазъ уже цѣлыя сутки. Разговоръ не клеился: всѣ были черезчуръ нервно настроены. Между тѣмъ время шло. Путешествіе приближалось къ концу, и каждый невольно задавался вопросомъ: „каковъ-то будетъ этотъ конецъ?" Марсъ съ каждою минутою становился виднѣе, и объемъ его увеличивался. Онъ уже не казался звѣздою, а представлялся чѣмъ-то вродѣ миніатюрной луны.

— Мое расписаніе оказалось удивительно точно, сказалъ Бернетъ. — Мы теперь въ милліонѣ миль отъ Марса.

— Значитъ вы теперь замедлите ходъ? спросилъ Гордонъ.

— О, нѣтъ! Положимъ нашъ запасъ кислорода еще великъ, мы потратили его даже меньше, чѣмъ я думалъ, но все-таки мы должны быть ко всему готовы и времени намъ терять не слѣдуетъ.

— Почему?

— Потому что намъ можетъ быть еще придется воротиться на землю, не имѣя возможности возобновить нашъ запасъ воздуха.

— Да, конечно... А вы увѣрены, сэръ, что мы теперь именно въ такомъ разстояніи отъ Марса, въ какомъ вы сейчасъ сказали? робко освѣдомился Блэкъ.

— Совершенно увѣренъ, м-ръ Блекъ. Ошибаться было бы опасно.

— Еще бы! Но... но если мы налетимъ на Марсъ съ такою скоростью, съ какою теперь движемся, вѣдь мы пробьемъ его насквозь.

— Нѣтъ, намъ не придется этого сдѣлать, улыбнулся Бернетъ.

— Почему?

— Потому что если мы влетимъ въ атмосферу Марса съ тою скоростью, съ какою теперь движемся, то жаръ, который произойдетъ отъ такого тренія, будетъ такъ великъ, что и корабль нашъ, и всѣ, кто на немъ находится, тотчасъ вспрыгнутъ и превратятся въ паръ.

— Вотъ какъ! Это мило, сказалъ Блэкъ, обращаясь къ товарищамъ и, замѣтя, что они всѣ вдругъ поблѣднѣли, прибавилъ нерѣшительно:

— Простите меня, м-ръ Бернетъ, но въ такомъ случаѣ... не лучше ли будетъ замедлить ходъ хоть до двадцати или тридцати тысячъ миль въ минуту.

Макъ Грегоръ съ улыбкой пожалъ плечами. Остальные не сказали ни слова, но по жалобному выраженію ихъ лицъ видно было, что и имъ очень хотѣлось бы того же.

Digitized by Google

— Опасаться нечего, сказалъ Бернетъ спокойно, — развѣ можетъ быть...

— Что?

— Можетъ быть, я плохо разсчиталъ силу притяженія земли на разстояніи пятидесяти милліоновъ миль. Но это невѣроятно.

— А если такъ, тогда что?

— Тогда мы не въ состояніи будемъ замедлить хода...

— И врѣжемся въ Марсъ со скоростью 50,000 миль въ секунду?

— Тогда мы вступимъ въ атмосферу Марса съ этою скоростью, внушительно поправилъ Бернетъ.

— Нечего сказать, пріятная перспектива! пробормоталъ Блэкъ.

— Макъ Грегоръ, поди сюда, сказалъ Бернетъ,—мнѣ понадобится твоя помощь. А вамъ, господа, лучше бы прилечь и придержаться за что нибудь. Корабль можетъ получить толчекъ когда мы вступимъ въ атмосферу Марса, хотя бы мы вступили и не съ такою скоростью, какъ опасается м-ръ Блэкъ, прибавилъ онъ, добродушно улыбаясь.

Повинуясь ему, всѣ разлеглись по кушеткамъ, а Макъ Грегоръ взошелъ на платформу и сѣлъ противъ Бернета. Оба пристегнули себя къ кресламъ.

— Макъ Грегоръ, смотри на второе расписаніе и скажи мнѣ когда мы будемъ въ двухстахъ тысячахъ миль отъ Марса, сказалъ Бернетъ. — Мнѣ нельзя будетъ отвести глазъ отъ моего расписанія ни даже на двадцатую часть секунды.

— Хорошо, сказалъ Макъ Грегоръ твердымъ голосомъ. — Говорить тебѣ разстоянія?

— Говори черезъ каждыя 50,000 миль.

Лежавшіе внизу вслушивались въ этотъ разговоръ съ замирающимъ сердцемъ. Наступала самая опасная минута — они сознавали это и имъ было страшнѣе, чѣмъ даже тогда, когда они поднимались съ земли.

— Двѣсти тысячъ миль отъ Марса, проговорилъ Макъ Грегоръ суровымъ, безстрастнымъ голосомъ, почти сквозь зубы. Лицо его приняло строгое, холодное выраженіе: онъ весь погрузился въ довѣренное ему дѣло.

— Есть, отвѣчалъ Бернетъ, не сводя глазъ со своего расписанія, и положилъ правую руку на одинъ изъ винтиковъ, а лѣвую на другой.

— Полтораста тысячъ!

— Есть.

На небѣ внизу начиналъ появляться свѣтовой кругъ. Дискъ Марса увеличивался съ каждой секундой, словно протягивая длинныя огненныя руки, чтобъ схватить мимолетящія звѣзды.

Digitized by Google

— Сто тысячъ!

— Есть!

Голосъ Макъ Грегора звучалъ глухо, но голосъ Бернета былъ звонокъ и ясенъ, какъ колокольчикъ. Правая рука его тихо повернула винтъ влѣво — и Марсъ, хотя и продолжалъ еще увеличиваться въ объемѣ, но это увеличеніе уже стало не такъ быстро. Стальной шаръ уменьшилъ скорость своего полета почти на половину.

— Пятьдесятъ тысячъ!

— Есть!

Макъ Грегоръ произнесъ два послѣднія слова почти задыхаясь. Лежавшіе внизу зажмурили глаза, готовясь ко всему.

Бернетъ опять чуть замѣтно повернулъ винтъ. „Что если въ его аппаратѣ что нибудь соскользнетъ или погнется?“ невольно думалось каждому.

Еще четыре раза Макъ Грегоръ сказалъ разстоянія, и затѣмъ Бернетъ далъ винту послѣдній поворотъ. Оба встали съ креселъ и сошли съ платформы.

— Ну, господа, обратился Бернетъ къ лежавшимъ на кушеткахъ,— черезъ двадцать пять секундъ мы вступимъ въ атмосферу Марса.

— Съ какою скоростью? спросили всѣ чуть не разомъ.

— Со скоростью одной тысячи миль въ секунду приблизительно; при такой скорости опасаться нечего.

Изъ груди у всѣхъ вырвалось радостное восклицаніе, похожее на благодарственную молитву.

— Какъ вы рѣшились отойти отъ вашихъ расписаній, м-ръ Бернетъ? спросилъ Блэкъ дрожащимъ голосомъ.

— Мнѣ пока больше нечего дѣлать на платформѣ, отвѣчалъ Бернетъ.

— Какъ такъ?

— Притяженіе Марса устранено, а притяженіе земли въ полномъ ходу. Больше я сдѣлать ничего не въ силахъ.

Въ эту секунду раздался оглушительный гулъ, словно десять тысячъ бурь бушевали около шара: онъ вступалъ въ атмосферу Марса. Сопротивленіе воздуха окончательно уменьшило ходъ корабля, и онъ опустился на поверхность планетъ ровно, мѣрно, плавно. Толчекъ при соприкосновеніи съ планетой былъ не сильнѣе того, какой получаетъ поѣздъ, когда останавливается локомотивъ.

Итакъ, послѣ стремительнаго перелета въ пятьдесятъ милліоновъ миль цѣль была достигнута. Но піонеры науки, совершившіе великое дѣло, еще не знали пока — есть ли жизнь на Марсѣ и можно ли имъ будетъ принять въ ней участіе, не знали, чѣмъ будетъ для нихъ Марсъ—ареной торжества или мо-

Digitized by Google

гилой. Кто могъ предвидѣть или рѣшить — что ждетъ отважныхъ путниковъ въ новомъ мірѣ, ими достигнутомъ? Можетъ быть радости, описанія которымъ нѣтъ на землѣ, можетъ быть смерть, ужасы которой невыразимы на языкѣ людскомъ...

ГЛАВА VII

Планета Марсъ

— Здѣшнимъ воздухомъ можно дышать, господа, сказалъ Бернетъ.

— Слава Богу!

— Да, слава Богу. Видите вы эту склянку? Сейчасъ она была пуста — я выкачалъ изъ нея воздухъ. Теперь она наполнена марсовскимъ воздухомъ, и я изслѣдовалъ его способомъ, который открылъ послѣ долгихъ и тщательныхъ опытовъ. Здѣшній воздухъ нѣсколько рѣже того, какимъ могутъ похвалиться лучшія санитарныя станціи на землѣ, но не на столько рѣдокъ, чтобъ быть вреднымъ для насъ.

— Вы увѣрены, что въ этой склянкѣ заключается именно марсовскій воздухъ? спросилъ скептикъ Блэкъ.

— Конечно, увѣренъ, ничего инаго въ ней быть не можетъ. Трубочка, черезъ которую я впустилъ его, устроена нарочно для того, чтобы проводить воздухъ извнѣ. Макъ Грегоръ, можно отворить дверь.

— Помогите мнѣ отнять болты! крикнулъ Макъ Грегоръ весело. Всѣ бросились помогать ему. Черезъ нѣсколько минутъ тяжелые болты были отняты, дверь открыта и изъ нея сброшена веревочная лѣстница. Всѣ спустились по ней и ступили на планету Марсъ.

— Такъ это-то Марсъ!

Таковъ былъ общій возгласъ разочарованія. Неужели столько трудовъ, столько отваги было потрачено для того, что представилось глазамъ нашихъ путниковъ?

Куда ни обращались ихъ взгляды, вездѣ, къ сѣверу, къ югу, къ востоку, къ западу, простиралась одна обширная пустыня, сплошь покрытая краснымъ мелкимъ пескомъ. Въ этой мертвой степи не было ни холма, ни долины, ни горы, ни озера, ни птицы, ни звѣря, нигдѣ не видно было жизни ни животной, ни растительной, ни кустика, ни листочка, ни даже самой ничтожной травинки. Надъ красной землей разстилалось зловѣщее красное небо, словно зарево пожара. Тишина была невозмутимая, вѣтерка ни малѣйшаго. Словомъ, Марсъ оказался достойнымъ своего наименованія: такою именно должна быть

Digitized by Google

планета, посвященная богу войны, т. е. богу кровопролитія, смерти, опустошенія.

— Бернетъ, гдѣ мы? спросилъ Макъ Грегоръ голосомъ, въ которомъ звучало безвыходное отчаяніе.

— Ну, ужъ ты и носъ повѣсилъ! отозвался Бернетъ такъ рѣзко, какъ почти никогда не говорилъ. — Неужели ты надѣялся найти жизнь въ экваторіальныхъ частяхъ Марса, на которыя уже въ продолженіе многихъ тысячъ лѣтъ не упало ни одной капли воды?

— Значитъ, ты отчасти знаешь, въ какомъ районѣ мы находимся?

— Знаю навѣрно, что мы находимся въ пятнадцати градусахъ южной широты, не знаю только какой долготы, потому что мнѣ неизвѣстенъ меридіанъ Марса. Но все же я могу сказать утвердительно то, что мы недалеко отъ центра материка Секки.

Слова Бернета нѣсколько ободрили его обезкураженныхъ товарищей. Чтобы лучше убѣдить ихъ, онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и началъ сообщать имъ свои вычисленія. Макъ Грегоръ и баронетъ подошли къ нему, остальные четверо, словно сговорившись, отошли къ сторонѣ. Они всегда такъ дѣлали въ критическія минуты, сознавая, что въ такихъ случаяхъ лучше предоставлять старшихъ самимъ себѣ.

Ступать по мягкому, мелкому песку было почти невозможно: при каждомъ шагѣ поднимались облака пыли, которая лѣзла въ глаза, въ уши, въ носъ, раздражая и разгорячая всѣ поры. Отъ нечего дѣлать младшіе занялись разсматриваніемъ стальнаго шара и удивились — какъ онъ измѣнился. Когда онъ поднимался съ земли, онъ былъ весь черный и блестящій, словно отполированный каменный уголь, теперь онъ сталъ сѣрымъ, какъ грифель, и весь покрылся царапинами и выбоинами: метеоры, съ которыми ему пришлось помѣряться силами на пути, оставили-таки на немъ свои слѣды.

Обмѣнявшись замѣчаніями насчетъ измѣненной наружности корабля, всѣ отошли отъ него въ сторону, кромѣ Гордона, который вынулъ записную книжку и началъ дѣлать въ ней помѣтки, вѣроятно запасая матеріалъ для будущей первой корреспонденціи съ планеты Марсъ. Вдругъ отчаянное восклицаніе, вырвавшееся у него, заставило его трехъ товарищей броситься къ нему опрометью.

— Что случилось? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Смотрите... смотрите... шаръ уходитъ въ землю! проговорилъ Гордонъ задыхаясь отъ испуга.

Дѣйствительно, шаръ уже погрузился въ песокъ почти на десятую долю своей окружности. Общее восклицаніе ужаса,

Digitized by Google

вызванное этимъ открытіемъ, долетѣло и до трехъ старшихъ; они тоже прибѣжали, поднимая на пути цѣлыя облака пыли.

— Бѣгите, бѣгите, не то мы всѣ погибнемъ! кричали имъ остальные.

— Скорѣе въ шаръ! распорядился Макъ Грегоръ, подбѣгая запыхавшись.

— Какое въ шаръ! возразилъ Блэкъ. — Напротивъ туда-то и нельзя; развѣ вы не видите — его черезъ пять минутъ всего всосетъ въ песокъ.

— Такъ вотъ что васъ напугало! удивился Бернетъ. — Напрасно же вы переполошились. Конечно, лучше намъ забраться въ шаръ, прежде чѣмъ песокъ дойдетъ до двери, пока она открыта: онъ забьется въ корабль и запылитъ намъ все, но увѣряю васъ — опасности нѣтъ ни малѣйшей.

— А ты увѣренъ, что будешь въ силахъ поднять шаръ изъ песка? спросилъ Макъ Грегоръ словно заискивающимъ голосомъ: ему было совѣстно, что онъ какъ будто сомнѣвается въ познаніяхъ своего ученаго пріятеля.

— Увѣренъ ли я! воскликнулъ Бернетъ съ необычайною для него живостью. — Да еслибы онъ провалился хоть въ самый центръ Марса, я вытащилъ бы его оттуда безъ всякаго труда.

Въ виду такого положительнаго удостовѣренія всѣ сейчасъ же успокоились. Бернетъ пользовался между своими спутниками безусловнымъ авторитетомъ: всѣ безъ исключенія слушались его и вѣрили ему на слово, какъ дѣти. Нѣсколько времени всѣ еще постояли у лѣстницы, посматривая то кругомъ себя, то вверхъ. Ни одно облачко не показывалось на небѣ; оно представляло вездѣ одинаковую плоскость мѣднокраснаго цвѣта, на которой дискъ солнца, на двѣ трети меньше, чѣмъ какимъ представляется онъ съ земли, свѣтился, если можно такъ выразиться, какимъ-то чахлымъ блескомъ. Господствовавшіе вездѣ безмолвіе и запустѣніе были по истинѣ томительны; въ сравненіи съ этою пустынею самыя безлюдныя и безплодныя мѣстности на землѣ показались бы оживленными и цвѣтущими. Трудно было бы даже подыскать на земномъ языкѣ выраженія для того, чтобы описать ужасную картину, какую представляетъ материкъ Секки на мертвомъ или умирающемъ Марсѣ.

Вдругъ могильное безмолвіе, окружавшее нашихъ путниковъ, было нарушено продолжительнымъ жалобнымъ стономъ. Звукъ этотъ послышался съ сѣвера, пролетѣлъ надъ ихъ головами, словно призракъ, и замеръ въ воздухѣ по направленію къ югу какимъ-то глухимъ рыданіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на степь налетѣлъ порывъ вихря, взмелъ цѣлое облако пыли, провелъ борозду въ пескѣ и затихъ моментально; болѣе этого путники

Digitized by Google

ничего не увидѣли. Всѣ бросились къ Бернету, спрашивая съ невольнымъ содроганіемъ:

— Что это?

— Не знаю, отвѣчалъ ученый серьезно, почти торжественно.

— Скажите, есть для насъ какая нибудь возможность покинуть эту долину смерти? взволнованно спросилъ сэръ Джорджъ.

— Конечно есть, отвѣчалъ Бернетъ спокойно.

— Чегожъ вы ждете?

— Вѣтра.

— Ждите вы его до втораго пришествія!

— Не придется ждать и часа, возразилъ Бернетъ со своимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Простите за нескромный вопросъ, м-ръ Бернетъ: почему вы знаете? спросилъ Гордонъ съ тою благоговѣйною почтительностью, съ какою всѣ привыкли относиться къ ученому.

— Посмотрите на небо.

— Оно удивительно красиво, замѣтилъ Блэкъ иронически.

— Оно полно песка, значитъ въ томъ районѣ есть вѣтеръ и довольно сильный. Сейчасъ онъ спустится и къ намъ.

Едва успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ небо покраснѣло еще болѣе, и на горизонтѣ показалась темная туча.

— Не правъ ли я былъ? сказалъ Бернетъ радостно. — Сію минуту поднимется вѣтеръ и какъ разъ намъ попутный. Полѣзайте теперь въ шаръ, господа, и запирайте дверь. Я войду послѣдній.

Всѣ живо вскарабкались по веревочной лѣстницѣ и общими силами заперли дверь, а Бернетъ между тѣмъ усѣлся передъ столомъ на платформѣ. Едва дотронулся онъ до своихъ винтиковъ, какъ шаръ выпорхнулъ изъ песка и, поднявшись на полмилю надъ планетою, понесся, словно пташка, по вѣтру, не поднимаясь и не опускаясь: стараніями Бернета механизмъ его былъ устроенъ такъ, что онъ могъ держаться надъ землею — и слѣдовательно и надъ всякою планетою — на такой высотѣ, на какой было угодно его мудрому кормчему.

— Мы плывемъ къ югу, сказалъ Бернетъ. — Теперь намъ остается только слѣдить за мѣстностями, надъ которыми мы летимъ. Сѣверо-западный вѣтеръ принесетъ насъ къ Деларю или къ Дэусову океану. Если Марсъ обитаемъ, мы найдемъ его обитаемымъ именно тамъ.

Сказавъ это, онъ заглянулъ къ себѣ въ книжку, провѣрилъ что-то съ помощью нѣкоторыхъ инструментовъ и продолжалъ:

— По всей вѣроятности мы скоро пролетимъ надъ Лагранжевымъ полуостровомъ. Мы должны обратить на него особенное вниманіе: изо всѣхъ частей Марса онъ находится въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ для органической жизни.

Digitized by Google

Между тѣмъ вѣтеръ дулъ все сильнѣе, и шаръ летѣлъ все быстрѣе. Но сколько наши путники ни смотрѣли внизъ въ трубу, они не могли разсмотрѣть ничего: густое облако пыли скрывало мѣстность отъ ихъ глазъ. Бернетъ нѣсколько времени съ любопытствомъ слѣдилъ за этимъ облакомъ и, наконецъ, сказалъ:

— Такъ и есть, я не ошибся.

— Меня бы очень удивило, еслибы вы ошиблись въ чемъ нибудь, м-ръ Бернетъ, замѣтилъ Блэкъ.

— Въ чемъ ты не ошибся, Бернетъ? съ живостью спросилъ Макъ Грегоръ.

— Я былъ убѣжденъ, что каналы, которые замѣтилъ на Марсѣ Скьяпарелли въ 1877 году, были ни что иное, какъ симуны, пролетавшіе надъ обширными центральными материками этой планеты. Еслибы онъ наблюдалъ Марса въ настоящую минуту, онъ бы навѣрно начертилъ на своей картѣ каналъ точь въ точь по такому направленію, въ какомъ мы летимъ.

— Можетъ быть, согласился Макъ Грегоръ.— Не стану спорить, я не астрономъ, только мнѣ помнится Скьяпарелли наблюдалъ тѣ же каналы и въ 1879 и въ 1881 годахъ.

— Это ничего не значитъ. Очень возможно, даже вѣроятно, что подобные симуны здѣсь такъ же постоянны, какъ наши пассатные вѣтры.

— Въ самомъ дѣлѣ, какже я глупъ! Я и забылъ! сказалъ Макъ Грегоръ.

— Не хотѣлъ бы я быть теперь тамъ, въ этомъ облакѣ, замѣтилъ сэръ Джорджъ. — Посмотрите, какъ вѣтеръ крутитъ песокъ! выходятъ цѣлые круги, вѣнки, гирлянды — страшно смотрѣть!

— Да, еслибы вы тамъ очутились, вмѣшался Блэкъ, — вы бы навѣрно не воротились, чтобы описать вами испытанное. Какіе это симуны — это въ десять разъ хуже! Никакіе верблюды не въ состояніи были бы дышать въ подобной атмосферѣ и пяти минутъ. Гордонъ, опишите ихъ хорошенько для вашей будущей корреспонденціи.

— Ужъ это сдѣлано, отрѣзалъ Гордонъ: онъ не любилъ, когда ему давали совѣты въ его дѣлѣ.

Гревзъ и Дюранъ не принимали участія въ разговорѣ; на нихъ напала какая-то странная апатія. Быстрое движеніе корабля баюкало ихъ послѣ недавней непріятной обстановки, но наблюдать имъ было скучно: облако песка казалось имъ такимъ же однообразнымъ, какъ и все, что они до сихъ поръ видѣли на Марсѣ; имъ хотѣлось свѣта и тѣней, яркихъ цвѣтовъ или нѣжныхъ оттѣнковъ, хотѣлось видѣть зеленѣющія долины, бурныя морскія волны, хоть скалы и пещеры — ничего

Digitized by Google

этого и въ поминѣ не было, значитъ не было и пищи ни для карандаша, ни для пера.

Сэру Джорджу также было не по себѣ: онъ начиналъ приходить къ убѣжденію, что компанія на акціяхъ, которую онъ разсчитывалъ основать съ цѣлію устроить правильное сообщеніе между землею и планетою Марсомъ, врядъ ли состоится. Кто захотѣлъ бы платить деньги — а деньги съ пассажировъ на стальныхъ шарахъ пришлось бы брать не малыя — чтобы видѣть море краснаго песка? И вообще никому, казалось, не было весело. Блэкъ, недовольный сухостью, съ какою отвѣтилъ ему Гордонъ, надулся на него и сидѣлъ, насупившись, въ сторонѣ. Самъ Макъ Грегоръ былъ какъ-то задумчивъ и озабоченъ.

Бернетъ рѣдко обращалъ вниманіе на расположеніе духа своихъ спутниковъ: его дѣло было изобрѣтать, что было нужно для ихъ безопасности и для ихъ удобствъ, а занимать ихъ онъ не умѣлъ. Но на этотъ разъ онъ замѣтилъ, что имъ не по себѣ, и ему стало жаль ихъ.

— Что вы, господа, всѣ какъ будто пріуныли? сказалъ онъ. — Подождите падать духомъ; неужели же вы въ самомъ дѣлѣ ожидали найти жизнь въ экваторіальныхъ пространствахъ Марса?

— А какъ вы думаете, м-ръ Бернетъ, спросилъ Блэкъ жалобно, — найдемъ мы гдѣ нибудь на Марсѣ жизнь и вообще что нибудь кромѣ этой ужасной песчаной бури?

— Конечно, найдемъ.

Всѣ повернулись къ нему и начали внимательно слушать.

— Я увѣренъ, что найдемъ, продолжалъ Бернетъ. — Еслибъ я захотѣлъ, я могъ бы спуститься въ любомъ градусѣ широты, но все-таки это стоило бы мнѣ лишнихъ хлопотъ, а я, признаюсь, радъ былъ спуститься хоть гдѣ нибудь.

— И, должно признаться, ты спустился на мягкомъ мѣстѣ, пошутилъ Макъ Грегоръ.

— Ужъ черезчуръ на мягкомъ, засмѣялся сэръ Джорджъ. — Да это не бѣда, если вы только думаете, что не весь Марсъ такой.

— Не думаю, а знаю навѣрно, что онъ не весь такой, сказалъ Бернетъ такъ утвердительно, что всѣ разомъ повеселѣли.

— Спасибо тебѣ, Бернетъ, шепнулъ ему Макъ Грегоръ. — Я радъ, что ты пріободрилъ ихъ хоть немножно.

Между тѣмъ вѣтеръ не унимался; настала ночь, а онъ все дулъ съ прежней силой. Бернетъ прижалъ электрическую пуговку, и шаръ озарился яркимъ свѣтомъ, зато въ окнахъ такъ потемнѣло, какъ будто ихъ выкрасили черной краской.

Digitized by Google

— Мы все еще плывемъ къ югу? спросилъ Макъ Грегоръ.

— Да и очень быстро; мы пролетаемъ миль по сорока въ часъ. Я нахожу даже подобную быстроту немного опасною.

— Шутишь! удивился Макъ Грегоръ. — Что значитъ для насъ подобная скорость, когда мы путешествовали недавно съ быстротою пятидесяти тысячъ миль въ минуту?

— Теперешняя наша быстрота при настоящихъ условіяхъ гораздо опаснѣе.

— Какъ такъ?

— Тогда намъ не представлялось на пути серьезныхъ препятствій, а теперь, если мы наткнемся на горный хребетъ, намъ придется хоть не такъ плохо, какъ опасался м-ръ Блэкъ, когда думалъ, что мы не въ состояніи будемъ замедлить хода, а пожалуй въ родѣ того. Столкновеніе будетъ не такъ сильно, но для насъ достаточно, прибавилъ онъ, взглянувъ на Блэка съ той чуть замѣтной, но лукавой улыбкой, которая порой мелькала на его губахъ, когда ему хотѣлось подразнить кого нибудь. Замѣтимъ кстати, что при всей своей глубокомысленной учености онъ не былъ свободенъ отъ этой страсти.

— Господи помилуй! взмолился Блэкъ, — долго ли намъ еще придется опасаться всякихъ случайностей? Скажите, м-ръ Бернетъ, развѣ ваше... какъ его тамъ? ну, притяженіе, тяготѣніе, что ли, не можетъ дать вамъ способа подняться повыше, чтобъ не натолкнуться на гору? Вѣдь вы говорите, что оно всесильно, неужели же оно не можетъ оказать вамъ такой пустой услуги?

— Могло бы, еслибъ я зналъ когда именно подняться.

— А развѣ... развѣ сама ваша машина не поднимется автоматически въ виду препятствія?

— Какимъ это образомъ?

— Ну, я не умѣю объясняться научнымъ языкомъ. А на той высотѣ, на какой мы летимъ, могутъ попадаться горы?

— Отчего же, вѣдь бываютъ горы въ пять тысячъ футовъ вышины. Одной такой горы на нашемъ пути было бы довольно для насъ.

— Значитъ, пиши пропало! воскликнулъ Блэкъ, махнувъ рукой. — Въ такомъ случаѣ я не понимаю, почему мы вмѣсто полумили не поднимемся надъ Марсомъ миль на десять, на двѣнадцать.

— Это было бы неудобно по многимъ причинамъ.

— Напримѣръ?

— Во первыхъ, на такой высотѣ не было бы вѣтра, который намъ очень помогаетъ. Во вторыхъ, здѣсь мы дышимъ внѣшнимъ воздухомъ, а тамъ нѣтъ атмосферы: намъ пришлось бы расходовать нашъ собственный запасъ кислорода, а

Digitized by Google

мы должны его приберегать. Наконецъ, прибавилъ онъ, опять слегка улыбнувшись,—я почти увѣренъ, что по тому направленію, въ какомъ мы летимъ, мы не встрѣтимъ горъ.

— Давно бы вы сказали! воскликнулъ Блэкъ съ живостію и замолчалъ, словно прикусилъ языкъ: ему было досадно — зачѣмъ онъ слишкомъ откровенно выдалъ чувство, которое испытывалъ. Его трое товарищей внимательно слѣдили за только что приведеннымъ разговоромъ; по правдѣ сказать, и они испытывали то же или почти то же, что Блэкъ, только лучше его умѣли скрывать свои ощущенія. При послѣднихъ словахъ Бернета и они повеселѣли.

— Удивляюсь, какъ вы не уймете этого болтуна, м-ръ Бернетъ, шутливо замѣтилъ Дюранъ, ударивъ по плечу Блека.—Онъ только отвлекаетъ васъ отъ вашихъ соображеній.

— Нисколько, отвѣтилъ Бернетъ, снова принимая свой обычный спокойно-серьезный видъ. — Напротивъ, я всегда радъ случаю объяснить вамъ — почему я дѣлаю что нибудь именно такъ, а не иначе: не будь этого, моя отвѣтственность была бы слишкомъ тяжела для меня.

— Объ этомъ тебѣ нечего безпокоиться, Бернетъ, вмѣшался Макъ Грегоръ. — Мы знаемъ, что мы въ хорошихъ рукахъ. Не твоя будетъ вина, если случится какое нибудь несчастіе. А теперь знаешь что? Уменьши-ка свѣтъ, и пусть наши товарищи уснутъ немножко. Намъ съ тобой спать пока не полагается, а имъ нуженъ покой.

— Именно, именно! съ живостію согласился Блэкъ. — И какъ еще нуженъ-то: отъ долгой безсонницы нервы всегда такъ разстраиваются!

Никто не сталъ спорить; всѣ живо размѣстились по кушеткамъ, любезно простившись между собою и хозяевами. Гордонъ, какъ истый путешественникъ, уснулъ едва успѣлъ прилечь. Блэкъ также скоро уснулъ, придумывая рѣчь къ своимъ будущимъ избирателямъ: онъ уже мечталъ, что непремѣнно попадетъ членомъ въ марсовскій парламентъ. Дюранъ и Гревзъ въ свою очередь не замедлили предаться сну; одинъ сэръ Джорджъ по обыкновенію почиталъ на сонъ грядущій свой „Финансовый руководитель“, замѣнявшій ему часословъ или молитвенникъ. Но вскорѣ и онъ заснулъ. Свѣтъ въ шарѣ, уменьшенный до минимума, освѣщалъ помѣщеніе слабымъ мерцаніемъ; не слышно было другаго звука, кромѣ ровнаго дыханія спящихъ. Каждый грезилъ, смотря по тому, что его занимало: кто спеціальной корреспонденцій, предназначенной къ тому, чтобы произвести переворотъ въ газетномъ мірѣ, кто небывалаго интереса романомъ, кто чудной картиной, кто неслыханной красоты рѣчью, кто чудовищными барышами.

Digitized by Google

Только Бернетъ и Макъ Грегоръ не спали: имъ было не до сна. Блѣдные, измученные долгою безсонницею и всѣмъ испытаннымъ и пережитымъ, они сидѣли на платформѣ, оберегая покой остальныхъ и слѣдя за правильностью движенія корабля. Вдругъ съ юга послышался тотъ же самый звукъ, который поразилъ ихъ во время стоянки. Онъ раздался не такъ громко, какъ тогда, но такъ же жалобно, такъ же отчаянно и замеръ къ сѣверу, потрясая душу своимъ отдаленнымъ глухимъ рыданіемъ. Друзья переглянулись въ ужасѣ и невольно схватились за руки.

— Слышишь? проговорилъ Бернетъ глухо.

— Что бы это могло быть? Какъ ты думаешь, Бернетъ? спросилъ Макъ Грегоръ дрожащимъ голосомъ.

— Не знаю и представить себѣ не могу, отвѣчалъ ученый взволнованно.— Но это ужасно... ужасно!

ГЛАВА VIII

Рай

— Стой, Бернетъ, я вижу городъ! Эти слова и звучный голосъ Макъ Грегора разбудили всѣхъ спавшихъ; они вскочили съ мѣста, схватили зрительныя трубы и бросились къ окнамъ.

Какъ непохоже было то, что представилось ихъ глазамъ на то, что они видѣли наканунѣ!

Песчаныя облака, крутившіяся и извивавшіяся, подобно огненнымъ змѣямъ, исчезли, зловѣщаго зарева на небѣ какъ не бывало. Солнце сіяло безоблачно въ яркой небесной лазури. Къ югу виднѣлись зеленѣющія горы Лагранжскаго полуострова, разстилаясь волнистыми линіями, образовавшими симметрическіе изгибы. Ближе серебристыя волны озера Маральди тихо плескали въ берега, покрытые желтымъ пескомъ, сверкавшимъ, какъ золото, въ лучахъ утренняго солнца. Къ востоку тянулись другія озера, другія горы, обширныя равнины, покрытыя роскошною растительностью, холмы, пестрѣющіе полевыми цвѣтами, террасы, обвитыя зеленью, роскошные цвѣтники, красивыя деревья съ нѣжными перистыми листьями, между которыми порхали безчисленныя стаи пѣвчихъ птичекъ. Утренній вѣтерокъ доносилъ откуда-то звуки чудной музыки, которая сливалась съ гармоническимъ плескомъ волнъ, а на берегу бухты Пратта, примыкавшей къ озеру Маральди, растилался на протяженіи многихъ миль городъ, весь построенный изъ бѣлаго мрамора.

Нѣсколько времени всѣ безмолвно любовались чудною кар-

Digitized by Google

тиною. Бернетъ спустилъ шаръ на столько, что съ планеты, надъ которою онъ носился, стали слышны въ открытыя окна (Макъ Грегоръ прижалъ пуговку и всѣ окна разомъ открылись) самые нѣжные звуки: щебетаніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, жужжаніе пчелъ, тихое блеяніе стадъ, состоявшихъ изъ какихъ-то невиданныхъ животныхъ. Все это вливалось въ окна вмѣстѣ съ чуднымъ ароматомъ цвѣтовъ, лаская чувства путниковъ и повергая ихъ въ цѣлый міръ наслажденія, живаго, упоительнаго, но безусловно чистаго. Итакъ наши искатели приключеній не ошиблись въ разсчетѣ. Неимовѣрныя опасности, которымъ они подвергались, были вознаграждены вполнѣ, и каждый изъ нихъ воскликнулъ съ благоговѣніемъ:

— Мы достигли рая!

При этихъ словахъ голова Бернета тихо опустилась на грудь; онъ проговорилъ со спокойной улыбкой, выражавшей безмѣрную радость: — наша взяла, Макъ Грегоръ, и лишился чувствъ.

— Да, благодаря тебѣ, несравненный человѣкъ! воскликнулъ Макъ Грегоръ, бросаясь къ нему на помощь.

Черезъ нѣсколько минутъ Бернетъ очнулся, и Макъ Грегоръ принялся бранить его, подражая въ этомъ отношеніи умнымъ матушкамъ изъ простонародья, которыя сѣкутъ свое дѣтище за то, что оно ушиблось нечаянно.

— Какъ тебѣ не стыдно пугать насъ такъ! говорилъ онъ. — Вѣдь мы не можемъ обойтись безъ тебя: подумай — сколько тебѣ еще дѣла!

— Нечего сказать, откровенно и мило! замѣтилъ Блэкъ колко.

Дѣйствительно сочувствіе Макъ Грегора было выражено не въ особенно привлекательной формѣ, но онъ былъ эгоистиченъ, какъ прирожденный верховодъ: подобно всѣмъ великимъ полководцамъ онъ считалъ своихъ подчиненныхъ ничѣмъ инымъ, какъ факторами, необходимыми ему для достиженія его цѣлей, и не щадилъ ради этого достиженія ни ихъ, ни себя. Конечно, въ его характерѣ были и болѣе мягкія, менѣе себялюбивыя, такъ сказать не профессіональныя, черты, но онъ рѣдко позволялъ имъ выходить наружу, считая это слабостью, и съ этой стороны строго держалъ себя въ рукахъ.

Оправившись совершенно, Бернетъ сказалъ:

— Тихій утренній вѣтерокъ понесетъ насъ надъ городомъ. Мы спустимся въ самую середину его.

— А посмотрите-ка — почти прямо подъ нами вилла, сказалъ сэръ Джорджъ, смотрѣвшій все это время въ одно изъ нижнихъ оконъ въ зрительную трубу. — Какъ вы думаете, не спуститься ли намъ къ ней? Съ нея насъ какъ будто замѣ-

Digitized by Google

тили, на насъ направлена огромная труба, кажется, телескопъ.

— Да, тамъ кто-то есть! воскликнулъ Макъ Грегоръ.

Дѣйствительно на террасѣ виллы стояли какіе-то странно, но очень красиво одѣтыя существа и очевидно наблюдали за шаромъ, направляя на него что-то, похожее на громадную подзорную трубу.

— Право, я нахожу, что можно бы спуститься здѣсь, сказалъ сэръ Джорджъ.

— Что я и сдѣлаю, отвѣчалъ Бернетъ.—Народъ тутъ живетъ, кажется, образованный, поэтому спуститься здѣсь будетъ безопасно.

— Вы опять заговорили о безопасности! огрызнулся Блэкъ. — Почему вы думаете, что спуститься здѣсь будетъ безопаснѣе, нежели гдѣ бы то ни было?

— Ничего подобнаго вашимъ послѣднимъ словамъ я не говорилъ, спокойно возразилъ Бернетъ. — Я только думаю, что еслибы мы спустились къ людямъ необразованнымъ, то наше непрошенное появленіе могло бы вызвать панику. Впрочемъ, я полагаю, на Марсѣ найдется немного людей необразованныхъ.

— Почему вы такъ полагаете?

— Я сужу по тому, что видѣлъ на материкѣ Секки.

— Лучше не напоминайте намъ о немъ.

— И сужу также по тому, что вижу здѣсь, продолжалъ Бернетъ, игнорируя замѣчаніе расходившагося Блэка.

— Здѣсь прелестно! вмѣшался сэръ Джорджъ,— но я не понимаю, м-ръ Бернетъ, что общаго могутъ имѣть обѣ мѣстности Марса съ образованностью его обитателей. Сначала мы попали въ мертвую пустыню, теперь видимъ передъ собою земной или, вѣрнѣе, марсовскій рай. Что же можно вывести изъ этого?

— Весьма многое. На материкѣ Секки я пришелъ къ убѣжденію, что весь экваторіальный районъ на планетѣ вымеръ, и я не ошибся. Одну минуту я готовъ былъ даже допустить, что и вездѣ на Марсѣ мы найдемъ то же самое.

— А говорили совсѣмъ другое, вмѣшался Блэкъ.

— Я не счелъ нужнымъ высказывать моихъ предположеній, отвѣчалъ Бернетъ серьезно, почти строго.— Здѣсь я вижу новое подтвержденіе моему убѣжденію, что планета Марсъ стара, очень стара.

На эти слова посыпался цѣлый хоръ опроверженій.

— Стара? Что вы, какъ можно! Она великолѣпна, грандіозна, прелестна, какъ мечта!

— Она прелестна, но не грандіозна, возразилъ Бернетъ. — Красота ея ни что иное, какъ матеріальное совершенство, доведенное до послѣдней степени. Еще шагъ впередъ, и начнется

Digitized by Google

распаденіе. Посмотрите на эти горніе скаты, пережившіе безчисленныя тысячелѣтія. Они покрыты цвѣтами, но не увѣнчаны грозными утесами. Въ здѣшнихъ горахъ нѣтъ того суроваго величія, какое представляютъ наши сравнительно юные, въ геологическомъ отношеніи, Альпійскіе хребты. Взгляните на это сверкающее море; волны его словно поютъ колыбельную пѣсенку, ударяясь въ обремененные годами берега. Оно ненаглядно красиво, но оно давно уже утратило ту бурливость, которая составляетъ величіе нашихъ океановъ. Оно измельчало, превратилось изъ моря въ озеро. Можетъ быть и оно было когда-то величественно и грозно, въ тѣ времена, когда нашъ Атлантическій океанъ еще только начиналъ выступать изъ хаоса. Можетъ быть, берега его были когда-то покрыты исполинской растительностью; теперь ее замѣнили изящныя деревца, пигмеи сравнительно съ нашими лѣсными великанами. Здѣшнія животныя милы, красивы, граціозны, но взгляните, какъ они чувствительны къ самому легкому звуку, къ малѣйшему дуновенію вѣтерка — цѣлая тысяча ихъ, взятая вмѣстѣ, не устояла бы противъ одного тигра. Повторяю, господа, Марсъ старая планета. И жители ея, вѣроятно, далеко превосходятъ насъ развитіемъ какъ тѣлеснымъ, такъ и умственнымъ. Они выработали себѣ такія соціальныя, моральныя и физическія условія, какихъ мы и представить себѣ не можемъ. Словомъ, они дошли до высшей степени развитія; дальнѣйшій прогресъ для нихъ невозможенъ: имъ доступна одна перемѣна къ худшему.

Развивая свои взгляды передъ слушателями, Бернетъ увлекался, что̀ съ нимъ рѣдко случалось; его обыкновенно серьезный, спокойный взглядъ сверкалъ одушевленіемъ, блѣдное лицо горѣло. Но, несмотря на свое увлеченіе, онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ корабля и покончилъ рѣчь какъ разъ въ тотъ моментъ, когда шаръ очутился прямо надъ намѣченной имъ виллой.

— Сейчасъ мы провѣримъ мою теорію на практикѣ, сказалъ онъ.—Готовьтесь, господа: намъ, вѣроятно, придется подивиться кой-чему.

— Для насъ уже это не новость, ввернулъ насмѣшникъ Блэкъ.

Бернетъ занялся распоряженіями къ спуску корабля, а прочіе размѣстились по окнамъ, слѣдя за тѣмъ, что происходитъ на виллѣ. Особенно интересовалъ ихъ направленный на нихъ телескопъ.

— Очень можетъ быть, что это телескопъ, сказалъ Блэкъ, — но по моему онъ ужасно похожъ на громадную пушку.

— Мнѣ тоже кажется, отвѣчалъ Дюранъ.

— А что если они вдругъ вышибутъ дно изъ нашего корабля? замѣтилъ обыкновенно молчаливый Гревзъ. — Вѣдь это будетъ

Digitized by Google

ужасно досадно: послѣ всего, что сдѣлалъ нашъ милѣйшій Бернетъ, чтобы попасть сюда, мы будемъ разбиты въ виду самой пристани.

— Да, это будетъ досадно, особенно для васъ, сказалъ Блэкъ, задѣтый за живое напускною холодностью, съ какою говорилъ художникъ.

— Не столько для меня, сколько для Бернета, возразилъ Гревзъ съ тѣмъ же невозмутимымъ хладнокровіемъ.

— Это почему?

— Корабль не мой, отрѣзалъ Гревзъ.

— О, чушь какая! Голова-то у васъ на плечахъ, я думаю, ваша, а если корабль разобьютъ, мы всѣ полетимъ въ пространство вверхъ ногами.

— Не мѣшало бы намъ выкинуть бѣлый флагъ, замѣтилъ баронетъ.

— А, можетъ быть, бѣлый цвѣтъ у нихъ синонимъ объявленію войны, возразилъ Макъ Грегоръ.

— Въ такомъ случаѣ можно выкинуть черный или синій, что ли, но все же не мѣшало бы подать какой нибудь сигналъ, что мы не имѣемъ противъ нихъ дурныхъ намѣреній.

Между тѣмъ бывшіе на террасѣ также слѣдили за движеніями шара, очевидно стараясь направить телескопъ прямо на него. Бернетъ не спускалъ глазъ съ подозрительной трубы, и взглядъ его выражалъ сильное безпокойство. Шаръ находился уже не болѣе какъ въ пяти стахъ футахъ отъ планеты, и разстояніе это съ каждою секундою быстро уменьшалось. Вдругъ футахъ въ трехъ стахъ онъ вздрогнулъ и остановился. Инженеръ бросился къ своимъ расписаніямъ, недоумѣвая, что случилось. Но въ его механизмѣ было все въ порядкѣ, а шаръ не двигался. Сдѣлавъ наскоро два, три опыта передвиженія снарядовъ, ученый вдругъ вскричалъ съ досадой:

— Мое изобрѣтеніе имъ извѣстно, и ихъ машина сильнѣе моей!

— Что вы хотите сказать? послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Они уничтожили притяженіе своей планеты къ нашему кораблю... О! Боже мой! это ужасно!..

— Бернетъ, что случилось? спросилъ Макъ Грегоръ взволнованно. — Скажи ради Бога — въ чемъ дѣло?

Бернетъ повернулся къ нему: лицо его выражало сильнѣйшее отчаяніе.

Они изолировали насъ отъ своей планеты, сказалъ онъ глухо. — А если они умѣютъ дѣлать это, значитъ умѣютъ дѣйствовать и отталкивающею силою. Они могутъ каждую минуту швырнуть насъ въ солнце.

Digitized by Google

Макъ Грегоръ быстро схватилъ парашютъ, висѣвшій у него наготовѣ.

— Помогите мнѣ отворить дверь! крикнулъ онъ.

— Берегись, Макъ Грегоръ, они могутъ швырнуть и тебя въ солнце.

— И пусть швыряютъ! Дверь! скорѣе, дверь!

Массивную дверь живо отперли, и храбрый начальникъ предпріятія выпрыгнулъ въ пространство.

Парашютъ былъ новаго устройства: онъ раскрывался автоматически въ самый моментъ паденія. Съ помощью его Макъ Грегоръ спустился на столько, что былъ уже футахъ въ пятидесяти разстоянія отъ планеты; затѣмъ и онъ остановился. Парашютъ охватилъ его ноги, какъ юбка, и повисъ на немъ неграціозными складками. Несчастный началъ изо всѣхъ силъ лягаться, чтобы расправить его — ни что не помогало: съ уничтоженіемъ притяженія онъ потерялъ всякій вѣсъ, и потому его отталкивающія движенія не имѣли ни малѣйшей силы.

— Эй! вы тамъ, стыдитесь! Легко мнѣ тутъ, вы думаете, висѣть да лягаться? Пустите меня внизъ! закричалъ онъ стоявшимъ на террасѣ, совсѣмъ забывъ, что жители Марса врядъ ли могутъ понять англійскій языкъ да еще съ шотландскимъ акцентомъ, который, замѣтимъ кстати, былъ у него особенно силенъ, когда онъ былъ взволнованъ.

— Ну что, Макъ Грегоръ, каково вамъ? закричалъ ему съ шара Блэкъ со смѣхомъ?

— Вамъ-то что? крикнулъ въ свою очередь Макъ Грегоръ сердито. — Очутились бы вы на моемъ мѣстѣ небось не стали бы зубы скалить.

— Простите, Макъ Грегоръ, но...

Слова Блэка были прерваны общимъ взрывомъ хохота, въ которомъ слышался голосъ даже неизмѣнно серьезнаго Бернета.

— Ради Бога не сердитесь, Макъ Грегоръ, закричалъ опять Блэкъ, когда хохотъ затихъ — но еслибы вы могли видѣть, какъ вы интересны, задрапированные въ вашемъ парашютѣ...

— Къ чорту его! крикнулъ Макъ Грегоръ, окончательно разсвирѣпѣвъ, и такъ встряхнулся, что парашютъ отлетѣлъ далеко въ сторону.

— Спустить вамъ веревку, Макъ Грегоръ? спросилъ сэръ Джорджъ: — полѣзайте опять наверхъ!

— На кой дьяволъ мнѣ веревка! отвѣчалъ Макъ Грегоръ съ отчаяніемъ. — Если они не даютъ мнѣ спуститься, такъ навѣрно не дадутъ и подняться. Эй, вы, милѣйшіе, послушайте, что вы со мной дѣлаете? Дайте же мнѣ спуститься; я вамъ ничего дурнаго не сдѣлаю. Ну право же, не сдѣлаю!

Digitized by Google

Стоявшіе внизу, конечно, не поняли его словъ, но тонъ просьбы и умоляющій жестъ, съ какимъ они были сказаны, не остались безъ дѣйствія: онъ вдругъ почувствовалъ, что опускается.

ГЛАВА IX

Странное явленіе

Замѣтя, что его тянетъ внизъ, Макъ Грегоръ поспѣшилъ протянуть руку за отброшеннымъ имъ парашютомъ. Но парашютъ плавалъ въ воздухѣ далеко отъ него, и онъ не могъ его достать. Сознавая, что онъ самъ накликалъ на себя погибель, онъ закрылъ глаза въ увѣренности, что сейчасъ грохнется и расшибется въ дребезги. Стоявшіе на шарѣ содрогнулись и отвернулись, чтобъ не видѣть ужаснаго зрѣлища. Еще минута — и ихъ другъ, ихъ мужественный предводитель долженъ былъ неминуемо погибнуть у нихъ на глазахъ. Одно чудо могло спасти его.

И чудо дѣйствительно случилось: Макъ Грегоръ, къ великому своему удивленію и еще большей радости, опустился на землю такъ плавно, такъ легко, какъ перышко, чуть колеблемое вѣтромъ. Коснувшись ногами почвы, онъ только едва замѣтно пошатнулся, такъ бережно направила его таинственная сила, имъ руководившая. Утвердившись на ногахъ, онъ повернулся къ шару и весело махнулъ рукой товарищамъ, которые вскрикнули отъ восторга, увидя его въ безопасности. И они поняли, что обитатели Марса не относятся къ нимъ враждебно, если не погубили ихъ отважнаго начальника, тогда какъ имъ такъ легко было это сдѣлать. Съ шара отлично можно было видѣть, какъ онъ привѣтствовалъ стоявшихъ на террасѣ, кланяясь на всевозможные лады, прикладывая руки къ сердцу, къ головѣ; не доставало только, чтобъ онъ сталъ на колѣни или палъ ницъ, какъ дѣлаютъ низшіе передъ высшими въ Тибетѣ, гдѣ онъ провелъ столько лѣтъ. Но этого онъ при всей благодарности за свое избавленіе все-таки не сдѣлалъ.

Три оригинально одѣтыя существа, стоявшія возлѣ телескопа или, вѣрнѣе, возлѣ странной машины, задержавшей полетъ шара, сошли съ террасы и подошли къ нему. Отважный гость, очевидно, произвелъ на нихъ благопріятное впечатлѣніе. Еще разъ поклонившись, онъ указалъ имъ на шаръ. Жестъ его былъ понятъ. Старшій изъ марсовцевъ — мы смѣло можемъ называть ихъ людьми, такъ какъ они были во всемъ похожи на людей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей,

Digitized by Google

какъ увидимъ ниже — поднялъ руку по направленію къ своей трубѣ, и она, повинуясь этому движенію словно разумное существо, повернулась на своей оси въ сторону отъ шара; такимъ образомъ дѣйствіе ея было уничтожено, и въ ту же секунду шаръ началъ опускаться. Черезъ нѣсколько минутъ онъ тихо коснулся почвы. Бросили веревочную лѣстницу, спутники Макъ Грегора спустились по ней и подошли къ своему предводителю, который представилъ ихъ марсовцамъ. Они низко поклонились, марсовцы — одинъ изъ нихъ былъ уже старикъ, другой юноша, а третій мальчикъ — отвѣчали тѣмъ же, очевидно подражая движеніямъ своихъ гостей, но очевидно было также, что движенія эти были для нихъ непривычны: мальчикъ, кланяясь, улыбался и отворачивался, чтобъ не замѣтили его улыбки.

Подойдя къ почтенному старцу, казавшемуся хозяиномъ, Бернетъ вынулъ изъ кармана карту солнечной системы, по которой путь, пройденный ими отъ земли къ Марсу, былъ обозначенъ краснымъ карандашомъ, передалъ ее ему вмѣстѣ съ картою Марса — лучшею, какія только есть на землѣ — и указалъ на то мѣсто на материкѣ Секки, гдѣ они впервые спустились. Путь, пройденный ими за ночь отъ этого материка до Лагранжскаго полуострова, также былъ обозначенъ красной линіей. Передавая обѣ карты, ученый знакомъ попросилъ марсовца разсмотрѣть ихъ внимательно. Старикъ принялъ ихъ съ любезнымъ, хотя нѣсколько неловкимъ, поклономъ и осмотрѣлъ ихъ, замѣтно заинтересованный, затѣмъ подозвалъ къ себѣ обоихъ своихъ товарищей и началъ объяснять имъ что-то. Земные гости не спускали съ нихъ глазъ и ждали — что будетъ. Пока они ждутъ, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ новыхъ знакомыхъ.

Марсовцы были ростомъ ниже средняго, но сложены такъ удивительно пропорціонально, что замѣтить это можно было только тогда, когда они стояли рядомъ съ рослыми обитателями земли, какими были, напримѣръ, Макъ Грегоръ и Дюранъ. Только голова ихъ была немного велика для ихъ роста, но они держали ее такъ граціозно, что и это ихъ не портило. Замѣчательнѣе всего было выраженіе ихъ лица: съ перваго взгляда на нихъ можно было замѣтить, что въ этихъ существахъ животный элементъ былъ вполнѣ подчиненъ интеллектуальному, что — увы! — такъ рѣдко встрѣчается на землѣ. Но на Марсѣ это было правиломъ даже безъ исключенія, въ чемъ легко могъ убѣдиться даже самый закоренѣлый скептикъ.

Относительно костюма мы можемъ сказать, что нашъ покрой платья, годный скорѣе для факельщиковъ, чѣмъ для свѣтскихъ людей, былъ тамъ совершенно неизвѣстенъ. Они

Digitized by Google

одѣвались, а не покрывали свое тѣло, украшали себя, а не безобразили. Замѣтимъ, впрочемъ, одно обстоятельство, способное служить отчасти къ нашему оправданію. Большая часть людей на землѣ почти не имѣетъ времени подумать о томъ во что имъ одѣться; марсовцамъ же, напротивъ, почти не о чемъ думать, кромѣ одежды. Къ тому же такіе костюмы, какъ, напримѣръ, сѣрые съ зеленой, вышитой золотомъ, отдѣлкой, въ какіе одѣты были хозяева Бернета и его товарищей, живо испортились бы, еслибъ ихъ надѣли люди, вращающіеся въ нашей дѣловой сумотохѣ. Туника, пояса, шаровары яркихъ цвѣтовъ были бы не умѣста въ лондонскомъ туманѣ. Но марсовцы, къ великому для нихъ счастію, не знаютъ дѣловой сумотохи, а о туманахъ и не слыхивали.

Пока я распространяюсь передъ читателемъ о новыхъ хозяевахъ нашихъ путешественниковъ, не лишнее будетъ сообщить ему и имена ихъ. Эти имена были даны имъ земными гостями отчасти по характеру ихъ, отчасти потому, что они по звуку близко подходили къ ихъ настоящимъ именамъ. Старика они называли докторъ Профундисъ; это имя очень шло къ нему, такъ какъ, судя по всему, онъ былъ человѣкъ очень ученый и глубокомысленный. Дочь его, о которой будетъ сказано ниже, звали Миньонета; имя это было ей дано въ честь дико растущаго на Марсѣ цвѣтка, очень напоминающаго цвѣтомъ и запахомъ нашу резеду *). Были еще и другія имена, но о нихъ послѣ, а теперь возвратимся къ нашему разсказу.

Мы оставили стараго марсовца объясняющимъ мальчику и молодому человѣку карты, врученныя ему Бернетомъ. Оба — первый изъ нихъ былъ его сынъ, второй женихъ его дочери — смотрили на него съ недоумѣніемъ и, казалось, не вѣрили ему. Тогда докторъ Профундисъ, — замѣтимъ кстати, что титулъ доктора и профессора были ему даны Макъ Грегоромъ и его партіею самовольно, такъ какъ на Марсѣ титуловъ нѣтъ, — вынулъ изъ своей туники прекрасно начертанную карту неба и указалъ на ней Бернету сперва на Землю, потомъ на Марса. Бернетъ кивнулъ головой и объяснилъ жестомъ, что они прибыли съ Земли. Оба молодые марсовцы, казалось, были пріятно удивлены и удвоили свою привѣтливость къ гостямъ. Замѣтя, что Бернетъ живо заинтересовался данной ему картой, Профундисъ вынулъ другую, тоже небесную, и, улыбаясь, подалъ ее ему. Бернетъ взглянулъ на нее и совсѣмъ растерялся отъ изумленія и восхищенія. Карта эта была составлена такъ подробно, такъ обстоятельно, мельчайшія астероиды были обозначены на ней съ такимъ точнымъ опредѣленіемъ ихъ поло-

*) Mignonette по англійски значитъ резеда.

Digitized by Google

женія, наклоненія ихъ орбитъ, періодовъ ихъ вращенія и пр., что онъ никогда не могъ представить себѣ ничего подобнаго: ни на одной изъ лучшихъ небесныхъ картъ, составленныхъ на землѣ, онъ не видалъ даже великана Юпитера, обозначеннаго съ такимъ совершенствомъ, съ какимъ были обозначены здѣсь даже звѣзды самыхъ послѣднихъ разрядовъ. Пробѣжавъ ее глазами, онъ возвратилъ ее хозяину съ такимъ болѣзненнымъ сознаніемъ недостаточности своихъ свѣдѣній, какого ему ни разу не доводилось испытывать раньше, и знаками объяснилъ старику, что впослѣдствіи попроситъ у него ее опять, чтобы изучить болѣе подробно. Скажемъ кстати, что впослѣдствіи онъ изучилъ-таки ее: это стоило ему немало труда, но все же онъ добился своего.

Между тѣмъ докторъ Профундисъ былъ въ недоумѣніи. Онъ понялъ, что неожиданные гости пріѣхали съ Земли, догадался, что они пріѣхали съ какою нибудь опредѣленною цѣлью, но какъ ихъ принять, чѣмъ угостить, онъ рѣшительно не зналъ. Подумавъ минуту, онъ пошелъ къ дому, знаками пригласивъ гостей слѣдовать за собою. Молодые люди съ улыбкой указали имъ на стальной шаръ, объясняя знаками, что они за нимъ присмотрятъ и что съ нимъ ничего не случится. Успокоенные этимъ обѣщаніемъ, путешественники пошли за старикомъ.

Вилла, къ которой онъ шелъ, была такъ обширна и великолѣпна, что, по всей справедливости, могла скорѣе назваться дворцомъ. Она была окружена мраморною террасою съ перилами, сплошь уставленною великолѣпными цвѣтами и растеніями. Терраса эта, поддерживаемая множествомъ колоннъ изъ разноцвѣтнаго мрамора, далеко выдавалась передъ домомъ; въ перилахъ противъ двери, ведущей въ домъ, было отверстіе очевидно для входящихъ на террасу, но лѣстницы не было, а терраса находилась надъ почвой, на вышинѣ, по крайней мѣрѣ, футовъ двадцати.

— Интересно знать — какъ онъ взберется туда, — сказалъ Макъ Грегоръ Бернету, шедшему съ нимъ рядомъ. — Должно быть есть подъемная машина. Здѣшній народъ вѣрно слишкомъ лѣнивъ, чтобы ходить по лѣстницамъ.

— Не думаю, — отвѣтилъ Бернетъ въ раздумьи.

— Я нисколько не удивлюсь, если онъ полѣзетъ по колоннѣ, — замѣтилъ сэръ Джорджъ, шедшій вслѣдъ за ними:— я и самъ бы, кажется, способенъ былъ взлѣзть хоть на призовую мачту на этой благословенной планетѣ. Замѣчаете? почва идетъ вверхъ и образуетъ довольно крутой холмъ, а я всхожу на нее безъ всякой одышки! Право, кажется, я ужъ успѣлъ помолодѣть здѣсь, хотя не провелъ еще на Марсѣ и часа.

Digitized by Google

Въ своемъ восхищеніи баронетъ забывалъ, что притяженіе на землѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ на Марсѣ. На землѣ онъ вѣсилъ полныхъ шестнадцать стонъ, а на Марсѣ онъ не вѣсилъ и шести.

— Ей Богу, онъ умѣетъ летать! — вскричалъ Блэкъ, схвативъ Макъ Грегора за руку.

Всѣ остановились въ изумленіи. Дѣйствительно передъ ихъ глазами происходило что-то непостижимое. Поравнявшись съ домомъ, Профундисъ безъ малѣйшаго колебанія и повидимому безъ всякаго усилія поднялся въ воздухѣ и черезъ минуту уже стоялъ на балконѣ.

Бернетъ и его партія слѣдили за нимъ, какъ говорится, выпуча глаза. Докторъ Профундисъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по террасѣ, оглянулся на нихъ и, видя, что они стоятъ всѣ еще внизу съ разстроенными лицами, понялъ въ чемъ дѣло и пошелъ обратно къ выходу.

— Берегитесь: онъ соскочитъ кому нибудь на голову! — закричалъ Макъ Грегоръ, забывъ, что профессоръ можетъ такъ же легко спуститься, какъ и подняться. Такъ и случилось: спустившись граціозно съ террасы, онъ подошелъ къ Бернету, котораго считалъ, совершенно справедливо, главою экспедиціи, и подалъ ему руку. Оба поднялись на воздухъ и черезъ минуту уже стояли на террасѣ. Оставивъ Бернета наверху, профессоръ опять спустился и подошелъ къ Маку Грегору, стоявшему рядомъ съ Блэкомъ.

— Ступайте вы прежде, Макъ Грегоръ, — сказалъ Блэкъ, отодвигаясь. — Вы... вы больше привычны къ этому движенію. Сегодня вы сдѣлали славную репетицію.

— Еще бы! отвѣтилъ Макъ Грегоръ и проворно подалъ руку профессору. Мало по малу старикъ перетаскалъ всѣхъ наверхъ и, отворивъ массивную мраморную дверь, которая, однако же, была такъ ловко прилажена, что отворилась, едва онъ до нея дотронулся, учтиво пригласилъ ихъ жестомъ войти въ домъ.

Зала, въ которую онъ ввелъ ихъ, была очень велика и скорѣе годилась бы для какого нибудь общественнаго собранія, чѣмъ для частнаго жилища. Прекрасно расписанный потолокъ изображалъ звѣздное небо. Кругомъ всей залы шла мраморная колоннада. Великолѣпныя растенія, которыми она была украшена, достигали почти до потолка. Красивыя пѣвчія птички влетали и вылетали въ открытыя окна, то садились на оранжерейныя растенія въ залѣ, то размѣщались по вѣткамъ цвѣтущихъ кустовъ, росшихъ возлѣ оконъ, и весело щебетали. Нигдѣ не видно было печей, а между тѣмъ въ комнатѣ господствовала легкая, пріятная температура. Замѣтимъ кстати,

Digitized by Google

такъ какъ намъ, можетъ быть, не придется возвращаться къ этому предмету, что бытовыя условія у марсовцевъ съ перваго дня привели въ восхищеніе обитателей земли, и впослѣдствіи это восхищеніе только усиливалось. Стоило повернуть рукоятку въ стѣнѣ, и въ комнатахъ распространялась желаемая температура, начиная съ тропической жары до полярнаго мороза. Ни въ одной комнатѣ не было ни свѣчей, ни лампъ, а между тѣмъ стоило прижать пуговку съ наступленіемъ темноты, и комнаты блистательно освѣщались; потолокъ, казавшійся днемъ расписаннымъ, превращался въ настоящій сводъ небесный съ его двумя лунами, спутниками Марса, и безчисленными звѣздами, проливавшими цѣлые потоки свѣта. Нигдѣ не видно было разфранченыхъ лакеевъ, но во всѣхъ углахъ стояли изящныя колонны; стоило положить на одну изъ нихъ что-нибудь, и колонна исчезала вмѣстѣ съ положенною на нее вещью. Это послѣднее удобство поразило нашихъ путниковъ, какъ только они вошли въ домъ, и даже напугало нѣкоторыхъ изъ нихъ.

— Попался же я, Гревзъ! пробормоталъ Блэкъ сердито. — Я положилъ мой зонтикъ на столбикъ у дверей, а онъ исчезъ куда-то вмѣстѣ съ нимъ. Должно быть его швырнули въ солнце, какъ Бернетъ боялся, чтобы они не швырнули Макъ Грегора. А я заплатилъ за него шестнадцать шиллинговъ и шесть пенсовъ.

— За столбикъ?

— За какой столбикъ — за зонтикъ! Будь онъ вашъ, вы бы не стали шутить.

— Я и самъ потерялъ такимъ же образомъ мое пальто, а вотъ шучу же.

— Потеряли? Очень радъ: по крайней мѣрѣ ваше положеніе не лучше моего.

— Хуже: вмѣстѣ съ пальто я положилъ на столбикъ и трубку.

Блэкъ созналъ всю великость потери, понесенной его товарищемъ, и пересталъ жаловаться на свою собственную.

Вынувъ изъ кармана книжку, исчерченную какими-то странными знаками — вѣроятно это было расписаніе свободныхъ въ домѣ помѣщеній — профессоръ повелъ своихъ гостей по длиннымъ корридорамъ въ особый флигель. Корридоры были богато задрапированы, стѣны украшены картинами превосходной работы. Надъ дверями висѣли роскошныя гардины. Мягкіе ковры покрывали полъ, такъ что не слышно было шаговъ. Все это было такъ великолѣпно, живописно, оригинально, что можно было смѣло сказать: это былъ не домъ, а очарованный замокъ, одинъ изъ тѣхъ, какіе любятъ изображать на землѣ писатели, одаренные богатымъ воображеніемъ. Но воображеніе, говорятъ, то же пророчество.

Digitized by Google

Идя по корридорамъ, гости не встрѣтили никого. Комнаты также были пусты. Хозяекъ не было дома — онѣ гостили у знакомыхъ, и профессоръ жилъ пока одинъ со своимъ сыномъ во всемъ громадномъ зданіи. Поэтому помѣщеніе для „пріѣзжихъ", нагрянувшихъ къ нему такъ неожиданно, ему найти было не трудно. Макъ Грегоръ и Бернетъ сильно нуждались въ отдыхѣ: они не спали съ тѣхъ поръ, какъ покинули землю, даже не забылись ни на минуту. Прочіе поспали нѣсколько часовъ тревожнымъ сномъ, но они были рады, когда Бернетъ сказалъ имъ, что хозяинъ не будетъ ждать ихъ къ себѣ до обѣда. Бернетъ уговорился объ этомъ съ профессоромъ съ помощью знаковъ, посредствомъ которыхъ они быстро научились объясняться.

Спальни, отведенныя для гостей, были убраны очень просто, но съ самымъ тонкимъ вкусомъ. Во всѣхъ нихъ преобладали цвѣта, способные служить отдохновеніемъ утомленному взгляду. При каждой была устроена ванна, имѣвшая форму пещеры, съ залитымъ водою дномъ, какія часто встрѣчаются на морскомъ берегу. Постели были пропитаны самыми нѣжными благоуханіями, а при кроватяхъ былъ устроенъ особый механизмъ: ложившійся придавливалъ своимъ тѣломъ пружину, и въ комнатѣ немедленно раздавалась тихая музыка, баюкавшая засыпавшаго.

Едва успѣвъ лечь, всѣ гости тотчасъ заснули, проспали, какъ убитые, десять часовъ сряду и встали бодрые, свѣжіе, чувствуя себя такъ хорошо, какъ никогда не чувствовали на землѣ. Электрическій звонокъ призвалъ ихъ къ обѣду. Была уже ночь, но въ домѣ было свѣтло, какъ днемъ; во всѣхъ корридорахъ, во всѣхъ комнатахъ разноцвѣтные лучи, изливаясь изъ невидимыхъ источниковъ, распространяли яркое сіяніе. Большая зала вся тонула въ волнахъ мягкаго свѣта: маленькія луны и звѣзды на потолкѣ сверкали чуднымъ блескомъ; посреди залы накрытъ былъ столъ.

Сервировка была великолѣпная, хотя нѣсколько оригинальная. Но ни кушанья, ни вина не удовлетворили обитателей земли: первые показались имъ слишкомъ простыми, мало приправленными, вторые слишкомъ слабыми. Разговора между гостями и хозяевами, конечно, быть не могло, такъ какъ на словахъ они не понимали другъ друга. Послѣ каждаго кушанья блюда, тарелки, ножи, вилки и т. под. исчезали какъ бы волшебствомъ и замѣнялись другими. Счастливые жители Марса не знаютъ удовольствія видѣть слугъ, торчащихъ у себя за стуломъ. Вмѣсто лакеевъ служили машины и служили превосходно. Но угодливость машинъ вмѣсто живыхъ существъ какъ-то странно дѣйствовала на непривычныхъ къ такимъ поряд-

Digitized by Google

камъ обитателей земли; у нихъ, какъ говорится, морозъ подиралъ по кожѣ; подобная сервировка была для нихъ слишкомъ нова. Вѣжливый хозяинъ всячески старался, чтобъ его гости остались довольны, но все-таки это былъ обѣдъ, такъ сказать трапеза, а не пиръ въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ на землѣ. И потому гости были рады, когда обѣдъ кончился, тѣмъ болѣе, что имъ приходилось обѣдать молча: говорить съ хозяиномъ они не могли, а толковать между собою не рѣшались, считая это невѣжливымъ. Какъ скоро встали изъ-за стола, всѣ принадлежности обѣда и самый столъ исчезли безслѣдно. Тогда докторъ Профундисъ обратился знаками къ своимъ гостямъ съ предложеніемъ устроить систему сообщеній, что оказалось весьма не трудно. Младшій Профундисъ, несмотря на свои почти дѣтскіе годы, рисовалъ гораздо лучше Гревза, и оба предлагали, такъ сказать, карандашомъ вопросы, на которые давали такимъ же способомъ отвѣты. Кромѣ того принималось во вниманіе выраженіе лица, интонація, жесты; такимъ образомъ разговоръ, если можно такъ выразиться, мало по малу завязывался, и обѣ стороны начинали порядочно понимать другъ друга. Конечно, число вопросовъ поневолѣ было ограничено; они могли вращаться только въ такомъ районѣ: есть ли, напримѣръ, на землѣ или на Марсѣ то-то и то-то? Объ отвлеченностяхъ не могло быть и рѣчи, но все-таки шагъ впередъ былъ сдѣланъ. Особенно интересовались гости узнать — есть ли въ домѣ хозяйки и если есть, то почему онѣ не показываются, но они не знали какъ предложить этотъ вопросъ. Наконецъ Блэкъ, особенно хлопотавшій объ этомъ, какъ большой ходокъ по женской части, придумалъ что дѣлать.

— Нарисуйте Дюрана и рядомъ съ нимъ его послѣднюю любушку, сказалъ онъ Гревзу, — и покажите вашъ рисунокъ профессору, онъ навѣрное пойметъ въ чемъ дѣло; къ тому же мы постараемся пояснить ему вопросъ знаками.

Гревзъ съ радостью ухватился за эту мысль, и вскорѣ рисунокъ былъ готовъ. Гревзъ показалъ его Профундису; тотъ передалъ его сыну; оба взглянули другъ на друга и разомъ воскликнули съ улыбкой:

— А Миньонета!

Показавъ знаками, что понимаетъ желаніе гостей и готовъ его исполнить, профессоръ пригласилъ ихъ слѣдовать за нимъ въ другую комнату. Эта комната была также очень велика и отлично меблирована. Въ ней стояло полукругомъ сорокъ или пятьдесятъ стульевъ, поднимаясь въ нѣсколько рядовъ одни надъ другими, какъ въ театрѣ. Но на томъ мѣстѣ, гдѣ должна бы была быть сцена, была глухая бѣлая стѣна, на кото-

Digitized by Google

рой видно было нѣсколько круговъ; возлѣ каждаго круга придѣлана была трубка, а надъ всѣми кругами находился аппаратъ, какого не видалъ даже самъ ученый Бернетъ. Къ чему служила эта машина — гости скоро увидѣли.

Подойдя къ ней, профессоръ коснулся пружинки — и вдругъ яркій свѣтъ, озарявшій комнату, смѣнился мягкимъ, нѣжнымъ полусвѣтомъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ одному изъ круговъ, произнесъ нѣсколько словъ и, оборотясь къ гостямъ, знакомъ попросилъ ихъ внимательно слѣдить что будетъ. Они, конечно, не заставили себя просить въ убѣжденіи, что ихъ ожидаетъ какое нибудь чудо, и, повинуясь знаку профессора, заняли мѣста въ первомъ ряду.

Вдругъ посреди господствовавшей въ залѣ тишины раздался сначала тихо, но постепенно усиливаясь, чей-то серебристый голосокъ, нѣжный и пріятный, какъ шелестъ вѣтерка въ листвѣ. Въ голосѣ этомъ слышалось какъ-то вмѣстѣ и серьезное, и веселое выраженіе. Никогда обитатели земли не слыхали ничего подобнаго: онъ поразилъ ихъ, какъ голосъ съ неба, и, слушая его, имъ казалось, что они дѣлаются сами чище, лучше, святѣе.

Свѣтъ въ комнатѣ сталъ еще слабѣе, и вдругъ передъ глазами удивленныхъ обитателей земли предсталъ образъ молодой дѣвушки, окруженной какимъ-то чуднымъ сіяніемъ. Она, казалось, была вся окутана въ прозрачное радужное облако, сквозь которое едва виднѣлись очертанія ея чудныхъ формъ. Волосы у ней были золотистые, образовавшіе какъ бы роскошный вѣнецъ надъ ея прелестной головкой; глаза темносиніе умные, глубокіе, лицо кроткое, выразительное, задумчивое, но безъ малѣйшаго оттѣнка той прирожденной грусти, которая всегда омрачаетъ земную красоту, какъ бы совершенна она ни была.

При появленіи этого чуднаго призрака голосъ, слышавшійся въ комнатѣ, не прекратился; слушатели угадали, что онъ принадлежалъ именно ему, и слушали его съ почтительнымъ восхищеніемъ, смотря на прелестную дѣвушку съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ смотрятъ на ангела. Профессоръ съ улыбкой назвалъ ее нѣжнымъ именемъ Миньонеты и произнесъ нѣсколько словъ. Она улыбнулась ему также нѣжно, отвѣчала ему также нѣсколькими словами съ выраженіемъ несказанной ласки и какъ будто съ легкимъ оттѣнкомъ сожалѣнія въ голосѣ; затѣмъ все исчезло.

Тогда хозяинъ подошелъ къ Бернету и положилъ передъ нимъ карту, объясняя ее знаками и нѣсколькими простыми англійскими словами, значеніе которыхъ онъ успѣлъ уже себѣ усвоить. Бернетъ быстро понялъ его и обратился къ товарищамъ.

Digitized by Google

— Эта дѣвушка дочь его, сказалъ онъ имъ.—Она гоститъ теперь у знакомыхъ, на одномъ изъ острововъ Кейзерскаго моря, за шесть тысячъ миль отсюда. Онъ просилъ ее пріѣхать домой. Завтра она будетъ здѣсь.

ГЛАВА X
Миньонета.

Вальтеру Дюрану въ эту ночь спалось плохо. Спальня у него, какъ намъ извѣстно, была весьма удобная, постель отличная, но, несмотря на то, онъ не могъ уснуть спокойно. Наконецъ онъ нашелъ тему, достойную его пера. Его живое воображеніе создавало одинъ планъ романа за другимъ, и читатель легко можетъ угадать—кого онъ выбралъ героинею. Онъ былъ уже влюбленъ въ свою героиню, и это было вполнѣ понятно: подобной ей онъ не встрѣчалъ на землѣ.

Онъ всталъ поздно: теплое марсовское солнце уже стояло высоко надъ извилинами лагранжскихъ холмовъ. Чудный сухой воздухъ былъ полонъ живительной прохлады. Рѣзвыя пестрыя птички весело распѣвали въ зеленыхъ рощицахъ, окружавшихъ домъ профессора. Въ домѣ слышались веселый говоръ голосовъ и тихая музыка. Вдругъ на балконѣ, подъ самымъ его окномъ, раздался веселый, серебристый смѣхъ.

— Это Миньонета! воскликнулъ онъ взволнованно и началъ торопливо одѣваться. „Проклятый европейскій покрой!“ думалъ онъ, смотрясь въ зеркало и чуть не плача отъ досады. „Мнѣ стыдно будетъ показаться ей такимъ чучелой. Развѣ это нарядъ? Подобное платье годится только для тюрьмы или для смирительнаго дома. Хоть бы я могъ занять костюмъ у ея брата—такъ онъ не будетъ мнѣ впору. И какъ это Макъ Грегоръ не догадался посовѣтовать намъ запастись приличной одеждой. Нужно будетъ заказать платье здѣсь и спросить совѣта у Гревза какое выбрать. Я вѣрю его вкусу: вѣдь онъ художникъ. А ему здѣшніе наряды очень нравятся. Я видѣлъ, какъ онъ срисовывалъ ихъ вчера вечеромъ, пользуясь всякой свободной минутой; только ему покоя не давали: все приставали къ нему, чтобъ онъ нарисовалъ то то, то другое“.

Кончивъ свой туалетъ, онъ отворилъ окно, выходившее на балконъ. О, разочарованіе! вмѣсто Миньонеты тамъ стоялъ какой-то мальчикъ, разговаривая съ молодымъ Профундисомъ, подвязывавшимъ вьющіяся растенія около колоннъ.

„Мальчишка“! подумалъ онъ съ пренебреженіемъ. „Должно быть еще ея братишка. Но какъ его голосъ похожъ на прелестный голосокъ Миньонеты! О, чудная дѣвушка!“

Digitized by Google

Онъ хотѣлъ было отойти отъ окна, но въ эту минуту мальчикъ на балконѣ перемѣнилъ положеніе и, облокотясь на перила, продолжалъ разговаривать съ молодымъ Профундисомъ, который успѣлъ между тѣмъ спуститься внизъ. Дюранъ невольно залюбовался его позой и заслушался его гармоническаго голоса.

„Какъ онъ граціозно стоитъ — точно эквилибристъ!“ думалъ онъ. „И какой на немъ красивый костюмъ. Вотъ бы срисовать его! Позову сюда Гревза“.

Мальчикъ былъ одѣтъ въ тунику серебристосѣраго цвѣта изъ какой-то мягкой матеріи, похожей на нашъ бархатъ; на головѣ у него была маленькая круглая шапочка изъ той же матеріи. Туника плотно охватывала его красивыя формы; ярко-красный поясъ, вышитый золотомъ, былъ завязанъ съ лѣваго боку большимъ бантомъ. Панталоны въ обтяжку одного цвѣта и одинаковой матеріи съ туникой застегивались у колѣнъ на темнозеленыхъ чулкахъ; изящные башмаки съ серебряной пряжкой довершали красивый и оригинальный нарядъ.

Спальня Гревза была рядомъ со спальней Дюрана. Романистъ подошелъ къ его дверямъ и постучался.

— Идите ко мнѣ скорѣе, Гревзъ! сказалъ онъ. — Мнѣ васъ надо: что я вамъ покажу!

— Ну, что вы мнѣ тамъ покажете? лѣниво отвѣчалъ Гревзъ изъ-за двери. — Я ужъ усталъ смотрѣть на всякія диковинки. Не мѣшайте мнѣ — я занятъ.

— Говорю вамъ — идите сюда, не то всю жизнь будете каяться! закричалъ Дюранъ, принимаясь опять стучаться.

— Да полно вамъ шумѣть! весь домъ переполошите, сказалъ Гревзъ, отворяя дверь. — Ну, говорите, что вамъ нужно?

— Зайдите ко мнѣ. На балконѣ подъ моимъ окномъ стоитъ мальчикъ: если онъ не достоинъ служить сюжетомъ для вашего карандаша, такъ я ужъ и не знаю какого вамъ надо. Хорошъ, какъ Аполлонъ, граціозенъ какъ Ганимедъ, а станъ какъ у Венеры.

Гревзъ лѣниво подошелъ къ окну, но, увидя мальчика, забылъ свое обычное хладнокровіе и малословіе и разразился цѣлымъ потокомъ восторженныхъ эпитетовъ.

— Душка, милочка, прелесть! повторялъ онъ, — непремѣнно срисую его... Ахъ! онъ уходитъ... Подите къ нему, Дюранъ, и задержите его на нѣсколько минутъ.

— Какъ я его задержу?

— Какъ хотите, хоть силой. Да постарайтесь, чтобъ онъ повернулся ко мнѣ лицомъ. Профиль у него хорошъ, но я хотѣлъ бы видѣть его прямо.

Дюранъ выбѣжалъ на балконъ въ ту самую минуту, какъ мальчикъ собирался спуститься съ балкона тѣмъ самымъ воз-

Digitized by Google

душнымъ способомъ, какимъ докторъ Профундисъ поднимался и спускался столько разъ наканунѣ.

— Извините, сэръ, сказалъ Дюранъ, положивъ руку на плечо мальчика. Онъ не надѣялся быть понятымъ, но надѣялся, что мальчикъ пріостановится хоть на минуту, а Гревзъ воспользуется этимъ, чтобъ срисовать его нѣсколькими штрихами.

Мальчикъ обернулся съ тою непринужденною граціею, которая такъ восхитила артистическую душу Гревза.

— Господи, помилуй! извините, сдѣлайте милость... право мнѣ очень жаль... я никакъ не думалъ, что это вы, пробормоталъ Дюранъ, совсѣмъ растерявшись и окончательно забывъ, что его извиненія ни въ какомъ случаѣ не будутъ поняты. — Ради Бога простите меня, миссъ... миссъ Миньонета, кажется?

Говоря это, Дюранъ снялъ шляпу и низко поклонился.

Это была дѣйствительно Миньонета, но что ей вздумалось переодѣться мужчиной? Она и не думала переодѣваться; она была просто въ своемъ „летательномъ" костюмѣ. На Марсѣ, какъ и слѣдовало ожидать въ такомъ передовомъ мірѣ, женщины пользуются совершенно одинаковыми правами съ мужчинами и, подобно имъ, учатся странному упражненію, которое мы за неимѣніемъ болѣе подходящаго на нашемъ языкѣ имени, назовемъ животнымъ электрицизмомъ. Упражненіе это состоитъ въ томъ, чтобъ регулировать притяженіе центра тяжести, вслѣдствіе чего получается возможность перелетать съ мѣста на мѣсто на какомъ угодно растояніи отъ почвы. Такіе полеты никогда не бываютъ очень продолжительны, но все-таки подобныя прогулки въ большомъ ходу на Марсѣ; дамы также часто принимаютъ въ нихъ участіе и охотно „летаютъ" то въ гости, то по дѣламъ. И въ то утро, о которомъ мы говоримъ, Миньонетѣ понадобилось „слетать" куда-то, и она была именно въ томъ костюмѣ, какой считается тамъ наиболѣе удобнымъ для такихъ экскурсій.

Молодая дѣвушка посмотрѣла на Дюрана съ какимъ-то дѣтскимъ удивленіемъ. Передъ нею стояло одно изъ странныхъ существъ изъ другаго міра, о прибытіи которыхъ она слыхала, какъ слыхалъ и весь Марсъ, хотя они прибыли только наканунѣ. Хорошія новости быстро распространяются на Марсѣ, а дурныхъ тамъ не бываетъ.

Миньонета нисколько не растерялась, тогда какъ Дюранъ былъ внѣ себя отъ смущенія. Замѣтя, что ему не по себѣ, она приложила ко лбу свою бѣлую стройную ручку, словно припоминая какой-то трудный урокъ — трудный потому, что онъ былъ совершенно новый. Вдругъ лицо ея озарилось довольной улыбкой; она быстро подошла къ Дюрану, протянула ему руч-

Digitized by Google

ку съ граціозною привѣтливостью и сказала по англійски съ обворожительно неправильнымъ акцентомъ: — доброе утро!

— Доброе утро, отвѣчалъ Дюранъ, все еще не оправившись отъ смущенія. Затѣмъ оба замолчали. Миньонета ничего не знала больше на земномъ языкѣ, а Дюранъ не зналъ ни слова по марсовски. Макъ Грегоръ, Бернетъ, Стерлингъ и Гордонъ уже были ей представлены, и всѣ сказали ей „доброе утро". Угадавъ, что это самая употребительная форма привѣтствія у обитателей земли, она запомнила эти слова и рѣшилась ихъ произнести, что и удалось ей не хуже, какъ любому новичку въ изученіи англійскаго языка.

Наступила неловкая пауза. Дюранъ искоса поглядывалъ на свою новую знакомку, а она разсматривала его съ нескрываемымъ любопытствомъ. Въ этомъ любопытствѣ не было и тѣни нахальства, но тѣмъ не менѣе оно ужасно конфузило Дюрана.

Это безмолвное свиданіе глазъ на глазъ было прервано приходомъ Блэка. Казалось бы Дюранъ долженъ былъ обрадоваться его появленію, а между тѣмъ оно его страшно раздосадовало. Блэкъ, не дожидаясь, чтобъ его представили, рекомендовался самъ; Миньонета подала руку и сказала ему „доброе утро", исчерпавъ и для него всѣ свои познанія въ англійскомъ языкѣ. Дюранъ могъ бы удалиться, но ему не хотѣлось уходить: онъ не двигался съ мѣста, любуясь прелестнымъ личикомъ дѣвушки, мѣнявшимъ выраженіе съ каждою минутою: почти каждая мысль, мелькавшая въ ея головкѣ, отражалась на немъ, какъ въ зеркалѣ. Ея лицо было выразительнѣе всѣхъ, какія видѣлъ Дюранъ до сихъ поръ на Марсѣ, не исключая и самого доктора Профундиса. Въ ея подвижныхъ чертахъ ясно можно было прочитать удивленіе, желаніе понравиться, безуспѣшное стараніе придумать какой нибудь способъ сообщенія и, наконецъ, сознаніе странныхъ отношеній между нею и гостемъ, которыя, повидимому, ее очень забавляли.

— Если желаете завтракать, Дюранъ, сказалъ Блэкъ, — такъ ступайте въ столовую. Я пришелъ сюда искать васъ.

— Вы очень... очень добры, Блэкъ.

— Нисколько, любезнѣйшій. За вами пріятно слѣдить — всегда увидишь что нибудь интересное, прибавилъ онъ многозначительнымъ, но добродушнымъ тономъ.

— Можетъ быть, вы впередъ будете на столько любезны, что ограничитесь наблюденіями за самимъ собою, сказалъ Дюранъ съ досадой, но Блэкъ перебилъ его съ удвоенною любезностью, которая еще хуже разсердила его:

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ иной разъ присмотрѣть и за вами, сказалъ онъ улыбаясь; — вѣдь это чистѣйшее для меня

Digitized by Google

удовольствіе. Вы такъ умѣете вести себя и такъ ловко открываете все, что есть здѣсь въ странѣ достопримѣчательнаго. Идите же завтракать.

— Я... я не хочу завтракать. Совсѣмъ нѣтъ аппетита; я прескверно спалъ ночь.

— А съ вида этого совсѣмъ не замѣтно; у васъ такое оживленное лицо. Ступайте же скорѣе въ столовую, не то безъ васъ тамъ все съѣдятъ. А я пока побесѣдую здѣсь какъ умѣю съ миссъ Миньонетой.

Это было ужъ слишкомъ. Дюранъ чуть не вспылилъ, но удержался и только про себя подивился, какъ это онъ до сихъ поръ не замѣтилъ, что за несносная, неделикатная и вообще неблаговоспитанная личность этотъ м-ръ Блэкъ! Однако онъ пошелъ-таки въ столовую, не желая выдать своей досады.

— Вотъ и умно! крикнулъ ему Блэкъ въ догонку.—Смотрите же, покушайте хорошенько; торопиться вамъ сюда обратно не зачѣмъ: я постараюсь занять миссъ Миньонету такъ, чтобъ ей не было скучно.

Дюранъ свирѣпо оглянулся но, встрѣтивъ взглядъ Блэка, сверкавшій лукавой веселостью, отвернулся и вышелъ, сказавъ отрывисто:—благодарю! Сейчасъ же за дверью ему попался Макъ Грегоръ и посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, такимъ неестественнымъ показался ему звукъ его голоса.

— Гдѣ вы были, Дюранъ? спросилъ онъ.—Мы ужъ боялись—не больны ли вы—и хотѣли предложить вамъ воспользоваться нашей походной аптечкой.

— Какъ вы, право, заботитесь обо мнѣ—просто чудо, а не друзья! отвѣчалъ Дюранъ раздражительно;—я вышелъ на балконъ, не успѣлъ двухъ минутъ тамъ пробыть, Блэкъ бѣжитъ: „идите завтракать!“ и чуть не плачетъ со страху, чтобъ я не отощалъ. А теперь вы съ аптечкой! Не прибавятъ ли еще чего Гордонъ или сэръ Джорджъ къ моему благополучію?

— Что съ вами, Дюранъ? спросилъ Макъ Грегоръ въ недоумѣніи.—Вы не имѣете обыкновенія раздражаться изъ пустяковъ; развѣ я сказалъ вамъ что нибудь непріятное?

— Я и не думаю раздражаться, только вы то не поднимайте шума изъ пустяковъ.

— Ну полно, полно, я васъ обидѣть не хотѣлъ, а вы знаете, гдѣ нѣтъ намѣренія обидѣть, тамъ нѣтъ и обиды. Гдѣ Гревзъ?

— Сидитъ у своего окошка и рисуетъ.

— Ну, если онъ принялся рисовать, значитъ его цѣлый день изъ комнаты не выманишь.

— Нѣтъ, онъ сейчасъ сойдетъ, онъ сказалъ, что недолго займется.

— Удивительно: онъ обыкновенно какъ примется за ка-

Digitized by Google

рандашъ, такъ готовъ весь міръ забыть. Вѣрно здѣшній климатъ на него дѣйствуетъ, если онъ начинаетъ лѣниться. А что онъ рисуетъ?

— Онъ... онъ срисовываетъ миссъ Миньонету.

— Миссъ Миньонету! Гдѣ же она?

— На... на балконѣ.

— На балконѣ? такъ вотъ что — понимаю. Улыбнулся Макъ Грегоръ. — Ктожъ теперь тамъ съ ней?

— Блэкъ, чтобъ его...

Дюранъ вдругъ умолкъ, словно прикусилъ языкъ. Макъ Грегоръ бросилъ на него испытующій взглядъ.

— Г-мъ, протянулъ онъ многозначительно. — Идите же завтракать, Дюранъ, прибавилъ онъ, увидя подходящихъ Гордона и сэра Джорджа. — Пока вы будете въ столовой, мы тутъ втроемъ полюбуемся на миссъ Миньонету.

— На миссъ Миньонету, повторилъ сэръ Джорджъ. — А гдѣ она?

— На балконѣ. Пойдемте къ ней. Съ вами ваша записная книжка, Гордонъ? Вотъ вамъ случай внести въ нее что нибудь хорошенькое.

— Мой „agenda“ всегда со мной, отвѣчалъ Гордонъ, вынимая изъ кармана книжку. — Куда же идти?

— Сюда, отвѣчалъ Макъ Грегоръ, направляясь на балконъ, гдѣ въ это время стояли Блэкъ и Миньонета, а Дюранъ пошелъ въ столовую, бормоча про себя:

— Всѣ заняты ею: Гревзъ ее срисовываетъ, Блэкъ съ ней разговариваетъ или по крайной мѣрѣ старается съ ней заговорить, Гордонъ собирается ее описывать, эти два старые дурака — сэръ Джорджъ и Макъ Грегоръ — бѣгутъ любоваться на нее. А меня прогнали завтракать. Очень нужно! Мнѣ и кусокъ въ ротъ не пойдетъ.

Продолженіе будетъ

Съ англійскаго **Ольга Павлова**

Digitized by Google

ВЪ НЕОБЪЯТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Романъ

Роберта Кроми

ГЛАВА XI

Старая быль

Когда Дюранъ вошелъ въ столовую, тамъ никого не было. Бернетъ давно уже ушелъ съ профессоромъ работать въ библіотеку: имъ нужно было тамъ многому поучиться другъ у друга. Молодой Профундисъ былъ въ саду, какъ намъ извѣстно. Одинокій завтракъ вовсе не понравился Дюрану, хотя столъ сервированъ былъ отлично. Марсовская кухня показалась ему еще прѣснѣе, вино еще слабѣе вчерашняго, невидимые слуги положительно наводили на него ужасъ. А съ балкона къ нему доносились смѣхъ и веселые голоса и дразнили его немилосердо. „Миссъ Миньонетѣ, какъ видно, весело съ ними", думалъ онъ, машинально проглатывая кусокъ за кускомъ. „Интересно только знать, какъ они съ ней разговариваютъ, вѣдь она можетъ отвѣчать имъ только знаками да своей удивительной игрой физіономіи. Ишь какъ заливаются — о чемъ это? желалъ бы я знать.

Вдругъ голоса на балконѣ смолкли. Если голоса дразнили его, то молчаніе окончательно вывело его изъ себя. Онъ бросилъ завтракъ на половинѣ и выбѣжалъ на балконъ. Тамъ никого не было кромѣ брата Миньонеты. Дюранъ обрадовался и ему: онъ былъ такъ похожъ на сестру! Молодой Профундисъ съ улыбкой подошелъ къ нему и протянулъ ему руку. Дюранъ подалъ ему свою и тотчасъ почувствовалъ, что вѣсъ его какъ будто исчезъ: впечатлѣніе было точно то же, какъ наканунѣ, когда профессоръ взялъ его за руку, чтобы поднять на балконъ. Они тихо опустились на землю, и молодой человѣкъ провелъ его въ небольшую рощицу, гдѣ все общество было въ

Digitized by Google

сборѣ. Тамъ былъ совершенный рай. Солнце мягко сквозило черезъ зеленую листву, воздухъ былъ полонъ благоуханіемъ цвѣтовъ, фонтаны гармонически плескали въ мраморныхъ бассейнахъ, откуда-то слышалась музыка, тихіе звуки которой словно трепетали въ воздухѣ. Красивыя животныя, похожія на коней, бѣгали и рѣзвились, беззаботно щипали травку и листву или довѣрчиво ласкались къ присутствовавшимъ. Пестрыя бабочки перепархивали съ цвѣтка на цвѣтокъ, какъ живые драгоцѣнные каменья, птички, наперерывъ блистая яркостью перьевъ, сидѣли на вѣткахъ цѣлыми стаями, заливаясь веселымъ щебетаньемъ. Но всего интереснѣе были костюмы собравшихся гостей: у профессора былъ въ этотъ день назначенъ утренній раутъ въ честь пріѣзжихъ съ земли. Пожилые мужчины и дамы были одѣты въ болѣе или менѣе темные цвѣта, молодые люди — въ яркіе, молодыя дѣвицы — въ нѣжные. Старость въ этомъ избранномъ обществѣ отличалась благообразіемъ и ласковою предупредительностью, молодежь — красотою и отсутствіемъ заносчивости. Всѣ обходились другъ съ другомъ вѣжливо, разговоръ шелъ чинно, неторопливо. Къ пришельцамъ изъ другаго міра всѣ относились, конечно, съ любопытствомъ, но привѣтливо и безъ тѣни навязчивости. Обитателямъ земли также было, повидимому, по себѣ въ этомъ чуждомъ для нихъ кругу. Макъ Грегоръ сидѣлъ въ великолѣпномъ креслѣ съ довольной улыбкой человѣка, отдыхающаго послѣ долгихъ трудовъ. Сэръ Джоржъ разлегся на травѣ и предавался кейфу, повидимому, совсѣмъ забывъ даже, что на свѣтѣ есть финансы. Гревзъ противъ обыкновенія былъ безъ карандаша, а Гордонъ безъ записной книжки. Блэкъ былъ веселѣе всѣхъ: онъ сидѣлъ на диванѣ между Миньонетой и ея подругой, также очень красивой дѣвушкой, и былъ, какъ говорится, вполнѣ въ своей тарелкѣ. Ирландецъ вездѣ ирландецъ: были бы ему хорошенькія женщины, а тамъ хоть трава не рости.

Дюрана представили гостямъ: онъ вѣжливо поклонился, но затѣмъ отошелъ въ сторону и надулся, самъ не зная за что. Никто бы не узналъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ съ безучастно потупленными глазами и хмурымъ выраженіемъ на красивомъ лицѣ живаго и пытливаго романиста-наблюдателя, который всегда такъ зорко вглядывался во всякую обстановку, его окружавшую, стараясь уловить какое нибудь оригинальное положеніе, способное пригодиться ему для его произведеній. Между тѣмъ, еслибы онъ былъ въ своемъ обыкновенномъ настроеніи, онъ могъ бы извлечь изъ всего окружавшаго массу матеріаловъ, но онъ, повидимому, не замѣчалъ ничего и даже выслушалъ равнодушно новость, способную удивить хоть кого:

Digitized by Google

профессоръ, просидѣвъ съ Бернетомъ цѣлую ночь, на столько перенялъ у него по англійски, что могъ уже довольно свободно изъясняться на немъ со своими гостями и даже успѣлъ передать частицу своихъ новопріобрѣтенныхъ познаній сыну. Миньонета также выучилась произносить довольно вѣрно нѣсколько фразъ. Такая переимчивость изумляла даже Бернета, тѣмъ болѣе, что и онъ самъ — не говоря уже о его спутникахъ — не могъ пока усвоить себѣ ни одного слова изъ марсовскаго языка. Трудно было, впрочемъ, и дивиться этому: у марсовцевъ умъ развитъ не по нашему.

Нѣсколько времени обитатели земли предавались сладостному кейфу, любуясь окружавшей ихъ райской обстановкой, отвѣчали черезъ профессора на предлагаемые имъ вопросы, но больше молчали, погруженные въ сладкое раздумье, которое могло отчасти назваться реакціей послѣ вынесенныхъ ими бурныхъ впечатлѣній. Кто бы рѣшился осудить ихъ за то, что они, наслаждаясь вполнѣ заслуженнымъ спокойствіемъ, забыли на нѣсколько минутъ, что гдѣ-то, въ далекомъ пространствѣ, вращается наша грѣшная земля съ ея печалями, тревогами, мелкими заботами и мелкими радостями — земля, которую имъ первымъ удалось покинуть иначе, какъ для того, для чего обыкновенно покидаютъ ее смертные, т. е. для загробной жизни.

Два часа пролетѣли для нихъ такъ быстро, какъ могутъ пролетѣть въ нашей земной юдоли развѣ для какой нибудь влюбленной парочки на тайномъ свиданіи. Затѣмъ марсовцы встали, накинули свои плащи — зеленые съ золотомъ или сѣрые съ лиловымъ—и простились съ хозяевами. Профессоръ объяснилъ Бернету, что каждый идетъ къ своимъ занятіямъ, и что поэтому гостямъ придется часа два забавляться между собою, такъ какъ и ему съ семействомъ нужно заняться дѣломъ. На блаженной планетѣ Марсъ дневной трудъ беретъ только два часа — остальное время посвящается отдыху и забавамъ.

Итакъ, марсовцы разошлись; пожилые чинно разбрелись по обсаженнымъ цвѣтами дорожкамъ, молодые упорхнули, какъ птички. Пришельцы съ земли тоже остались одни и тоже отправились побродить по рощицѣ. Одинъ Дюранъ не двигался съ мѣста; онъ все еще хмурился и дулся. Вдругъ кто-то слегка коснулся его плеча; онъ оглянулся — передъ нимъ стояла Миньонета. Она замѣтила его дурное расположеніе духа и воротилась на минуту, чтобы его утѣшить. Какъ она была мила со своимъ яснымъ взглядомъ, со своей небесной улыбкой, съ выраженіемъ непритворнаго сочувствія на прелестномъ личикѣ! Вся кровь бросилась въ голову Дюрану. Значитъ ей наскучилъ Блэкъ, она предпочитаетъ его общество и пришла сказать

Digitized by Google

ему это. Онъ впился въ нее своими большими черными глазами и ждалъ, что̀ она скажетъ.

И она дѣйствительно сказала ему фразу, выученную спеціально для него. Глядя на него съ ласковой улыбкой, она проговорила своимъ сладкимъ голоскомъ:

— Какая сегодня хорошая погода!

Дюранъ, ожидавшій чего нибудь гораздо болѣе нѣжнаго, нахмурился на нее такъ, что она отшатнулась отъ него, взглянула на него съ упрекомъ, отвернулась и ушла. Но онъ успѣлъ подмѣтить на ея длинныхъ рѣсницахъ двѣ слезы, можетъ быть первыя, которыя довелось ей пролить въ ея счастливой юдоли.

— Проклятый Блэкъ! вскричалъ онъ; — этотъ зубоскалъ вѣрно нарочно научилъ ее... О! Миньонета, не сердитесь, я не хотѣлъ васъ оскорбить!

Но ея уже не было. Онъ остался на мѣстѣ, растерянный, взбѣшенный на самого себя.

— Что вы здѣсь сидите, словно къ мѣсту приросли! раздался надъ его ухомъ веселый голосъ. Онъ вскочилъ какъ ужаленный: передъ нимъ стоялъ Блэкъ.

— Неужели вамъ тутъ не скучно одному? спросилъ онъ со своей безпечной улыбкой, фамильярно взявъ его подъ руку. — Пойдемте гулять и потолкуемъ на досугѣ; сколько я вамъ разскажу интереснаго о миссъ Миньонетѣ!

— Очень нужно мнѣ слушать о миссъ Миньонетѣ! вскричалъ Дюранъ, отталкивая его съ досадой. — Когда вы, наконецъ, поумнѣете, Блэкъ? Неужели вы не замѣчаете, какъ вы мнѣ надоѣли съ вашими толками объ этой дѣвушкѣ?

— Съ которыхъ это поръ вамъ надоѣдаютъ толки о хорошенькихъ дѣвушкахъ? спросилъ Блэкъ, лукаво улыбаясь. — А развѣ она не хорошенькая? Не смѣйте спорить: она обворожительна!

— Никто не думаетъ съ вами спорить: она, конечно, хорошенькая, но я нахожу, что порядочнымъ людямъ не слѣдуетъ и отзываться о ней легкомысленно.

— Милѣйшій мой, да что же я сказалъ о ней легкомысленнаго? что она хорошенькая, такъ вѣдь это и вы находите. Какъ же прикажете говорить о ней?

— По моему лучше всего будетъ не говорить о ней вовсе, сказалъ Дюранъ, стараясь овладѣть собою.

— Будь по вашему, согласился Блэкъ добродушно. — Что дѣлать, надо вамъ помирволить; вы сегодня ужасно не въ духѣ, должно быть завтракъ пришелся вамъ не по вкусу. А, знаете ли — я сдѣлалъ открытіе насчетъ здѣшнихъ барышенъ.

— Вѣроятно очень важное и глубокое! язвительно замѣтилъ Дюранъ.

Digitized by Google

— И важное, и глубокое, а главное до того вѣрное, что въ вѣрности оно не уступитъ любому открытію Бернета. Представьте себѣ, онѣ вовсе не кокетки. Въ этомъ онѣ очень невыгодно отличаются отъ нашихъ земныхъ барышень.

— А я нахожу напротивъ это большимъ преимуществомъ съ ихъ стороны, возразилъ Дюранъ, — по моему нашимъ барышнямъ не мѣшало бы взять въ этомъ съ нихъ примѣръ.

— Ну, я съ вами не согласенъ! замѣтилъ Блэкъ. — По моему, если женщина не кокетка — съ ней скучно.

— Однако вамъ не скучно учить миссъ Миньонету такимъ милымъ фразамъ, какъ, напримѣръ, „сегодня хорошая погода", ехидно ввернулъ Дюранъ.

— Что-жъ такое? Поговорить съ хорошенькой дѣвушкой еще не значитъ съ ней кокетничать. Я и не думалъ.

— Какъ это вы удержались, удивляюсь! прервалъ его Дюранъ саркастически. — Вы, кажется, рады кокетничать съ первой встрѣчной.

— Извините, вы очень ошибаетесь, возразилъ Блэкъ, задѣтый заживое. — Я разборчивъ и въ кокетствѣ, а вотъ вы такъ, какъ я вижу, готовы влюбиться въ первую встрѣчную.

— Что-жъ, я не отпираюсь, сказалъ Дюранъ. — Я способенъ увлекаться, но, по крайней мѣрѣ, я человѣкъ откровенный и не стараюсь казаться лучше, чѣмъ я есть, чего нельзя сказать о васъ. Впрочемъ, мнѣ не слѣдовало бы порицать васъ за это, прибавилъ онъ колко: — отъ политика вѣдь трудно ожидать прямодушія.

Это вывело Блэка изъ себя. Какъ политику, ему дѣйствительно приходилось иногда ловировать въ своихъ сужденіяхъ, но отъ природы онъ былъ человѣкъ прямодушный и терпѣть не могъ, когда его обвиняли въ противномъ. Его неправильное, но симпатичное лицо вспыхнуло гнѣвомъ и обыкновенно веселые добрые глаза сердито сверкнули.

— Послушайте, Дюранъ, вы, кажется, хотите со мной ссориться! сказалъ онъ, — а я вовсе не намѣренъ затѣвать ссору изъ пустяковъ. Если вамъ наскучило мое общество, скажите прямо, тогда намъ лучше разойтись.

— Я думаю это будетъ лучше всего, отвѣчалъ Дюранъ холодно.

Оба разошлись, очень недовольные другъ другомъ. А между тѣмъ они сошлись во время пути дружнѣе, нежели кто либо съ кѣмъ, и пролетѣли вмѣстѣ пятьдесятъ тысячъ миль добрыми пріятелями. Но не слѣдуетъ забывать, что на Стальномъ Шарѣ не было женщинъ — этой вѣчной косточки, за которую всегда готовы вцѣпиться другъ въ друга лучшіе пріятели.

Digitized by Google

ГЛАВА XII

Драма на Марсѣ

Докторъ Профундисъ рѣшилъ, что въ первый день пріѣзда гостей съ земли не слѣдуетъ устраивать для нихъ никакихъ экскурсій. Все было для нихъ такъ ново въ мірѣ, куда они только что прибыли, поэтому гостепріимный хозяинъ ихъ разсудилъ, что нужно дать имъ по крайней мѣрѣ недѣльку на то, чтобы отдохнуть и освоиться съ новой обстановкой. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ такое распоряженіе было не особенно пріятно, но они не рѣшались ему противорѣчить, какъ ни жаждали скорѣе ознакомиться съ чудесами, окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ.

За обѣдомъ въ этотъ день предсѣдательствовала г-жа Профундисъ, супруга профессора, пожилая особа, впрочемъ, еще очень видная. Она воротилась наканунѣ ночью вмѣстѣ съ дочерью съ острова на Кейзеровомъ морѣ, за шесть тысячъ миль, гдѣ онѣ гостили. Разстояніе это можно было пролетѣть въ одну ночь безъ труда на одномъ изъ воздушныхъ кораблей, съ помощью которыхъ поддерживалось правильное сообщеніе между всѣми пунктами планеты. И мать, и дочь были въ вечернемъ туалетѣ. Миньонета была въ томъ самомъ бѣломъ воздушномъ нарядѣ, въ которомъ ее видѣли гости наканунѣ посредствомъ процеса „отраженія“, когда она была еще за шесть тысячъ миль. Обѣдъ нѣсколько оживлялся присутствіемъ дамъ, а въ прочемъ прошелъ совершенно также, какъ и наканунѣ. Слугъ не было, кушанья были легкія, а вина слабыя. Но разговоръ былъ нѣсколько оживленнѣе вчерашняго, такъ какъ въ теченіе дня хозяева нѣсколько научились по англійски.

Тотчасъ послѣ обѣда профессоръ пригласилъ своихъ гостей въ залу, гдѣ наканунѣ имъ явилась Миньонета. Она была блистательно освѣщена и стулья были разставлены какъ будто для театральнаго представленія. Вскорѣ собралось многочисленное общество; явились многіе изъ бывшихъ утромъ въ рощѣ и съ ними порядочно новыхъ лицъ. Извѣстіе о прибытіи посѣтителей съ земли надѣлало шума на всемъ Марсѣ; многіе изъ знакомыхъ профессора, не посѣщавшіе его уже нѣсколько мѣсяцевъ, поспѣшили къ нему, чтобы увидѣть чудныхъ пришельцевъ и услыхать о нихъ все, что было уже извѣстно тѣмъ, у кого они нашли такое радушное гостепріимство. Любопытство, ими возбуждаемое, не имѣло ни малѣйшаго характера назойливости, но оно было очень велико; въ особенности

Digitized by Google

Миньонета съ трудомъ успѣвала отвѣчать на вопросы подругъ.

— О чемъ они тамъ совѣтуются? сказалъ Блэкъ Макъ Грегору, указывая ему на профессора, оживленно разговаривавшаго съ нѣкоторыми изъ почетныхъ марсовцевъ. — Хотѣлъ бы я знать, что они затѣваютъ.

— Нужно сказать Бернету, чтобы онъ спросилъ хозяина, отвѣчалъ Макъ Грегоръ. — Самъ я говорить съ нимъ не умѣю; мы какъ-то не понимаемъ другъ друга.

Спрошенный Бернетъ переговорилъ съ хозяиномъ и отвѣчалъ двумъ пріятелямъ, обратившимся къ нему съ запросомъ:

— Они спорятъ — чѣмъ занять насъ сегодня вечеромъ — и никакъ не могутъ прійти къ соглашенію между собою.

— Отчего они не соберутъ голоса и не рѣшатъ вопроса большинствомъ? спросилъ Блэкъ.

Оказалось, что марсовцы не знали этого способа рѣшать спорные вопросы, но когда Бернетъ объяснилъ имъ его черезъ профессора, онъ имъ очень понравился. Увы! для населенія интеллигентной планеты была новостью истина, въ которой такъ твердо убѣждены обитатели земли: именно, что мнѣніе большинства всегда непогрѣшимо, его сужденія всегда мудры, его рѣшеніе всегда благо. Вопросъ былъ рѣшенъ посредствомъ поднятія рукъ. Блэкъ и Бернетъ считали голоса.

Большинство оказалось на сторонѣ тѣхъ, которые совѣтовали устроить для земныхъ гостей спектакль и показать имъ весьма древнюю драму, сюжетъ которой былъ взятъ изъ тѣхъ временъ, когда на Марсѣ еще существовали войны. Драма эта была недавно возобновлена именно ради ея историческаго интереса. Нѣкоторые предлагали устроить вмѣсто спектакля научную лекцію съ діаграмами, но они оказались въ меньшинствѣ. Рѣшеніе большинства было одобрено всѣми членами экспедиціи, кромѣ Бернета, который жалобно возразилъ, что ему хотѣлось бы видѣть діаграмы, но никто не обратилъ вниманія на его протестъ.

— Значитъ, будетъ спектакль — отлично! Но каковы-то будутъ актеры, сказалъ Гордонъ, вынимая записную книжку и заранѣе наслаждаясь мыслею, что онъ сейчасъ будетъ писать первую театральную критику на газетѣ Марсъ.

— Все равно, каковы бы они ни были, мы во всякомъ случаѣ увидимъ интересные и, вѣроятно, богатые историческіе костюмы, замѣтилъ Гревзъ, приводя въ порядокъ свой карандашъ и раскрывая альбомъ.

— Да, сказалъ Блэкъ, — интересно будетъ узнать какъ одѣвались марсовцы въ тѣ времена, когда можетъ быть земля еще не существовала. Кто знаетъ? пожалуй, и они носили тогда

Digitized by Google

брюки и цилиндры, какъ носимъ теперь мы грѣшные. А каковъ-то будетъ характеръ драмы? Можетъ быть мы увидимъ что нибудь въ шекспировскомъ духѣ. Эхъ! я и самъ бы не прочь былъ сыграть передъ ними какую нибудь шекспировскую роль, напримѣръ, Орландо, еслибы миссъ Миньонета согласилась сыграть Розалинду.

— Вамъ бы приличнѣе было взять на себя роль Течстона, замѣтилъ Дюранъ, сердито нахмуривъ брови: — къ вамъ гораздо лучше идетъ амплуа отвергнутыхъ вздыхателей, чѣмъ счастливыхъ любовниковъ.

Макъ Грегоръ и сэръ Джорджъ ничего не сказали. Спектакль не особенно интересовалъ ихъ, но они разсчитывали, что посмотрѣть все-таки не мѣшаетъ, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ если будетъ черезчуръ скучно, тамъ можно и вздремнуть. Что касается до Бернета, то онъ не обращалъ вниманія на то, что кругомъ его происходило: мысли его блуждали въ необъятныхъ пространствахъ млечнаго пути.

Докторъ Профундисъ занялъ мѣсто близь „гостей съ земли", готовый въ случаѣ нужды давать имъ объясненія насчетъ хода піесы. Дамы занимали первые ряды; это никого не стѣсняло, такъ какъ ни на одной изъ нихъ не было не только высокой шляпки, но и вовсе никакой. Но публика уже вся усѣлась, а наши путники все не могли понять—какъ устроится представленіе: передъ ними была бѣлая сплошная стѣна и ничего больше.

— Гдѣ же они будутъ играть? сказалъ Блэкъ съ недоумѣніемъ.—Вѣроятно все кончится тѣмъ, что намъ покажутъ туманную картину, какъ вчера показали миссъ Миньонету.

— Опять миссъ Миньонета! оставитъ ли онъ ее въ покоѣ? проговорилъ Дюранъ сквозь зубы, и глаза его сердито сверкнули.

Въ этотъ моментъ раздался гармоническій звукъ колокольчика. Профессоръ поднялъ руку, и блистательно освѣщенная зала внезапно погрузилась въ таинственный полумракъ. Минуту спустя стѣна передъ зрителями исчезла куда-то безъ стука, безъ треска, безъ шума и мѣсто ея заступила залитая яркимъ свѣтомъ сцена, обрамленная живой зеленью вмѣсто драпировки съ кистями, какая въ употребленіи на нашихъ сценахъ. Раздалась громкая музыка, и черезъ нѣсколько минутъ стихла. На сцену вышла толпа актеровъ и начала представлять такъ хорошо, съ такимъ ансамблемъ, съ такими граціозно выразительными жестами, что даже незнакомые съ языкомъ марсовцевъ могли легко слѣдить за ходомъ дѣйствія.

Самая пьеса была въ высшей степени интересна для всѣхъ

Digitized by Google

вообще, но для европейцевъ съ особой точки зрѣнія. Сюжетъ ея былъ, какъ мы уже сказали, взятъ изъ тѣхъ почти незапамятныхъ временъ, когда на Марсѣ существовали еще войны, завоеванія, тиранства, притѣсненія, убійства, воровства и плутни. Но какими кроткими были изображены въ драмѣ притѣснители, какъ рыцарски великодушны завоеватели, какъ нѣжны тираны, какъ человѣчны убійцы, какъ честны воры, какъ благородны плуты! Словомъ, интрига пьесы была равносильна тому, какъ еслибы у насъ освобожденіе рабовъ совершилось посредствомъ распространенія брошюръ о вредѣ невольничества или битва при Ватерло была выиграна съ помощью войска, набраннаго въ дѣвичьихъ пансіонахъ.

Но марсовцы были въ восторгѣ отъ драмы. Она представляла имъ живописность борьбы безъ ея бѣдствій, романическое избавленіе отъ притѣсненій безъ гибели притѣснителей, славу побѣды безъ ужасовъ пораженія. Для людей, жившихъ во времена изображаемой эпохи, она, конечно, показалась бы жалкою пародіею на дѣйствительность, чѣмъ-то вродѣ комической оперы, но для марсовцевъ, успѣвшихъ въ теченіе вѣковъ забыть, что такое дѣйствительное горе и страданіе, она казалась восхитительною.

Гордонъ и Гревзъ усердно работали—одинъ перомъ, другой карандашомъ; для нихъ представленіе было чѣмъ-то вродѣ поля, усѣяннаго золотыми самородками. Бернетъ не видалъ его; мысль его летала за облаками. Макъ Грегоръ и баронетъ мирно заснули послѣ перваго же дѣйствія. Блэкъ усѣлся возлѣ хорошенькой барышни и ухитрился завести съ ней кокетливый разговоръ посредствомъ жестовъ. Дюранъ сидѣлъ насупившись; онъ старался, впрочемъ, показать профессору, что онъ очень благодаренъ за доставляемое ему развлеченіе, но взгляды его украдкой слѣдили за Миньонетой. Она была окружена подругами, и вся группа миловидныхъ дѣвушекъ — въ которой, замѣтимъ мимоходомъ, не было никого красивѣе ея — была очень заинтересована представленіемъ. Молоденькія зрительницы то блѣднѣли, то краснѣли, слѣдя за похожденіями героя и героини, которые были равно симпатичны ихъ нѣжнымъ сердцамъ, хотя въ дѣйствительной жизни были бы, конечно, равно неестественны и невозможны. Очень можетъ быть, что, въ концѣ концовъ, онѣ бы расплакались надъ ихъ судьбой, но на Марсѣ сильныя ощущенія не въ ходу.

— Что вы скажете обо всемъ этомъ, Гревзъ? спросилъ Гордонъ, когда по окончаніи послѣдняго акта опустилась занавѣсь, т. е., когда сцена со всѣми декораціями, актерами, tuti quanti, исчезла и замѣнилась прежней бѣлой стѣной.

— Чушь! отрѣзалъ Гревзъ. И въ сущности это была хотя

Digitized by Google

весьма короткая и вовсе не изящная, но самая вѣрная критика, какую можно было написать объ этой „исторической“ драмѣ.

Послѣ короткаго антракта, во время котораго разносили прохладительныя, была дана еще коротенькая пьеска изъ современной жизни марсовцевъ — уже совершенно идиллическаго содержанія. Одна изъ актрисъ въ этой пьесѣ была удивительно похожа на Миньонету, и это придало представленію въ глазахъ Дюрана интересъ, котораго безъ того оно, конечно, не имѣло бы. Сходство въ лицѣ, въ манерахъ, въ голосѣ было до того поразительное, что онъ навѣрно принялъ бы актрису за нее, еслибы не видѣлъ ее сидящею въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Но и тутъ онъ не былъ увѣренъ, что видитъ не ея отраженіе, вызванное однимъ изъ непостижимыхъ свѣтовыхъ и звуковыхъ приспособленій, которыхъ на Марсѣ было столько въ ходу.

Затѣмъ невидимый оркестръ сыгралъ пьесу, нѣсколько пѣвцовъ и пѣвицъ, видимыхъ въ туманѣ, какъ наканунѣ Миньонета, пропѣли хоръ, и представленіе кончилось. Остальная часть вечера была посвящена разговорамъ, какъ бываетъ у насъ на раутахъ. Танцевъ не было. Когда у профессора спросили—танцуютъ ли на Марсѣ, онъ отвѣчалъ, что ихъ молодые люди и дѣвушки ни за что не согласились бы начать кружиться или шаркать посреди залы; это показалось бы имъ такъ же не съ чѣмъ несообразно, какъ, напримѣръ, пойти въ лѣсъ, раздѣться тамъ донага, намазаться жиромъ и начать прыгать и кривляться, что, какъ извѣстно, продѣлываютъ на своихъ пирахъ дикари-людоѣды вокругъ костра, на которомъ варится на ужинъ человѣческое мясо. Взгляды профессора на общественныя увеселенія были, какъ можно видѣть изъ такого отвѣта, весьма передовые.

Передъ тѣмъ, какъ разойтись, марсовцы обступили земныхъ гостей, желая оказать имъ при прощаніи какъ можно болѣе любезности. — Покойной ночи! слышалось со всѣхъ сторонъ: почти всѣ они выучили это короткое привѣтствіе, чтобъ доставить пришельцамъ изъ другаго міра удовольствіе услышать на чуждой имъ планетѣ хоть нѣсколько словъ роднаго языка. Наконецъ всѣ разошлись. Макъ Грегоръ, пожелавъ профессору и его семейству покойной ночи, повелъ своихъ товарищей во флигель, приготовленный спеціально для нихъ.

— Пойдемте въ мою комнату! сказалъ онъ имъ: — нужно покурить передъ сномъ. Я совсѣмъ соскучился безъ табаку: здѣсь вѣдь никто не куритъ.

— А у васъ есть табакъ? спросилъ Гревзъ, весь просіявъ отъ этого предложенія.

Digitized by Google

— Есть — и трубки, и сигары.

— Гдѣ же Бернетъ? освѣдомился сэръ Джорджъ.

— Онъ ушелъ въ кабинетъ къ профессору и, вѣроятно, просидитъ тамъ всю ночь.

— Развѣ профессору не здоровится?

— Вотъ выдумали! развѣ на Марсѣ хвораютъ? Они просто хотятъ потолковать.

— Много они натолкуютъ: профессоръ знаетъ всего нѣсколько фразъ по англійски.

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ: развѣ вы не слышали: онъ говоритъ уже довольно бѣгло, а сегодня Бернетъ намѣренъ окончательно выучить его.

— Въ одну ночь?

— Увѣряетъ, что такъ. А профессоръ берется въ одну недѣлю выучить англійскому языку жену, сына и дочь.

— Понятливая окажется семейка, если это все осуществится на дѣлѣ! замѣтилъ Блэкъ, весело взглянувъ на Дюрана. Тотъ отвѣтилъ ему полуулыбкой. Подъ вліяніемъ душистыхъ сигаръ Макъ Грегора распря ихъ быстро улаживалась, но на бѣду Блэкъ неосторожнымъ замѣчаніемъ испортилъ все дѣло.

— А весело будетъ поболтать съ миссъ Миньонетой! воскликнулъ онъ со смѣхомъ. — Славная дѣвчурка!

Дюранъ гнѣвно сверкнулъ глазами, и лицо его стало чернѣе ночи. Макъ Грегоръ почуялъ, какъ говорится, въ воздухѣ грозу и со своимъ обычнымъ тактомъ поспѣшилъ дать разговору другой оборотъ.

— Славно тутъ насъ устроили! сказалъ онъ, указывая рукою на окружавшій ихъ комфортъ.—Я чувствую себя какъ дома. Въ Аляскѣ у насъ не было такого помѣщенія.

— Конечно, намъ тутъ очень удобно, согласился Блэкъ,— но скажите, Макъ Грегоръ, что мы будемъ дѣлать на Марсѣ? Не будемъ же мы бродить все время въ садахъ профессора.

— Не могу пока сказать вамъ ничего, отвѣчалъ Макъ Грегоръ.—Не могу даже сказать навѣрно—долго ли мы здѣсь пробудемъ. Все зависитъ отъ Бернета, а онъ еще не успѣлъ осмотрѣться.

— Что-жъ поживемъ, пока не присмотримся къ здѣшнимъ диковинкамъ, замѣтилъ Блэкъ беззаботно.—А диковинокъ тутъ немало: люди летаютъ надъ деревьями, пролетаютъ въ одну ночь шесть тысячъ миль. Миссъ Миньонета съ мамашей...

— Кстати, перебилъ его Макъ Грегоръ,—я имѣю сообщить вамъ кое-что интересное насчетъ...

— Насчетъ миссъ Миньонеты? перебилъ его Блэкъ въ свою очередь.—Скажите, скажите!

Замѣчательно, что имя Миньонеты произвело впечатлѣніе

Digitized by Google

на всѣхъ; даже на лицѣ сэра Джорджа появилось въ эту минуту такое выраженіе, какъ будто онъ забылъ, что былъ въ этотъ день недоволенъ своимъ обѣдомъ.

— Я хотѣлъ вамъ разсказать совсѣмъ не о ней, проговорилъ Макъ Грегоръ,—а о томъ, что произошло въ нашемъ присутствіи на континентѣ Секки...

— А ну его, этотъ континентъ Секки! съ живостью перебилъ его Блэкъ. — Тамъ такъ скверно, что и вспоминать о немъ не хочется. Разскажите лучше что нибудь о миссъ Миньонетѣ.

Дюранъ бросилъ на него свирѣпый взглядъ сквозь голубоватый дымъ своей сигары, которая почему-то вдругъ отчаянно задымила у него въ зубахъ.

— А васъ очень интересуетъ миссъ Миньонета? спросилъ Макъ Грегоръ въ свою очередь, пристально взглянувъ на него.

— Да... то есть нѣтъ... впрочемъ, что-жъ... Разскажите, что вы узнали о континентѣ Секки.

— Вы, вѣроятно, помните, началъ Макъ Грегоръ, игнорируя его смущеніе, — какой раздирающій звукъ, не то стонъ, не то вой, слышали мы тамъ.

— Какъ же, помню... Какъ не помнить, у насъ у всѣхъ тогда волосы дыбомъ стали отъ ужаса! сказалъ Блэкъ, обведя взглядомъ присутствовавшихъ, и всѣ—кто взглядомъ, кто жестомъ—дали ему знать, что согласны съ нимъ.

— Такъ вотъ, продолжалъ Макъ Грегоръ, — Бернетъ узналъ причину этого звука. Гдѣ-то невдалекѣ отъ насъ пролетѣлъ тогда воздушный корабль, одинъ изъ тѣхъ, что ходятъ здѣсь со скоростью тысячи миль въ часъ. Миссъ Миньонета воротилась прошлой ночью изъ гостей на такомъ кораблѣ.

— Господи помилуй! Что же это за корабли? какого они вида? Разскажите! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Ничего я тутъ не понимаю! отмахнулся рукой Макъ Грегоръ отъ вопросовъ. — Спросите Бернета—онъ разскажетъ, а я не берусь: вы знаете, подобныя штуки не по моей части.

— Ну, хорошо, мы потомъ спросимъ у него, сказалъ сэръ Джорджъ. — А что онъ еще успѣлъ узнать о здѣшнемъ диковинномъ мірѣ?

— Пока немного, отвѣчалъ Макъ Грегоръ, располагаясь удобнѣе на своей роскошной кушеткѣ и стряхивая пальцемъ пепелъ съ сигары, — но все-таки онъ узналъ кое что. Судя по всему, здѣсь живется славно. Во первыхъ, здѣсь работаютъ всѣ не больше двухъ часовъ въ день, стало быть особеннаго переутомленія не существуетъ. За послѣдніе годы населеніе на планетѣ не только не увеличивается чрезмѣрно, но даже

Digitized by Google

стало нѣсколько уменьшаться, поэтому эмиграціи нѣтъ. Вся планета составляетъ одну націю, говорящею однимъ языкомъ, значитъ, здѣсь дипломатическія внѣшнія затрудненія немыслимы. Вся нація управляется кодексомъ неизмѣняемыхъ законовъ, поэтому политиковъ здѣсь нѣтъ.

При этихъ словахъ Макъ Грегоръ лукаво взглянулъ на Блэка, тотъ съ досадой тряхнулъ своими густыми черными кудрями.

— Они управляются законами, говорите вы? спросилъ онъ. — А какое у нихъ правительство? Что оно дѣлаетъ?

— Почти ничего, отвѣчалъ Макъ Грегоръ. — О немъ въ сущности и говорить не стоитъ, такъ какъ ему дѣйствительно дѣлать почти нечего.

Блэкъ замѣтно упалъ духомъ, но для приличія постарался принять на себя равнодушный видъ.

— Такъ-то, любезнѣйшій! подтрунилъ надъ нимъ сэръ Джорджъ. — Значитъ, и вашей братіи политикамъ здѣсь дѣлать нечего. А каковъ у нихъ денежный рынокъ, не знаете, Макъ Грегоръ? Надѣюсь, у нихъ хорошая финансовая система.

— Ну, не знаю, отвѣчалъ небрежно Макъ Грегоръ. — Врядъ ли у нихъ есть какая нибудь система.

— Какъ не быть системѣ! изумился баронетъ. — А деньги?

— Въ томъ-то и дѣло, протянулъ Макъ Грегоръ, — что у нихъ, кажется, и деньги не въ употребленіи.

— Можетъ ли быть! вскричалъ финансистъ громовымъ голосомъ. — Здѣсь нѣтъ денегъ? Что же послѣ этого здѣсь за сторона... ха-ха-ха! Нѣтъ денегъ! Что-жъ у нихъ есть-то? Говорите, продолжайте, Макъ Грегоръ, интересно послушать.

— Да что продолжать-то, сказалъ Макъ Грегоръ. — Больше я и самъ пока ничего не знаю.

— Немного же вы узнали, вмѣшался Гревзъ, вытряхая пепелъ изъ своей трубки. — И вы даже такъ-таки и не знаете, долго ли мы здѣсь пробудемъ?

— Объ этомъ у насъ съ Бернетомъ былъ разговоръ только вскользь, отвѣчалъ Макъ Грегоръ.—Если не случится чего либо особеннаго, что заставитъ насъ удалиться отсюда въ самомъ непродолжительнокъ времени, то мы можемъ пробыть на Марсѣ годъ, т. е. въ сущности слишкомъ два года, такъ какъ здѣшній годъ равняется двумъ земнымъ годамъ съ чѣмъ-то, кажется, излишекъ составляетъ сорокъ или пятьдесятъ дней...

— Сорокъ три дня, поправилъ Гордонъ, заглянувъ въ свою записную книжку.

— Ну вотъ видите, я почти не ошибся. Если мы пробудемъ здѣсь все это время, мы употребимъ его на то, чтобы изучить планету. По прошествіи этого срока мы перепорхнемъ опять на землю и разскажемъ тамъ все, что знаемъ.

Digitized by Google

— Мнѣ нравится ваше выраженіе „перепорхнемъ“, улыбнулся Гревзъ.

— Въ это время, продолжалъ Макъ Грегоръ, — всѣ мы въ силу „неписанной конвенціи, которую мы подписали“, какъ сказалъ бы нашъ политикъ Блэкъ, — обязуемся трудиться по мѣрѣ силъ каждый по своему пути на пользу общую. Дюранъ будетъ изучать здѣшнюю литературу, Гревзъ — искусство, Блэкъ — законъ, сэръ Джорджъ — торговлю, Гордонъ будетъ вести дневникъ всему, что съ нами здѣсь случится. Бернетъ воспользуется дивными телескопами, какіе здѣсь имѣются, чтобы составить новую карту неба, а я, конечно, объѣду всю страну и изслѣдую ее отъ одного полюса до другаго.

— Долгонько же намъ придется здѣсь пробыть! замѣтилъ Гордонъ.

— И мнѣ этотъ срокъ кажется длинноватъ, согласился Макъ Грегоръ. — Но намъ или нужно будетъ улетѣть отсюда скорѣе, прежде, чѣмъ земля станетъ относительно Марса въ такое положеніе, въ которомъ нашъ возвратъ домой будетъ немыслимъ, или пробыть до тѣхъ поръ, пока это положеніе минуетъ. Другаго исхода нѣтъ—не летѣть же намъ на землю въ то время, когда она будетъ находиться по ту сторону солнца. Съ другой стороны не покинуть же намъ Марсъ не видавъ ничего, зачѣмъ же тогда мы и прилетали сюда?

— Соскучимся мы въ этой утопіи! замѣтилъ со вздохомъ сэръ Джорджъ. — Ну, скажите на милость, что дѣлать въ странѣ, гдѣ нѣтъ денегъ?

— Я и самъ боюсь, что намъ будетъ скучновато, согласился Макъ Грегоръ, — во первыхъ, изслѣдовать мнѣ ничего не придется: здѣсь, по всей вѣроятности, каждый уголокъ давно изслѣдованъ и описанъ. Ну, что дѣлать! промаячимъ какъ нибудь время.

— Ужасная будетъ тоска! проворчалъ Блэкъ съ недовольнымъ видомъ. — О томъ, чтобы сказать политическую рѣчь, и думать нечего, здѣсь и говорятъ-то больше минами. Постараюсь перенять у миссъ Миньонеты, какъ она строитъ свою мордочку, и начну самъ строить рожи передъ здѣшнимъ правительствомъ, чтобы показать ему, что оно никуда не годится.

Дюранъ не сказалъ ни слова. Провести два года на Марсѣ не казалось ему скучнымъ: онъ намѣтилъ себѣ на это время интересный предметъ для изслѣдованія — Миньонету.

Простившись съ товарищами, когда они разошлись по своимъ комнатамъ, Макъ Грегоръ раздѣлся не торопясь, улегся и, сладко зѣвнувъ на сонъ грядущій, подумалъ про себя: „Хорошо бы, воротясь отсюда, слетать на Юпитеръ! Что-то тамъ подѣлывается?“

Digitized by Google

ГЛАВА XIII
Городъ наслажденій

На другое утро Дюранъ всталъ рано. Ему все еще было неловко въ своемъ „доисторическомъ костюмѣ", какъ онъ называлъ свое европейское платье, но онъ рѣшился на дняхъ же побывать у одного изъ марсовскихъ портныхъ и заказать себѣ подходящую одежду. Надѣясь увидѣть Миньонету, онъ вышелъ на балконъ, но ея тамъ не было. Вмѣсто нея туда явился Блэкъ, тоже какъ будто украдкой. Оба раскланялись другъ съ другомъ, словно взаимно сконфуженные встрѣчей, и оба начали придумывать смѣшныя причины, чтобы объяснить свое присутствіе на балконѣ въ такой ранній часъ. Одинъ вспомнилъ, что онъ забылъ что-то, а другой забылъ, что ему слѣдовало вспомнить что-то.

— Я сейчасъ встрѣтилъ молодаго Профундиса, сказалъ Блэкъ, все еще не оправившись отъ смущенія, но очевидно желая перейти въ прежній дружескій тонъ.

— Онъ премилый мальчикъ, отвѣчалъ Дюранъ, также стараясь говорить какъ можно привѣтливѣе.

— Представьте, онъ ужъ говоритъ по англійски очень порядочно. Онъ просидѣлъ вчера ночь съ отцомъ и съ Бернетомъ и учился съ ними.

— Можетъ ли это быть? Значитъ, Макъ Грегоръ не шутилъ вчера, когда увѣрялъ, что Бернетъ взялся выучить профессора по англійски въ одну ночь.

— И не думалъ шутить! Не знаю—на сколько успѣлъ отецъ, а сынъ говоритъ теперь, какъ говорятъ у насъ иностранцы, проходившіе въ училищахъ курсъ англійскаго языка. Кстати, онъ сегодня повезетъ насъ на своей воздушной яхтѣ въ большой городъ недалеко отсюда. Мы отправляемся въ путь тотчасъ послѣ завтрака, а пока насъ не будетъ, профессоръ займется по англійски съ миссъ Миньонетой, такъ что къ нашему возвращенію и она, вѣроятно, будетъ знать столько же, сколько знаетъ ея братъ.

— Значитъ, мы сегодня же будемъ въ городѣ. Это интересно. А я слыхалъ, что намъ хотятъ устроить поѣздку туда только черезъ недѣлю.

— Макъ Грегоръ устроилъ это. Онъ всталъ сегодня еще раньше насъ съ вами и уговорилъ Бернета попросить профессора, чтобы онъ отправилъ насъ сегодня. Конечно, интересно будетъ прокатиться, но вы, можетъ быть, предпочли бы остаться и позаняться съ миссъ Миньонетой по англійски?

Digitized by Google

Какъ вы скажете, Дюранъ? Я, по крайней мѣрѣ, предпочелъ бы.

— Послушайте, Блэкъ! вспылилъ Дюранъ, — что вамъ за охота говорить мнѣ постоянно объ этой дѣвушкѣ? Ради Бога оставьте это, вы этимъ меня мучаете—скажу вамъ откровенно.

— Милѣйшій мой, я и говорю вамъ о ней именно затѣмъ, чтобы васъ помучить. Какъ видите, и я откровененъ.

— Согласитесь сами, это немножко жестоко съ вашей стороны.

— Можетъ быть, но вы того стоите. Вы какъ будто предъявляете права на нее словно на поземельную... тьфу, что это я! словно на личную собственность. Этихъ правъ я не признаю, потому и намѣренъ ихъ оспаривать.

— Однако, вы порядочный эгоистъ.

— На столько же, на сколько и вы.

— Послушайте, Блэкъ, объяснимся откровенно. Мы съ вами не лучше и не хуже другихъ, но скажите по совѣсти—стоимъ ли мы этой дѣвушки?

— Нѣтъ, ни одинъ изъ насъ ее не стоитъ! воскликнулъ Блэкъ съ живостью. — Она скорѣе ангелъ, чѣмъ женщина: на землѣ такихъ не найдешь.

— Такъ будемъ же благоразумны и не будемъ больше думать о ней. Вы правы—она ангелъ, она слишкомъ чиста для насъ обоихъ.

— Не обѣщаю вамъ не думать больше о ней, но обѣщаю вамъ не дразнить васъ больше ею. Дадимъ другъ другу страшную клятву ради спокойствія милой Миньонеты: я не буду съ ней кокетничать, а вы не будете за ней ухаживать. Говоря по совѣсти, это будетъ всего честнѣе съ нашей стороны.

— Согласенъ! воскликнулъ Дюранъ и крѣпко пожалъ протянутую ему руку Блэка. Такимъ образомъ дружескія отношенія, которыя нарушила была красота и привлекательность Миньонеты, были возстановлены ея чистотою.

Ни профессоръ, ни Бернетъ не вышли къ завтраку: они просидѣли до разсвѣта и только хотѣли разойтись, какъ пришелъ къ нимъ Макъ Грегоръ со своими просьбами насчетъ экскурсіи и еще задержалъ ихъ. Они легли когда совсѣмъ ужъ разсвѣло и нуждались въ отдыхѣ. Дамы также завтракали у себя въ комнатѣ, но молодой Профундисъ исполнялъ роль хозяина такъ хорошо, что ему позавидовалъ бы любой взрослый хлѣбосолъ на землѣ. Однако завтракъ кончился живо: всѣмъ хотѣлось скорѣе пуститься въ путь. Послѣ завтрака молодой хозяинъ, исполняя желаніе гостей, повелъ ихъ осматривать свою воздушную яхту. Кузовъ ея не уступалъ своими граціозными очертаніями самымъ красивымъ призовымъ судамъ нашихъ яхтъ-клубовъ, но отсутствіе мачтъ съ бѣлоснѣж-

Digitized by Google

ными парусами отнимало у нея всякую живописность; при устройствѣ ея, очевидно, имѣлась въ виду одна практичность, а не внѣшняя красота. Посрединѣ она была широка, затѣмъ постепенно суживалась съ обоихъ концовъ; и носъ, и корма ея равно кончались остріемъ. Въ сущности у ней не было ни носа, ни кормы, или, вѣрнѣе, корма могла служить носомъ, а носъ кормою, смотря по надобности. Затѣмъ устройство ея было таково, что она могла проходить только извѣстное разстояніе взадъ и впередъ по разъ намѣченной линіи, не уклоняясь ни на пядень въ сторону. Разстояніе ей доступное было отъ дома профессора до центральной станціи въ городѣ — ни шагу дальше.

Все было готово къ отъѣзду; не доставало только Бернета. Макъ Грегоръ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ, каждыя пять минутъ восклицая—что жъ онъ не идетъ? Мы потеряемъ тутъ весь день, дожидаясь его. Никогда еще онъ такъ не опаздывалъ!

Наконецъ появился Бернетъ. Рядомъ съ нимъ шелъ профессоръ, свободно разговаривая съ нимъ по англійски; онъ замѣтно былъ очень доволенъ вновь пріобрѣтенными имъ познаніями и весело поручилъ гостей сыну, прося его заботиться о ихъ удобствахъ и руководить ими такъ, чтобы они остались имъ довольны.

— Попросите его, чтобы онъ ѣхалъ тише, Бернетъ, сказалъ Макъ Грегоръ, когда всѣ заняли мѣста. — Намъ бы хотѣлось видѣть окрестности. А можетъ онъ ускорять и замедлять движеніе по своему произволу?

— Онъ можетъ летѣть съ какою пожелаетъ скоростью—отъ одной мили до тысячи въ часъ, отвѣчалъ Бернетъ.

— По моему одной мили въ часъ совершенно достаточно, вмѣшался Блэкъ, — тише ѣдешь дальше будешь!

— И попросите его, чтобы онъ ѣхалъ осторожнѣе, замѣтилъ благоразумный баронетъ. — Пожалуй ему вздумается летѣть на перегонку съ какой нибудь другой яхтой, а на встрѣчу попадется третья; произойдетъ столкновеніе и пиши пропало.

Молодой Профундисъ улыбнулся и хотѣлъ отвѣтить, но запнулся на первыхъ словахъ: онъ еще не освоился съ англійскимъ языкомъ на столько, чтобы говорить на немъ бѣгло. Бернетъ взялся отвѣчать за него.

— Столкновеніе невозможно, сказалъ онъ. — Каждая воздушная яхта имѣетъ свою путевую линію, къ которой никакая другая не имѣетъ права подойти ближе какъ на сто ярдовъ. Громадные воздушные корабли, звукъ отъ полета которыхъ такъ напугалъ насъ на континентѣ Секки, также имѣютъ свои пути: они никогда не сходятся другъ съ другомъ, никогда не

Digitized by Google

перерѣзываютъ рейсъ одинъ другому. Поэтому столкновенія на Марсѣ немыслимы.

— Развѣ на пути котораго нибудь изъ здѣшнихъ судовъ очутится экспромтомъ какое нибудь тѣло, подобное нашему стальному шару, замѣтилъ Макъ Грегоръ.

— Да, — согласился Бернетъ; — я теперь вижу, что это было одною изъ самыхъ страшныхъ опасностей на нашемъ пути.

Между тѣмъ яхта тронулась съ мѣста и начала медленно, плавно разсѣкать воздухъ. Вдругъ молодой Профундисъ всталъ и послалъ воздушный поцѣлуй по направленію къ дому.

— Посмотрите, Дюранъ, вонъ она стоитъ! шепнулъ Блэкъ.

Дѣйствительно на бѣломъ мраморѣ балкона ярко выдѣлялся алый съ золотомъ плащъ Миньонеты. Всѣ глаза обратились въ ту сторону; всѣ сняли шляпы и замахали ими. Подражая ихъ движеніямъ, Миньонета также сняла свою хорошенькую шапочку gris de perles и помахала ею, затѣмъ, склонившись надъ перилами въ удивительно граціозной позѣ, слѣдила взглядомъ за яхтой, пока она не скрылась изъ вида.

Какъ скоро домъ исчезъ изъ глазъ нашихъ путниковъ, молодой Профундисъ ускорилъ движеніе яхты до сорока миль въ часъ. При такой скорости можно было отлично наблюдать мѣстность. Области, надъ которыми они пролетали, могли назваться лучшими во всей обитаемой части Марса; онѣ занимали на планетѣ такое же положеніе, какое занимаетъ, напримѣръ, Англія въ Европѣ. Большая часть Лагранжскаго полуострова лежитъ между градусами южной широты, соотвѣтствующими тѣмъ градусамъ сѣверной широты на землѣ, между которыми лежатъ Британскіе острова. Тамъ обитаютъ правительственныя власти; ихъ немного, и должность ихъ очень легка. Нельзя сказать, чтобы лагранжское населеніе было болѣе цивилизовано или лучше образовано въ научномъ отношеніи, нежели населеніе въ прочихъ частяхъ — просвѣщеніе и научное образованіе распространены одинаково на всей планетѣ, но Лагранжъ занимаетъ на Марсѣ исключительное положеніе. Изъ этой области вышли во время оно воинскія полчища, которыя разлились по всей странѣ и покорили обитавшія въ разныхъ частяхъ ея варварскія племена, самое существованіе которыхъ было преградою прогресу. И когда лагранжскіе воины проложили своей жизнью и кровью путь первымъ колонистамъ, неблагодарнымъ, конечно, какъ всегда и вездѣ, изъ этой же провинціи вышли миссіонеры, купцы, механики, словомъ всѣ элементы прогреса, довершившіе нравственнымъ вліяніемъ дѣло завоеванія, начатое оружіемъ. Здѣсь завелись первые оружейные заводы; покоренныя племена покупали себѣ на нихъ усовершенствованное оружіе и, истребляя имъ другъ друга въ

Digitized by Google

своихъ междоусобныхъ распряхъ, пролагали тѣмъ путь и очищали мѣсто для болѣе доступныхъ прогресу элементовъ населенія. Завязалась торговля главнымъ образомъ мѣновая: за драгоцѣнные каменья купцы давали ножи, правда весьма плохаго, первобытнаго устройства, однако довольно удобные для того, чтобы ими можно было перерѣзать горло непріятелю; цѣлыя полосы плодоносной, но невоздѣланной земли шли въ обмѣнъ за нѣсколько мѣшковъ шелуховатыхъ овощей. Наконецъ въ Лагранжѣ завелись первыя школы; первые слабые лучи просвѣщенія были, какъ вездѣ, сначала вреднѣе для дикихъ племенъ, нежели власть, въ которой держали ихъ посредствомъ страха жрецы ихъ ложныхъ боговъ, но мало по малу свѣтлое вліяніе окрѣпло и взяло окончательный перевѣсъ надъ мракомъ. Такимъ образомъ Лагранжъ явился разсадникомъ марсовскаго просвѣщенія, и когда оно распространилось повсемѣстно, за этой областью осталось первенство, во всемъ признанное, правда, не уставами и граматами, а добровольнымъ голосомъ населенія, но все-таки признанное. Тамъ сосредоточились резиденціи правительственныхъ властей, храмы науки, искусствъ, художествъ, главные торговые, ремесленные и промышленные центры. Но все это сложилось, устроилось и существовало на совершенно особенныхъ началахъ, о которыхъ на землѣ не имѣютъ и понятія. Самый усидчивый трудъ не занимаетъ на Марсѣ болѣе трехъ часовъ; правительственный трудъ не изъятъ изъ этой нормы, поэтому вознагражденіе властямъ предоставляется въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ оно немыслимо на землѣ. То же можно сказать и о вознагражденіи за ремесленный трудъ. Торговля, безопасная отъ всякихъ колебаній въ цѣнахъ, отъ неурожаевъ, отъ крушеній кораблей на морѣ и поѣздовъ на сушѣ, а главное отъ иностранной конкуренціи — мы уже сказали, что населеніе планеты составляетъ одну націю—никакъ не можетъ идти въ параллель съ нашей страшной торговой игрой, богатой рискованными шансами, отважными спекуляторами, примѣрами быстрыхъ обогащеній и страшныхъ краховъ. Наука, литература и искусство, состоящія больше въ созерцательномъ изученіи прошлаго, могутъ показаться намъ, съ нашей точки зрѣнія, столь же мало нужными, какъ и правительство, которому почти никогда не приходится править, такъ какъ законодательство на планетѣ на столько совершенно, что новыхъ законовъ издавать не нужно, а старые приходится примѣнять развѣ разъ въ какіе нибудь сто лѣтъ. Замѣтимъ еще, что на Марсѣ нѣтъ ни военныхъ кораблей, ни тяжелыхъ орудій, ни солдатъ, ни матросовъ, ни полиціи, ни тюремъ, ни судовъ, ни скверныхъ адвокатовъ, какъ нѣтъ и хорошихъ, потому что въ ихъ искусствѣ никто

Digitized by Google

не нуждается, ни, наконецъ, (что звучитъ особенно дико для жителей земли) никакихъ налоговъ, ни пошлинъ, ни поборовъ, по крайней мѣрѣ, подневольныхъ: все, что нужно для поддержанія общественнаго строя въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ онъ удобенъ и выгоденъ для населенія, жертвуется добровольно.

Но мы далеко уклонились отъ разсказа. Все изложенное на послѣднихъ страницахъ стало извѣстно Макъ Грегору и его спутникамъ лишь долгое время спустя, а въ то время, на которомъ остановился нашъ разсказъ, они даже не задавались подобными вопросами: все вниманіе ихъ было поглощено чудной панорамой виднѣвшихся у нихъ подъ ногами ландшафтовъ. Отъ самыхъ горъ, у подножія одной изъ которыхъ стояла вилла Профундиса, до золотистозеленыхъ береговъ озера Маральди, разстилались виды одинъ другаго очаровательнѣе. Гревзъ почти все время не выпускалъ изъ рукъ карандаша, а Гордонъ долго писалъ безъ остановки, занося на свои таблички матеріалы для будущей статьи. Вдругъ онъ сложилъ книжку и, обращаясь къ Бернету, спросилъ:

— Не странно ли, м-ръ Бернетъ, что между тѣмъ какъ здѣсь, повидимому, такъ хорошо знакомы со всѣми примѣненіями электричества... вѣдь и воздушная яхта, на которой мы плывемъ, движется посредствомъ электричества...

— Она движется посредствомъ силы, въ составъ которой входитъ и электричество, отвѣчалъ Бернетъ.

— Ну вотъ видите — значитъ, оно здѣсь въ полномъ ходу, а между тѣмъ нигдѣ не видно ни телеграфныхъ, ни телефонныхъ проволокъ. Какимъ же образомъ была сыграна передъ нами драма, которую мы видѣли вчера вечеромъ? Вѣдь мы навѣрно видѣли, такъ сказать, только ея отраженіе, иначе какъ могла бы сцена со всѣми актерами исчезнуть такъ внезапно? Не можете ли вы узнать, гдѣ она была сыграна настоящимъ образомъ?

Бернетъ перекинулся нѣсколькими словами съ молодымъ Профундисомъ и отвѣчалъ:

— Она была сыграна вчера въ томъ самомъ городѣ, въ который мы плывемъ.

— Неужели спеціально для насъ?

— Конечно, нѣтъ.

— Значитъ для всего города?

— Для всей планеты. Возобновленіе этой драмы составляетъ эпоху въ здѣшнемъ театральномъ искусствѣ, поэтому она была дана въ главномъ театрѣ Марса. Вторая же піеса была представлена нѣсколько лѣтъ назадъ на одномъ любительскомъ спектаклѣ. Молодая дѣвушка, въ ней игравшая и поразительно похожая на дочь профессора...

Digitized by Google

— Мы всѣ готовы были думать, что это она сама, еслибъ не видѣли, что она сидитъ тутъ же, въ залѣ.

— Это была одна изъ ея кузинъ.

— Почему вы говорите была? спросилъ Дюранъ.

— Она умерла три года назадъ. Представленіе было фонографическое.

Слова эти произвели на всѣхъ непріятное впечатлѣніе, и сэръ Джорджъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Можетъ быть проволоки идутъ подъ землей, то бишь, подъ почвой, сказалъ онъ: — вѣдь это лучшая система. Если здѣсь еще до нея не додумались, то нужно будетъ ввести ее непремѣнно. Я составлю компанію на акціяхъ съ капиталомъ, положимъ, въ...

Говоря это, онъ было вынулъ изъ кармана свою чековую книжку, но Бернетъ нѣсколькими словами сразу охладилъ овладѣвавшій имъ финансовый пылъ.

— Напрасно будете трудиться, сэръ Джорджъ, сказалъ онъ. Проволочная система здѣсь отжила свой вѣкъ.

— Какъ такъ?

— Здѣсь считаютъ ее ребяческой выдумкой. Это, впрочемъ, не должно васъ удивлять: вѣдь и на землѣ ужъ начинаютъ поговаривать, что не худо было бы замѣнить ее чѣмъ нибудь другимъ.

Баронетъ печально спряталъ книжку опять въ карманъ.

— Чѣмъ же придумали здѣсь замѣнить ее? спросилъ онъ.

— На этотъ счетъ у меня пока есть еще одни теоретическія познанія. Завтра мнѣ покажутъ систему на практикѣ, и я пойму ее, отвѣчалъ Бернетъ съ тою, чуждою всякаго самохвальства, самою искренностью, которая давно уже перестала возбуждать удивленіе въ его друзьяхъ.

— Объясните намъ пока хоть теорію, сказалъ Блэкъ.

— Попытаюсь на сколько могу. Здѣсь устраиваются дополнительные механизмы, соотвѣтствующіе только одинъ другому, но можно устроить хоть пятьдесятъ или, скажемъ, пять тысячъ механизмовъ, соотвѣтствующіе одному или, вѣрнѣе, одинъ соотвѣтствующій пяти тысячамъ. Сообщеніе, зрительное или звуковое, бросается въ воздухъ, въ море, въ землю; въ данномъ пунктѣ, будь это хоть въ милѣ, хоть въ милліонѣ миль, разстоянія, его подхватываетъ соотвѣтствующая машина, которая можетъ — да будетъ мнѣ дозволено такъ выразиться — видѣть или слышать только то, что передастъ ей та машина, которой, такъ сказать, поручено сдѣлать сообщеніе: такимъ образомъ на вчерашнемъ представленіи присутствовало одновременно множество лицъ, отстоящихъ другъ отъ друга на нѣсколько тысячъ миль.

Digitized by Google

— Удивительно! воскликнули всѣ.

— Ничуть! горячо возразилъ Бернетъ. — Что тутъ удивительнаго, если нѣсколько машинъ на маленькомъ Марсѣ дѣйствуютъ согласно одна съ другою посредствомъ электрической или воздушной силы, способной подчинять себѣ всѣ вещественные предметы и даже невещественное пространство. Подумайте: та же сила способна передавать солнечный лучъ на разстояніи сотень милліоновъ миль со скоростью двухсотъ тысячъ миль въ секунду и передавать на такомъ же разстояніи, черезъ спектроскопъ, краски съ точно тою же живостью, съ какою онѣ были восприняты. Вотъ что удивительно! а марсовскіе телеграфы не болѣе какъ дѣтскія игрушки.

— Ну, для меня, признаюсь, и эти игрушки довольно удивительны! замѣтилъ Блэкъ.

Въ это время яхта уже приближалась къ окраинѣ города. Онъ былъ раскинутъ на огромномъ разстояніи, но странно — въ немъ вовсе не было предмѣстьевъ: многолюдные кварталы его начинались прямо тамъ, гдѣ кончалась сельская мѣстность; это можно было объяснить тѣмъ, что никому не удобно было селиться на окраинахъ. Въ сущности весь городъ имѣлъ характеръ огромной мастерской, но эта мастерская была въ высшей степени привлекательна. Время и разстояніе рѣшительно не имѣли значенія на Марсѣ. Молодой Профундисъ направилъ свою яхту на центральную станцію. Тамъ воздухъ буквально кишѣлъ воздушными судами всякаго рода. Красивыя маленькія яхты, удобные помѣстительные кораблики, громадные корабли приплывали и отплывали цѣлыми стаями, словно тучи саранчи, и все это двигалось въ стройномъ порядкѣ безъ всякаго шума, безъ стука пароходныхъ лопатъ, безъ визга винтовъ, безъ хлопанья парусовъ.

Выйдя изъ яхты, наши путешественники отправились осматривать городъ подъ руководствомъ молодаго марсовца, но смотрѣли, не понимая, какъ маленькія дѣти или какъ люди всю жизнь свою ходившіе во тьмѣ. Городъ наслажденій — таковъ былъ смыслъ названія столицы — былъ выше ихъ понятій. Они не могли постигнуть его настоящаго значенія, а могли только смутно дивиться его красотѣ и величію. Это величіе даже отчасти давило ихъ; многія особенности города казались имъ странными. Напримѣръ, въ городѣ не было улицъ, а были только широкіе бульвары, окаймленные цвѣтущими кустами; магазины были ни что иное, какъ обширныя кладовыя. Во всемъ городѣ не было ни одного окна. Нигдѣ не видать и не слыхать было ни рельсовыхъ поѣздовъ надземныхъ или подземныхъ, ни конокъ, ни извощиковъ, ни толкотни, ни — что всего лучше — брани и драки. Зато вездѣ видны были прекрасные

Digitized by Google

сады, окружавшіе дома, похожіе на виллы, обширные скверы напоминавшіе тѣнистыя рощи. Серьезные мужчины и красивыя женщины ходили и летали взадъ и впередъ не спѣша, распоряжаясь и наблюдая надъ работою въ мастерскихъ, въ театрахъ, въ читальняхъ, въ картинныхъ галлереяхъ и въ другихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Нужны были только распоряженіе и надзоръ: весь тяжелый трудъ, всѣ скучныя кропотливыя работы исполнялись покореннымъ гигантомъ, малютку-родственника котораго мы называемъ на землѣ электричествомъ. Этотъ благодѣтельный гигантъ работалъ безъ дымныхъ фабрикъ, безъ грязныхъ стучащихъ машинъ, безъ свиста паровозовъ и пароходовъ, безъ всѣхъ терзаній неизбѣжныхъ при нашей несовершенной земной цивилизаціи съ ея подпольной нуждой, грязью и пороками. Онъ работалъ весело, и труды его украшали страну. Дѣятельность его, благоразумно направленная обитателями планеты, довершала блага, расточаемыя ея чудной природой. Послушный гигантъ выработывалъ чудныя матеріи и доставлялъ ихъ потребителямъ черезъ воздушныя трубы на короткія разстоянія или посредствомъ воздушныхъ кораблей въ дальнія. Онъ создавалъ такую погоду, какая нравилась населенію, отапливалъ дома, варилъ пищу и подавалъ ее невидимо, не ворча и не толкаясь, подобно нашимъ лакеямъ въ бѣлыхъ перчаткахъ на прыщавыхъ рукахъ. Онъ тихо шепталъ нѣжныя рѣчи на ухо разлученнымъ любовникамъ и пѣлъ въ общественныхъ скверахъ голосомъ звучнымъ и громкимъ, какъ сотня инструментовъ. Онъ представлялъ какъ волшебствомъ панорамы далекихъ странъ, образы отсутствующихъ друзей и по желанію разсѣевалъ ихъ, какъ дымъ. Онъ соединялъ тѣснѣе живыхъ и возвращалъ живымъ оплакиваемыхъ ими умершихъ. Онъ былъ вездѣ и дѣлалъ все — безмолвный, но памятливый свидѣтель тому, что дни порабощенія человѣка труду миновали для Марса и что на этой счастливой планетѣ человѣкъ поработилъ себѣ трудъ.

Но не скоро стали понятны эти истины омраченному уму жителей земли: для ихъ недоумѣвающихъ душъ чудеса города наслажденій долго были закрытою книгою.

Окончаніе будетъ

Съ англійскаго **Ольга Павлова**

Digitized by Google

ВЪ НЕОБЪЯТНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Романъ

Роберта Кроми

ГЛАВА XXIV

Тысячелѣтіе

Прошло два мѣсяца мирной идиллической жизни для нашихъ путниковъ. Они скоро перестали дивиться всей окружающей ихъ чудной обстановкѣ. Въ первые дни и недѣли ихъ пребыванія на Марсѣ имъ пришлось видѣть столько диковинокъ, что умы у нихъ какъ будто отупѣли, и они равнодушно смотрѣли на многое, скажемъ болѣе—почти не замѣчали многаго того, что въ первое время поразило бы ихъ несказанно.

Большимъ счастіемъ для нихъ было то, что они сразу попали подъ руководство и покровительство человѣка такого свѣдущаго въ наукахъ, въ искусствахъ и въ литературѣ, какимъ былъ докторъ Профундисъ, иначе они не узнали и не поняли бы многаго, что теперь было для нихъ совершенно ясно. Итакъ, они вели мирную жизнь, окруженные всѣми чудными изобрѣтеніями матеріальной науки, но все-таки эта жизнь не удовлетворяла ихъ. Безпокойныя созданія неразвитой земли еще не достигли того полнаго развитія мозга и нервной системы, которая воспринимаетъ только то, что вполнѣ совершенно и вполнѣ истинно. Они еще всецѣло принадлежали періоду борьбы и не созрѣли еще для періода полнаго наслажденія, таящаго въ себѣ зачатокъ распаденія.

Сначала они ревностно изучали совершенно новую обстановку, въ которую попали, но мало по малу это рвеніе начало охладѣвать. Бернетъ съ утра до ночи корпѣлъ надъ астрономическими сочиненіями, изучалъ ихъ не какъ ученый, а какъ прилежный школьникъ, но часто отворачивался отъ нихъ съ отчаяніемъ: его изобрѣтательный духъ скорбѣлъ о томъ, что на

Digitized by Google

Марсѣ уже нечего изобрѣтать. Макъ Грегоръ безъ устали ходилъ по отлогимъ горнымъ скатамъ и предпринималъ далекія путешествія въ воздушныхъ корабляхъ, напрасно стараясь открыть на Марсѣ какую нибудь новую область. Съ каждой изъ своихъ экскурсій онъ возвращался все болѣе и болѣе разочарованный: на Марсѣ нечего было ни открывать, ни изслѣдовать. Дюранъ и Гревзъ проводили цѣлые дни безвыходно въ безконечныхъ художественныхъ галлереяхъ и публичныхъ библіотекахъ и совершенно падали духомъ передъ созданіями искусства, поражавшими ихъ своею безукоризненностью. Ни въ литературѣ, ни въ искусствахъ на Марсѣ нечего было совершенствовать. Сэръ Джорджъ Стерлингъ и Блэкъ часто пропадали безъ дѣла. Обширные финансовые проекты Баронета, стоившіе ему немало безсонныхъ ночей, положительно не находили примѣненія: безразсудные марсовцы даже не вѣрили въ необходимость наличныхъ денегъ, и биржи на Марсѣ давно уже не существовало. Что же касается до рьяныхъ рѣчей Блэка, со всѣми ихъ риторическими богатствами, пылкими обличеніями и язвительными сарказмами, то они могли назваться мертворожденными созданіями: произнести ихъ не было случая—на счастливомъ Марсѣ уже нѣсколько столѣтій какъ не было политики.

Зато Гордону было дѣла по уши. Онъ писалъ съ утра до ночи, описывая подробно каждый пролетавшій воздушный корабль, каждый красивый неизвѣстный на землѣ цвѣтокъ, каждое любопытное животное, каждую сладкогласную птичку, каждую красивую дѣвушку. Мягкій свѣтъ солнца, всегда теплый никогда знойный, нѣжныя сумерки, сверкающія звѣзды, въ особенности двѣ крошечныя марсовскія луны, Деимосъ и Фобосъ, которыя бѣгали и прыгали каждую ночь по темнолазоревымъ небесамъ, появляясь то на востокѣ, то на западѣ, то пропадая, то опять высвѣчивая, — все служило для него предметомъ анализа, все давало богатую пищу его перу.

По вечерамъ, послѣ того какъ профессоръ и его семейство уходили къ себѣ на покой, а уходили они почти всегда рано, Макъ Грегоръ обыкновенно собиралъ товарищей къ себѣ въ комнату—покурить и поболтать. Тамъ они на свободѣ обсуждали жизнь на Марсѣ и ея обитателей, и сужденія ихъ были не всегда благопріятны. Большая часть изъ нихъ находила, что на Марсѣ „тоска“.

— Замѣтили вы, — сказалъ однажды Блэкъ,—что съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали не было еще ни одного дождливаго дня? Климатъ здѣсь прелестный, но я удивляюсь, какъ они не чувствуютъ недостатка въ дождѣ!

— Дождь ужъ шелъ не разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, — отвѣчалъ Гревзъ.

Digitized by Google

— Я не видалъ ни капли.

— Понятно: дождь идетъ здѣсь всегда ночью.

Блэкъ поднялъ на него глаза съ удивленіемъ.

— Вы не шутите, Гревзъ?

— Нимало.

— Почему вы знаете, что дождь идетъ здѣсь только по ночамъ?

— Миссъ Миньонетта мнѣ сказала; я встрѣтилъ ее сегодня утромъ одѣтою очень франтовски: она была не въ своей обыкновенной сѣрой туникѣ, а въ бѣлой обшитой фіолетовымъ, и въ короткомъ аломъ плащѣ. Я спросилъ ее — неужели она никогда не боится, что дождь испортитъ ей платье. Она засмѣялась и сказала, что здѣсь никогда не бываетъ дождя иначе, какъ по ночамъ.

— Чушь! Она вѣрно подшутила надъ вами, она вѣдь прехитрая барышня.

— Она сказала сущую правду, — вмѣшался Бернетъ. — Посредствомъ могущественной машины, производящей въ воздухѣ электрическую пертурбацію, вся лишняя влага въ атмосферѣ стягивается по ночамъ внизъ въ видѣ дождевыхъ капель. Этимъ и объясняются густыя облака, которыя наши собственные астрономы замѣчали очень часто около Марса утромъ и вечеромъ.

— Надѣюсь, м-ръ Бернетъ, вы возьмете съ собой одну изъ такихъ машинъ, когда мы воротимся на землю. Тамъ во многихъ мѣстахъ очень нуждаются въ подобномъ механизмѣ.

— Намъ нѣтъ надобности брать съ собою такія машины, — отвѣчалъ Бернетъ со своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ. — Можно будетъ устроить ихъ на землѣ: конструкція ихъ очень проста.

— Ну, конечно, для васъ вѣдь все просто, — проворчалъ Блэкъ.

— Слушайте, Блэкъ, — сказалъ Макъ Грегоръ начальническимъ тономъ, — вы вѣдь, кажется, основательно изслѣдовали исполнительную власть на Марсѣ: сообщите-ка ваши наблюденія въ этомъ отношеніи.

— Ничего я въ здѣшнихъ порядкахъ не понимаю! — отвѣчалъ Блэкъ сердито.

— Перестаньте скромничать, Блэкъ, — шепнулъ ему сэръ Джорджъ. — И такъ ужъ Бернетъ одинъ стоитъ здѣсь на виду; нужно показать, что и мы не пѣшки. Проберите-ка здѣшнее правительство; это вамъ напомнитъ, какъ вы ратовали дома, въ Англіи.

— Какъ тутъ проберешь правительство, когда и правительства-то нѣтъ, — хмуро отвѣчалъ Блэкъ.

— Какъ нѣтъ?

— Ну, все равно нѣтъ собственно правительственной партіи.

Digitized by Google

— Такъ проберите ту партію, которая стоитъ всѣхъ усерднѣе за правительство.

— Не могу придраться ни къ чему! Что подѣлаешь съ такой прѣснятиной, какъ марсовское общество! У нихъ даже скачекъ нѣтъ, между тѣмъ они находятъ жизнь возможной и не только возможной, но и пріятной. Собаки здѣсь есть отличныя, а псовой охоты нѣтъ, и съ собаками они обходятся съ такой пощадой, какой на землѣ не всегда и люди дождутся, хотя здѣсь болонки и моськи не властвуютъ надъ людьми, какъ бываетъ иногда у насъ. Погоду марсовцы сами себѣ устраиваютъ, значитъ говорить о ней въ обществѣ уже не приходится, а темы для разговоровъ все-таки находятся; женщинамъ дарованы одинаковыя права съ мужчинами, и онѣ нисколько не хуже отъ этого. Высшія сословія держатъ себя безукоризненно и повидимому вполнѣ довольны своимъ положеніемъ; низшіе сословія сыты, обуты, одѣты прилично, и имъ какъ будто это нравится. Бѣдныхъ сословій здѣсь нѣтъ; здѣсь не вѣрятъ въ благодѣтельное вліяніе бѣдности, въ возвышающій элементъ нужды, въ очищающее дѣйствіе непосильнаго труда и жизненныхъ лишеній — словомъ, во всѣ тѣ принципы, въ непреложности которыхъ у насъ на землѣ такъ глубоко убѣждены богатые.

— Прекрасно, Блэкъ, я горжусь вами! — воскликнулъ Макъ Грегоръ громкимъ голосомъ, не боясь разбудить спавшихъ хозяевъ, чего, впрочемъ, не могло случиться, такъ какъ стѣны комнатъ были толстыя, а двери запирались плотно. — Продолжайте, продолжайте!

— Да, продолжайте, Блэкъ, — замѣтилъ Гордонъ. — Вы сегодня точь въ точь такой, какимъ я помню васъ въ Аляскѣ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Блэкъ, очевидно польщенный, хотя стараясь принять на себя равнодушный видъ. — Но я не могу продолжать, потому что не понимаю здѣшней системы — ея происхожденія и цѣлости, какъ сказалъ бы м-ръ Бернетъ.

— Въ чемъ же вы затрудняетесь, м-ръ Блэкъ? — съ участіемъ спросилъ ученый.

— Меня, повторяю, затрудняетъ вся система, — отвѣтилъ Блэкъ самоувѣреннымъ тономъ, какой рѣдко рѣшался принимать, говоря съ Бернетомъ. — Судите сами, — продолжалъ онъ горячо: — развѣ мы, обитатели земли, можемъ понять, что здѣсь творится? Тѣ, которые имѣютъ много, не стараются присвоить себѣ еще больше, у тѣхъ, которые имѣютъ мало, не отнимается послѣднее, какъ у насъ. А между тѣмъ они не стремятся сдѣлать чтобы почва или что бы то ни было собственностью на ей, не подчиняютъ все государственному контролю. Напротивъ, здѣсь каждый индивидумъ имѣетъ вѣсъ.

Digitized by Google

— Отлично, Блэкъ! — воскликнулъ Макъ Грегоръ, хлопнувъ политика по плечу. — Наконецъ-то мы доняли Бернета!

Но ученый, повидимому, далеко не считалъ себя „донятымъ“.

— Скажите, м-ръ Блэкъ, — спросилъ онъ, — признаете вы дѣйствіе марсовской системы удовлетворительнымъ?

— Въ результатахъ? конечно, — отвѣчалъ Блэкъ. — Но я не знаю—правильно ли будетъ сказать „дѣйствіе системы“, когда все здѣсь дѣлается какъ попало, наобумъ.

— Вотъ въ этомъ-то вы и ошибаетесь. Напротивъ, здѣсь ничего не дѣлается наобумъ.

— Вы такъ думаете?

— Увѣренъ.

— Докажите! — воскликнулъ Блэкъ, окончательно вошедшій въ азартъ.

— Извольте, — отвѣчалъ Бернетъ спокойно. — Безусловное совершенство марсовской системы состоитъ именно въ томъ, что она создана не теоретиками и не законодателями.

— А кѣмъ же?

— Прогресомъ.

— Ну, Бернетъ, не говорите загадками, — вмѣшался Макъ Грегоръ. — Не то вы опять собьете Блэка съ толку. Что вы хотите этимъ сказать?

— А вотъ что. Вы можете обезглавить тирана, перевѣшать шайку разбойниковъ, перестрѣлять десять тысячъ дикихъ съ цѣлью разрушить преграду къ племенному развитію. Но эти мѣры — можетъ быть и цѣлесообразныя — могутъ быть полезны только какъ ведущія къ истребленію элементовъ, враждебныхъ прогресу; самаго прогреса они не создадутъ никогда. Не бывало еще примѣра, чтобы городъ, даже уже находящійся на пути къ свободѣ и къ цивилизаціи, сдѣлалъ хоть шагъ впередъ въ этомъ направленіи въ силу того, что на его стѣнахъ было выставлено нѣсколько лишнихъ отрубленныхъ головъ. Подобныя отвратительныя трофеи составляютъ только инцидентъ на пути къ развитію, а никакъ не ускоряютъ его.

— Къ чему же вы все это клоните? — спросилъ Блэкъ, еще не понимая сущности аргументовъ противника, но уже инстинктивно чувствуя, что почва ускользаетъ у него подъ ногами.

— Я отношу это къ выводамъ земныхъ теоретиковъ и къ ихъ высокоумнымъ самообольщеніямъ, которые къ великому вашему горю на Марсѣ неизвѣстны.

— Я не вижу какимъ образомъ слова ваши могли бы относиться къ нимъ, — замѣтилъ Блэкъ рѣзко.

Прочіе слушали разговоръ съ большимъ интересомъ: рѣдкій изъ нихъ рѣшался спорить такимъ образомъ съ Бернетомъ.

Digitized by Google

— Постараюсь высказать мысль мою яснѣе, — продолжалъ ученый. — Ваши теоретики...

— Почему вы называете ихъ моими?

— Ну, словомъ, наши популярные теоретики, — поправился Бернетъ, — мечтаютъ создать образцовое общество изъ людей, большинство которыхъ далеко не можетъ назваться образцовымъ, и именно ихъ-то несовершенство и служитъ базисомъ для этихъ теорій. Они предлагаютъ разрушить систему, созданную спеціально съ цѣлью обуздывать вредныя вліянія, и создать на мѣсто ея другую, въ силу которой эти вліянія будутъ имѣть полную свободу. Но они забываютъ, что административная власть, на которую они возлагаютъ также отвѣтственность, зависитъ даже по смыслу собственной ихъ теоріи отъ желаній массы индивидумовъ. Этихъ же индивидумовъ они мечтаютъ обуздать, преобразовать, упорядочить и просвѣтить съ помощью властей, избранныхъ самими же индивидумами. Другими словами, они мечтаютъ построить великолѣпный замокъ и съ сообразительностью, вполнѣ соотвѣтствующею безразсудству ихъ теорій, начинаютъ съ того, что кладутъ верхній камень самой высокой башни зданія. Подобный планъ никогда не можетъ имѣть успѣха...

— Да, нечего сказать, весьма практическая архитектура! — вмѣшался Гревзъ.

— Я не думалъ дѣлать такого сравненія, — сказалъ Бернетъ, улыбаясь, — но какъ иллюстрація оно довольно удачно.

— Въ такомъ случаѣ вы, можетъ быть, соблаговолите объяснить, — возразилъ Блэкъ сердито: — почему марсовская система, основанная, я утверждаю, вся на случайностяхъ, дѣйствуетъ такъ хорошо.

— Я уже сказалъ, что она не причина, а именно слѣдствіе прогреса, того несомнѣннаго прогреса, котораго не могутъ не замѣчать ни умные люди, ни глупцы, хотя никто не въ состояніи объяснить — какимъ именно образомъ онъ совершился. Съ помощью его люди познаютъ, что мудро, что справедливо, что можетъ дать счастіе, и издаютъ благотворные законы съ цѣлью упрочить за собою блага, пріобрѣтенныя ими съ помощью этого познанія. Но они не повелѣваютъ указомъ людямъ быть мудрыми и счастливыми. Марсовцы начали съ того, что занялись просвѣщеніемъ ихъ индивидумовъ, они усовершенствовали самихъ себя, а просвѣщенная власть организовалась уже сама собою. Они начали строить свое зданіе не съ верхушки, а съ фундамента. Ихъ система соціальной экономіи не создалась въ одну ночь, не возникла изъ хаоса, оттого, что какой нибудь экспериментистъ-теоретикъ сказалъ: *„я такъ хочу“*, а выработывалась медленно, по мѣрѣ усвоенія ими прочныхъ истинъ.

Digitized by Google

— Обобщать-то легко, — возразилъ Блэкъ: — укажите факты, м-ръ Бернетъ.

— Это еще легче, и вы бы сами ихъ нашли, еслибы вникли въ мои доводы, но я приведу примѣръ. У марсовцевъ нѣтъ монетной системы, но есть мѣновая, нѣсколько напоминающая нашу кредитную систему.

— Ихъ систему и сравнить-то нельзя съ нашей, — презрительно замѣтилъ сэръ Джорджъ.

— За каждый матеріальный продуктъ, за каждый научный и ремесленный трудъ платится именно столько, сколько онъ того стоитъ, но марсовцы не работаютъ болѣе, чѣмъ нужно...

— Да, конечно, они не мучаютъ себя лишней работой.

— Зато они и не стараются заработать болѣе, нежели сколько нужно для ихъ пропитанія, и потому здѣсь никто, даже изъ числа менѣе одаренныхъ, не терпитъ нужды. Здѣсь нѣтъ безумнаго житейскаго водоворота, въ которомъ сильные топятъ слабыхъ. Есть почетныя степени, пріобрѣсти которыя старается всякій, но старается честно, не подставляя, какъ говорится, ножки другому. Когда же эти степени достигнуты, онѣ цѣнятся лишь на столько, на сколько онѣ даютъ право и возможность облегчать участь другихъ. Сильные здѣсь не стоятъ на дорогѣ слабымъ, не давятъ ихъ, а поддерживаютъ. Но эта поддержка составляетъ не право слабыхъ, а привилегію сильныхъ.

— Почему же мы не можемъ дѣлать того же и быть счастливыми, если это такъ просто?

— Мы не можемъ вообще потому, что это идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ общественнымъ строемъ, въ особенности же потому, что на землѣ еще не прекратилась, какъ на Марсѣ, борьба за существованіе.

— Блэкъ, Блэкъ, возражайте же! что замолчали! — воскликнулъ Макъ Грегоръ. — Вы начали споръ такъ славно...

— А кончить не умѣю, — сказалъ Блэкъ печально.

Бернетъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и пошелъ къ двери, но, не дойдя до нея нѣсколькихъ шаговъ, остановился, обернулся опять къ своимъ слушателямъ и сказалъ:

— Тѣ же фундаментальныя истины лежатъ въ основаніи всякаго развитія на Марсѣ. Правительство состоитъ изъ мудрѣйшихъ людей; они повелѣваютъ, а менѣе мудрые повинуются, но повинуются охотно, такъ что и повелѣвать-то ими мало приходится. Нравственность ихъ безукоризненна. Адъ человѣческихъ страстей здѣсь обузданъ и смиренъ. Каждый факторъ въ органической или неорганической жизни имѣетъ свое назначеніе и выполняетъ его всецѣло. Неудивительно поэтому, что ихъ соціальная экономія одинаково разнится и отъ

Digitized by Google

нашихъ реальныхъ жизненныхъ условій, и отъ теорій утопистовъ; она не безжалостное торжество сильнѣйшихъ духомъ или тѣломъ надъ слабѣйшими, не сатурналіи богатыхъ надъ бѣдными, но съ другой стороны и не рай лѣнивцевъ, не седьмое небо для подонковъ соціализма.

— Значитъ, идея искорененія административною властью всѣхъ золъ, удручающихъ человѣчество, не примѣнима?

— Разумѣется.

— А пытались ли примѣнить ее на Марсѣ?

— Конечно. Въ давнопрошедшіе вѣка, когда люди на Марсѣ стремились слѣпо, но благородно къ познанію истинъ, безумно увлекаемые непреодолимою силою прогреса, и въ отчаяніи молили, чтобы къ нимъ явился избавитель и спасъ ихъ отъ соціальной смерти, у нихъ народился извергъ, нѣкто въ родѣ нашего Франкенштейна, провластвовалъ надъ ними короткое время и исчезъ. Онъ, конечно, не могъ быть для нихъ истиннымъ избавителемъ; онъ былъ только созданіемъ искреннихъ, но близорукихъ поборниковъ правды, созданіемъ, не умѣвшимъ выполнить обязанности, на него возложенныя. Его правленіе можно было уподобить великану съ золотою головою и съ глиняными ногами; тѣмъ не менѣе оно составляетъ любопытную эпоху въ исторіи Марса. Я уже составилъ проектъ трактата о ней; думаю разработать его и издать, когда ворочусь на землю. Покойной ночи, господа, я пойду къ себѣ.

Съ этими словами онъ поклонился и вышелъ.

— А вы куда, Блэкъ? — спросилъ Макъ Грегоръ у политика, который направился вслѣдъ за нимъ.

— Я... я тоже пойду къ себѣ; мнѣ не здоровится, — отвѣчалъ Блэкъ и также вышелъ.

— Знавали ли вы когда нибудь человѣка, подобнаго Бернету, Макъ Грегоръ? — воскликнулъ сэръ Джорджъ. — Вотъ такъ головушка! Какъ мѣтко, какъ точно онъ опредѣлилъ марсовскую систему, словно она вся у него на ладони. Бѣдный Блэкъ совсѣмъ стушевался передъ нимъ.

— Ну, ужъ хороша система, — сказалъ Макъ Грегоръ; — мнѣ и думать-то о ней не хочется.

Никто не возразилъ; всѣ, кажется, раздѣляли его убѣжденіе.

Но если дѣйствительно подъ марсовскимъ солнцемъ и подъ марсовскими двумя лунами нельзя было ожидать ничего новаго; если матеріальныя и философскія науки были усовершенствованы тамъ уже много вѣковъ назадъ до того, что каждая сила природы была тамъ обращена на службу человѣку; если знаніе возрасло тамъ до того, что своимъ собственнымъ чрезмѣрнымъ развитіемъ сорвало завѣсу съ каждой тайны въ

Digitized by Google

безпредѣльной области неизслѣдованныхъ истинъ; если литература и искусство улучшались до того, что всякое дальнѣйшее улучшеніе сдѣлалось уже невозможнымъ; если соціальная экономія достигла такого идиллическаго совершенства, что не оставляла желать ничего болѣе; если вслѣдствіе всего этого жизнь на Марсѣ текла невозмутимо спокойно день за днемъ, то все-таки безпокойные обитатели могли бы найти въ этой безмятежной жизни, умѣй они только какъ слѣдуетъ присмотрѣться къ ней, многое, способное вознаградить ихъ за нѣкоторое однообразіе такого безусловнаго совершенства. Во первыхъ, на Марсѣ почти не было данныхъ къ горю и страданію, а причинъ къ безвременной смерти не было вовсе. Зловѣщему чудовищу болѣзни былъ навсегда преграждень доступъ туда стараніями вполнѣ развитой физіологической науки; люди покидали жизнь, какъ падаютъ съ вѣтки зрѣлые плоды, не терзаясь въ послѣднія минуты, что оставляютъ безъ призора близкихъ сердцу въ такое время, когда они еще нужны имъ, и не испытывая страданій неизбѣжныхъ для тѣхъ, чья душа покидаетъ тѣло прежде, чѣмъ природа произнесла свой приговоръ. Гнусный демонъ безпощадной войны былъ усмиренъ грознымъ мечомъ интеллектуальной силы, и ужасное зрѣлище, кровопролитныхъ битвъ и героевъ, увѣнчанныхъ лаврами, купленными цѣною человѣческихъ жизней, сдѣлалось достояніемъ далекаго прошлаго, почти легендой. Низкій духъ истощающаго, безплоднаго труда, съ подчиненными ему духами голода, униженія и моральной смерти, были закованы въ цѣпи могучею рукою нравственной отвѣтственности „всѣхъ за каждаго и каждаго за всѣхъ“, и на Марсѣ уже не было человѣческихъ существъ, которымъ приходилось бы завидовать участи безсловесныхъ животныхъ. Образованіе проникло въ мрачные притоны бѣдности и избавило даже наиболѣе смиренныхъ отъ уподобляющаго безсловеснымъ скотамъ невѣжества, научая ихъ самоуваженію и обуздывая ихъ низкія склонности вліяніемъ просвѣщенія. Сознаніе долга сломило ледяныя преграды, которыми окружалъ себя богачъ, и пріучило роскошествующихъ эпикурейцевъ покидать свои пышные дворцы, чтобы спѣшить на помощь нуждающейся братіи. Время и разстояніе были побѣждены научными открытіями, и на Марсѣ уже не было женщинъ и дѣтей, которыя, стоя на берегу моря, вглядывались бы съ отчаяніемъ въ покрытое тучами небо и прислушивались бы съ замираніемъ сердца къ грозному гулу бушующихъ волнъ съ мыслію, что можетъ быть въ эту самую минуту волны эти топятъ судно, на которомъ спѣшилъ къ нимъ обратно ихъ мужъ и отецъ. На счастливой планетѣ довольно было дня, чтобы перелетѣть отъ одного полюса до другаго, довольно секунды,

Digitized by Google

чтобы отвести душу, увидавъ черты и услышавъ голосъ дорогаго человѣка, хотя бы этотъ человѣкъ находился на разстояніи многихъ тысячъ миль.

Все, что было дорого людямъ, родившимся въ тотъ вѣкъ, когда торжество и первенство служатъ единственною наградою, давно уже не существовало. Мы говоримъ, конечно, о томъ первенствѣ, которое въ первое время только возникающей соціальной жизни служитъ единственной оградой, единственной гарантіей за существованіе, о торжествѣ государственнаго дѣятеля, воина, капиталиста, о первенствѣ въ коллегіи, на сценѣ, въ мастерской, въ свѣтскомъ кругу, о торжествѣ великаго надъ малымъ, сильнѣйшаго надъ слабѣйшимъ, о борьбѣ, въ которой отважный буянъ выигрываетъ дѣло, а слабосильный смирнякъ прижимается къ стѣнѣ, будь этотъ смирнякъ нація, человѣкъ или метеоръ, менѣе объемистый, нежели тотъ, который долженъ рано или поздно поглотить его. Все бѣшеное упоеніе безжалостной побѣды, всѣ дикіе вопли пораженія, словомъ, все дорогое сердцу человѣка - борца давно уже затихло и замолкло на Марсѣ. Милліоны лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ, подобно прочимъ роковымъ пришельцамъ изъ неизвѣданной и міровой бездны, вылетѣлъ съ громомъ и молніей изъ среды обломковъ, разбросанныхъ на разстояніи многихъ тысячъ милліоновъ миль безмолвнаго, туманнаго пространства. Рожденный посреди борьбы десяти тысячъ завывающихъ ураганов, это дитя матеріи было брошено съ быстротою вихря на предназначенный ему путь; и безчисленные доны видѣли, какъ оно переживало всѣ свои стадіи, начиная съ пылающей молодости до чинной зрѣлости, давшей ему возможность плавно совершать изъ вѣка въ вѣкъ свой путь, не страшась толпы небесныхъ тѣлъ, которыя рыщутъ въ пространствѣ, простирая руки и пожирая неосторожныхъ путниковъ съ ненасытною алчностью своего вѣчнаго голода.

Подобно самой планетѣ пережило безчисленныя стадіи и ея населеніе, наслаждающееся теперь такою мирною жизнію на ея зеленыхъ горахъ и въ ея цвѣтущихъ долинахъ. Оно пережило пору варварскаго, безжалостнаго дѣтства, горькій періодъ борющагося и голодающаго отрочества, алчущей и жаждущей юности и наконецъ достигло эпохи кратковременнаго счастья и наслажденія плодами непрестаннаго вѣковаго усовершенствованія. Вслѣдъ за дикими порывами горя и бурными радостями пробуждающагося хотѣнья наступили испытанія мужественной борьбы, а за нею настало время созерцательнаго счастія въ сознаніи достигнутой цѣли. Нестройныя и разрушающія вліянія перестали терзать обитателей Марса, а всѣ труждавшіеся и обремененные между ними давно уже обрѣли покой.

Digitized by Google

ГЛАВА XV

Выборъ профессора

Миньонета быстро успѣвала въ изученіи языка пришельцевъ. Конечно, она не схватила его сразу, налету, какъ это сдѣлалъ профессоръ, но этого трудно было и ожидать. Все-таки она живо усвоила его себѣ на столько, что могла вести обыкновенную бесѣду; но ей захотѣлось большаго: ей вздумалось перевоспитать себя на англійскій ладъ. Въ помощники себѣ къ достиженію этой цѣли она выбрала Блэка и Дюрана, и они съ радостью предложили ей свои услуги. Поэтому оба часто были съ нею вмѣстѣ, и оба добросовѣстно старались выполнить заключенное между собою условіе. Блэкъ строго воздерживался отъ малѣйшей попытки пококетничать, и Дюранъ тоже не позволялъ себѣ ухаживать — до времени.

Вначалѣ, пока ей приходилось преодолѣвать первыя трудности языка, произношеніе и тому подобное, она охотнѣе занималась съ Блэкомъ: онъ нравился ей своею терпѣливостью и постоянно ровнымъ, веселымъ расположеніемъ. Но когда она сдѣлала успѣхи на столько, что уже могла понимать красоты англійской литературы, Дюранъ, чувствуя себя на своей почвѣ, быстро пошелъ въ гору въ ея мнѣніи. Блэкъ, видя себя отодвинутымъ на задній планъ, съ горя занялся съ ея хорошенькой подругой, Дэзи, которая хотя далеко не была такъ даровита какъ Миньонета, но все-таки выучилась произносить очень мило нѣкоторыя фразы, по большей части сантиментальнаго содержанія. Другая подруга дочери профессора, тоже видная, красивая дѣвушка, большая любительница художествъ, начала изучать подъ руководствомъ Гревза рисованіе на такихъ началахъ, какъ оно преподается на землѣ. Отцы и матери дѣвушекъ, повидимому, не обращали вниманія на эти занятія: имъ, очевидно, и въ голову не приходило, чтобы изъ этого могло выйти что нибудь дурное. Какъ не сказать послѣ этого, что марсовцы — странный народъ!

Наконецъ, дошло до того, что дѣвушки захотѣли поближе познакомиться съ земной литературой и съ земнымъ художествомъ и попросили Дюрана дать имъ книгъ для чтенія, а Гревза показать имъ свой портфель съ рисунками. Тогда докторъ Профундисъ вмѣшался въ дѣло. Онъ былъ человѣкъ серьезный, всегда любезный и вѣжливый, но обладавшій такою твердостью характера, которая невольно внушала уваженіе. Дѣвушки высказали свою просьбу, причемъ и онъ замѣтилъ, какъ Дюранъ и Гревзъ переглянулись съ недоумѣніемъ. Вы-

Digitized by Google

ждавъ удобную минуту, онъ отвелъ ихъ обоихъ въ сторону и, извинившись передъ ними, что намѣренъ обратиться къ нимъ съ просьбою, которая можетъ быть покажется имъ непріятною, сказалъ вѣжливо:

— Господа, я слышалъ о чемъ просили васъ дочь моя и ея подруги. Какъ ни непріятно мнѣ, но я долженъ вмѣшаться въ это дѣло. Я прочиталъ многія изъ книгъ, которыя вы имѣли любезность одолжить мнѣ, м-ръ Дюранъ. Я сдѣлалъ это ради того, чтобы глубже проникнуть въ сущность вашего языка, но, признаюсь вамъ, это чтеніе не доставило мнѣ ни малѣйшаго удовольствія; то же могу сказать я и о вашихъ рисункахъ, м-ръ Гревзъ, которые внимательно пересмотрѣлъ я съ цѣлью получить вѣрное понятіе о томъ, какъ стоятъ художества на землѣ. Я буду очень радъ, если и наши дѣвицы обстоятельно познакомятся съ вашей литературой и съ вашими искусствами, и буду очень благодаренъ, если вы имъ въ томъ поможете...

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! воскликнули разомъ Дюранъ и Гревзъ.

— Благодарю васъ, но...

Профессоръ пріостановился. При всей его твердости ему трудно было высказаться: его мучило опасеніе оскорбить своихъ гостей. Но глаза его встрѣтились съ глазами его жены, въ которыхъ онъ ясно прочелъ выраженіе спокойной, но строгой, непоколебимой рѣшимости. Этотъ взглядъ придалъ ему бодрости, и онъ продолжалъ съ усиліемъ, но довольно твердымъ голосомъ:

— Но... я попрошу васъ показать мнѣ прежде все, что вы дадите имъ.

— О, конечно, сэръ! поспѣшно отвѣтилъ Гревзъ.

— Можете быть увѣрены, что мы не дадимъ имъ ничего безъ вашего позволенія, сказалъ вспыльчивый Дюранъ, съ трудомъ сдерживаясь на столько, чтобы говорить спокойно.

Профессоръ замѣтилъ его волненіе и, конечно, угадалъ причину. Достойному старику было неловко, но нравственный долгъ ставится на Марсѣ выше всего, даже выше учтивости, и онъ продолжалъ, стараясь говорить какъ можно мягче:

— Боюсь, что вы найдете мою просьбу странною, господа. Дѣйствительно на Марсѣ подобный контроль вовсе не въ ходу, но въ нашей литературѣ онъ и не нуженъ. Къ сожалѣнію, такую свободу чтенія нельзя, по моему мнѣнію, допустить въ вашей земной литературѣ. Въ ея высшихъ и наиболѣе реалистическихъ областяхъ,—мнѣ странно, что вы употребляете въ этомъ отношеніи слово „высшій“, по моему слѣдовало бы сказать совершенно наоборотъ,—она слишкомъ... сильна для молодаго, особенно женскаго, ума. Въ ней какъ бы обоготворяются

Digitized by Google

самыя элементарныя функціи органической жизни; это слишкомъ большая уступка чувственности и, по моему, просто не умно. Преобладающее въ ней стремленіе передавать какъ можно рельефнѣе темныя стороны жизни наводитъ не только отвращеніе, но и глубокую грусть. Ваши писатели реалистическаго характера (при этихъ словахъ Дюранъ окончательно нахмурился: его произведенія всѣ носили болѣе или менѣе отпечатокъ реализма), кажется, воображаютъ, что достигли высокаго умственнаго торжества, если имъ удалось подмѣтить и описать какой нибудь порокъ или какую нибудь слабость до сихъ поръ не подмѣченную и неописанную, что же касается до вашего художества, то... но объ этомъ я поговорю съ вами послѣ, теперь боюсь вамъ наскучить.

Никто не отвѣчалъ ему. Наступила неловкая пауза. Дюранъ перебиралъ въ умѣ заглавія книгъ, захваченныхъ имъ съ собою съ земли.

— Право не знаю, что бы я могъ предложить вашимъ дѣвицамъ, сказалъ онъ наконецъ.—У меня есть разсужденіе Рёскина „О женщинахъ...“

Профессоръ снисходительно улыбнулся.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ; я — видѣлъ у васъ эту книгу и бѣгло ознакомился съ ея содержаніемъ. Понимаю—почему вы упомянули о ней первой. Авторъ, очевидно, человѣкъ чистой нравственности, но — извините, м-ръ Дюранъ — наши дѣвушки слишкомъ умны для того, чтобы эта книга могла имъ понравиться.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Дюранъ смѣшавшись, — укажите мнѣ сами, что бы я могъ предложить имъ. Вы знакомы съ содержаніемъ моей библіотеки — выбирайте.

Профессоръ принялся выбирать и оказался весьма строгимъ критикомъ. Между прочимъ онъ нашелъ, что у Вальтеръ-Скотта слишкомъ много описаній кровопролитія, у Теннисона черезчуръ много сладости, а у Теккерея горечи; Эліота онъ назвалъ скучнымъ, Гюго вреднымъ и подчасъ безсмысленнымъ, Дюма пустомелей, Толстаго — грубымъ, а Золя положительно грязнымъ.

— Кромѣ того, сказалъ онъ наконецъ,—я долженъ еще замѣтить, что недостаточно устранять при выборѣ чтенія для молодыхъ умовъ все, способное принести имъ вредъ: нужно еще, чтобы книга, имъ предлагаемая, принесла имъ пользу, которая вознаградила бы ихъ за трату времени, необходимаго на то, чтобы ее прочесть. У меня теперь въ рукахъ — это было любимое выраженіе Бернета, и профессоръ живо перенялъ его — экземпляръ труда, безъ сомнѣнія представляющаго глубокій интересъ въ археологическомъ отношеніи. Я нашелъ его между

Digitized by Google

вашими книгами, м-ръ. Гревзъ. Для дѣвицъ эта книга покажется скучною, но по своей глубокой древности она составляетъ большую литературную рѣдкость. Вотъ она; вѣроятно ее нашли гдѣ нибудь въ вашихъ египетскихъ пирамидахъ?

— Нѣтъ, сказалъ Гревзъ, бѣгло взглянувъ на книгу:—это сборникъ Макъ-Милана; онъ вышелъ въ свѣтъ незадолго до того, какъ мы пустились сюда.

— Неужели! воскликнулъ профессоръ, въ замѣшательствѣ поправляя очки; — извините, я не хотѣлъ сказать вамъ ничего непріятнаго. Не понимаю даже, какъ я могъ такъ глупо ошибиться... Ну, что же вы дадите нашимъ дѣвочкамъ?

Дюранъ пустилъ въ ходъ свою послѣднюю карту.

— У меня есть, сказалъ онъ,—небольшая вещица Броунинга.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ профессоръ.—Это я возьму съ удовольствіемъ.

— А я, сказалъ Гревзъ, искренно желавшій, чтобы всѣ „этюды" изъ его портфеля, скомпанованные имъ со всею свободою сюжета, какую только можно найти у древнихъ и у новыхъ художниковъ, очутились на днѣ озера Маральди. Я могу предложить вамъ нѣсколько копій съ пейзажей и морскихъ видовъ Тернера.

— Буду весьма благодаренъ, отвѣтилъ профессоръ съ живостью.

— А я вмѣшался Блэкъ, который тоже подошелъ къ нимъ и уже нѣсколько минутъ былъ безмолвнымъ слушателемъ ихъ разговора,—могу ссудить васъ вещью, какой навѣрно не найдется у этихъ господъ: у меня есть одна изъ рѣчей Гладстона, изданная отдѣльною брошюрою.

— О! сэръ, сказалъ профессоръ чуть не съ энтузіазмомъ;— я поистинѣ буду у васъ въ долгу.

Книга, картины и брошюра были живо принесены и вручены профессору, который принялъ ихъ съ благодарностью, въ искренности которой сомнѣваться было невозможно.

— Джентльмэны, сказалъ онъ;—мы никогда или почти никогда не отказываемъ нашимъ дѣтямъ ни въ чемъ, но, признаюсь, необдуманная просьба моей дочери поставила меня въ немалое затрудненіе. Вы меня выручили; благодарю васъ за вашъ благородный поступокъ.

Съ этими словами онъ—свернулъ въ трубку все ему врученное и повернулся, чтобы идти. Блэкъ увѣрялъ впослѣдствіи, будто онъ лукаво подмигнулъ однимъ глазомъ, но это было невѣроятно. Тѣмъ не менѣе, подойдя къ дверямъ, старикъ обернулся и прибавилъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ въ голосѣ:

— Поэма Броунинга, картины Тернера и рѣчь Гладстона!

Digitized by Google

Наши дѣвушки очень умны, джентльмэны, говорю вамъ это прямо. Но если онѣ извлекутъ изъ всего этого, что нибудь... что нибудь для нихъ неподходящее, я, признаюсь, буду очень удивленъ, а вы знаете—удивленіе считается на Марсѣ впечатлѣніемъ, достойнымъ варварскихъ временъ.

Сказавъ это, онъ вышелъ, и Блэку послышалось, будто за дверями раздался его тихій, сдержанный, словно воздушный, смѣхъ.

Впослѣдствіи Миньонета, оставшись наединѣ съ Дюраномъ, побранила его:

— Для чего вы прислали мнѣ эту прѣсную поэму, сказала она.—Я ожидала, что вы дадите мнѣ одинъ изъ интересныхъ романовъ, содержаніе которыхъ вы мнѣ разсказывали.

„Съ благоразумными сокращеніями", подумалъ Дюранъ про себя и отвѣчалъ вслухъ. — Это не моя вина. Профессоръ не любитъ нашихъ книгъ и... и находитъ, что вамъ лучше не читать ихъ. Я одолжу ихъ вашему брату.

— И отлично! Въ такомъ случаѣ и я прочту ихъ: я читаю все, что читаетъ братъ.

Дюранъ посмотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ.

— Развѣ мнѣ нельзя ихъ читать? спросила она съ удивленіемъ.—Ну, что-жъ, если я сама ихъ не прочту, онъ разскажетъ мнѣ все, что въ нихъ есть.

— Я постараюсь, чтобъ онъ вамъ не разсказывалъ! воскликнулъ Дюранъ рѣшительно.

— Вы постараетесь? Послушайте, м-ръ Дюранъ, вы поступаете со мной такъ самовластно, какъ у насъ мужчины не поступаютъ съ женщинами.

При этихъ словахъ голубые глаза Миньонеты затуманились; въ нихъ отразилась не то досада, а скорѣе грусть. Дюранъ ей нравился и ей было непріятно, когда онъ дѣлалъ что нибудь несовмѣстное съ обычаями, господствовавшими на ея мирной планетѣ.

— Въ такомъ случаѣ я лучше не дамъ ихъ ему, сказалъ онъ, не зная, какъ ему и быть, и хватаясь за этотъ послѣдній доводъ, какъ за соломинку.

— Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга, сказала она холодно. — Я еще не привыкла къ вашимъ манерамъ, и мы только огорчаемъ одинъ другаго. Я лучше уйду.

Съ этими словами она встала и хотѣла уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ, Миньонета, не уходите! вскричалъ онъ съ живостью. — Побудьте со мной; я разскажу вамъ все, что вы захотите слушать. Побудьте со мной немножко!

— Странный вы человѣкъ, сказала она, улыбаясь:—какъ вы легко волнуетесь. Мы никогда такъ не волнуемся. Конечно, я

Digitized by Google

не уйду, если вы не хотите. Я не могу видѣть, когда вы огорчаетесь.

— О! Миньонета, воскликнулъ Дюранъ,—въ вашемъ до одуренія однообразномъ мірѣ вы не умѣете чувствовать!

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, возразила Миньонета, придавъ своему хорошенькому личику глубокомысленное выраженіе. — Мы не умѣемъ только одного — страдать.

— Если вы не умѣете страдать, значитъ, вы не знаете истиннаго счастія.

— Ну, право же вы чудакъ, проговорила Миньонета въ недоумѣніи.—Какія вы странныя вещи говорите: человѣку, по вашему, нужно узнать горе для того, чтобъ быть счастливымъ. Я васъ не понимаю. Неужели вы правду говорите?

— Вы не совсѣмъ понимаете меня, сказалъ Дюранъ улыбаясь. — Лучше оставимъ этотъ разговоръ.

— Хорошо. Разскажите мнѣ что нибудь о вашей землѣ; вы давно мнѣ обѣщали. Сядьте вотъ здѣсь, возлѣ меня.

Говоря это, дѣвушка поставила Дюрану стулъ — учтивость между мужчинами и женщинами на Марсѣ взаимная — и сама сѣла возлѣ него на великолѣпно задрапированную кушетку.

— Повернитесь ко мнѣ такъ, чтобъ я могла видѣть ваше лицо, сказала она,—и говорите, а я буду слушать. Вы знаете, я вѣдь очень любопытна.

„Хорошо, что на Марсѣ женщины сохранили хоть это земное свойство нашихъ барынь“, подумалъ Дюранъ и послушно усѣлся возлѣ нея. День клонился къ вечеру; наступали странныя, мягкія марсовскія сумерки. Лучъ заходящаго солнца, пробиваясь сквозь цвѣтное стекло, освѣщалъ лицо говорившаго, черезъ что выдѣлялось еще яснѣе каждое впечатлѣніе, мелькавшее въ его выразительныхъ чертахъ; какъ не похоже было его лицо на спокойныя лица марсовцевъ! По временамъ оно принимало выраженіе суровое, даже жестокое, но зато какою нѣжностью дышало оно, когда онъ описывалъ земную любовь, съ какимъ сочувствіемъ передавалъ безконечную повѣсть земныхъ скорбей, какой отвагой, когда разсказывалъ о земныхъ кровопролитныхъ войнахъ, о борьбѣ націй на жизнь и на смерть. О! Миньонета, не смотри съ такимъ восторгомъ на это лицо. Оно научитъ тебя единственному, чего ты не умѣешь — оно научитъ тебя страдать.

Черезъ открытое окно доносилось въ комнату щебетаніе птичекъ. Сумерки сгущались, въ комнатѣ темнѣло все болѣе и болѣе, а онъ все говорилъ. Дѣвушка слушала его, затаивъ дыханіе, съ удивленіемъ, доходившимъ до благоговѣнія. Передъ ней былъ ораторъ, только что прибывшій съ романической арены битвъ, давно уже ставшихъ для Марса достояніемъ

Digitized by Google

легендарнаго прошлаго. Передъ нею былъ дѣятель, описывающій ей тамъ происходившее съ энергіею, присущею только тому, кто самъ участвовалъ въ этихъ битвахъ съ оружіемъ въ рукахъ. Для Миньонеты этотъ воинъ изъ вѣка борьбы былъ такъ же интересенъ, какъ былъ бы для насъ какой нибудь викингъ или миннезингеръ, еслибъ онъ вдругъ вышелъ изъ своей забытой могилы, облекся въ плоть и кровь и запѣлъ свою пѣсню или сталъ разсказывать намъ свои подвиги. Скажемъ болѣе: онъ былъ даже еще интереснѣе. Подобно великому англійскому поэту онъ имѣлъ даръ передавать въ пламенныхъ словахъ событія героической эпохи, обладая замѣчательною граціею рѣчи, умѣлъ выбирать для своихъ разсказовъ темы наиболѣе привлекательныя для той, чье чистое сердце содрогалось отъ восторга, внимая его словамъ.

Въ то время, какъ они сидѣли вмѣстѣ, бесѣдуя такимъ образомъ, богатыя драпри въ дверяхъ одной изъ смежныхъ комнатъ раздвинулись и вошелъ молодой человѣкъ, съ которымъ Миньонета была обручена. Его шаговъ не было слышно по мягкому ковру. Они не замѣтили его. Онъ постоялъ нѣсколько минутъ, глядя на нихъ, и лицо его измѣнилось: съ него слетѣло выраженіе безмятежнаго счастія, свойственнаго всѣмъ марсовцамъ. Но онъ не вмѣшался въ ихъ бесѣду и, съ грустію опустивъ голову, удалился также незамѣтно, какъ и вошелъ.

Когда, наконецъ, Дюранъ кончилъ говорить, Миньонета глубоко вздохнула.

— Все, что вы говорили, очень интересно, сказала она,—о! да, очень, очень интересно, но какъ грустно, какъ страшно, невыразимо грустно! Мы слишкомъ долго засидѣлись; ваши разсказы такъ завлекли меня. Дайте мнѣ еще разъ посмотрѣть на васъ, хотя здѣсь почти темно. Вы теперь совсѣмъ не кажетесь сердитымъ. А знаете ли, вѣдь вы право прехорошенькій.

На это Дюранъ не нашелся ничего отвѣтить: простодушная, чисто марсовская, откровенность Миньонеты смутила его несказанно.

— Я увѣрена, что вы не жестоки, продолжала она,—хотя вы такой высокой и сильный. Я бы хотѣла, чтобы и наши мужчины были такіе же высокіе и сильные.

— Ваши мужчины лучше насъ, замѣтилъ Дюранъ.

— Это правда, простодушно согласилась Миньонета.—Я бы не хотѣла, чтобъ они были такъ страшно эгоистичны, какъ вы, земные люди, но я бы желала, чтобы они были интереснѣе. Странно, прибавила она въ раздумьи,—отчего я прежде не замѣчала, что они неинтересны?

Digitized by Google

— Не говорите такъ громко, моя дорогая. На балконѣ, недалеко отъ окна, у котораго мы сидимъ, стоитъ м-ръ Блэкъ.

— М-ръ Блэкъ? такъ что же? отчего вы не хотите, чтобъ онъ слышалъ мои слова? Онъ такой хорошій.

— Я... я и самъ не знаю отчего, отвѣчалъ Дюранъ, растерявшись.

— Развѣ вы боитесь его?

— Я боюсь его? я?

— О! Не сердитесь. Вѣдь я сказала это въ... въ шутку — такъ, кажется, вы это называете. Не сердитесь же на меня, прошу васъ. Мнѣ будетъ очень больно...

— Я не сержусь... право не сержусь, но... вы меня не поймете... Вы нравитесь м-ру Блэку...

— Я это вижу, и онъ мнѣ тоже нравится.

— Вотъ какъ!

— Ну, вы опять разсердились. Я право не могу понять васъ! Отчего вы не хотите, чтобъ м-ръ Блэкъ мнѣ нравился?

Онъ не отвѣчалъ.

— Мнѣ онъ нравится больше всѣхъ вашихъ друзей, продолжала она простодушно, — но конечно онъ не можетъ мнѣ нравиться такъ, какъ вы. Васъ я очень, очень люблю!

— О! Миньонета! вскричалъ Дюранъ внѣ себя.

— О Вотъ вы опять точно просіяли. Какой вы перемѣнчивый. Это очень интересно; хотѣла бы я посмотрѣть, какія у васъ женщины. Мнѣ жаль, что съ земли прилетѣли сюда одни мужчины, хотя, конечно, прибавила она со своимъ милымъ, чисто дѣтскимъ, простодушіемъ, — было бы еще хуже, еслибъ прилетѣли однѣ женщины.

ГЛАВА XVI

Бѣдная Миньонета

— У меня есть что-то очень для васъ интересное, сказала однажды Миньонета, нѣсколько времени спустя послѣ вышеописаннаго разговора.—Какъ вы думаете, что это? прибавила она и посмотрѣла на него съ заискивающей улыбкой, которая какъ бы говорила: попросите меня показать.

— Что это такое? спросилъ Дюранъ. — Покажите мнѣ, крошка.

Изъ этого послѣдняго наименованія читатель можетъ видѣть, что онъ уже сталъ обращаться съ Миньонетой довольно безцеремонно.

— О! это должно очень вамъ нравиться. М-ръ Гревзъ сдѣлалъ это для меня. Смотрите.

Digitized by Google

Она сунула ручку въ одинъ изъ внутреннихъ кармановъ своей туники, вытащила оттуда бумажку, тщательно сложенную вчетверо, и передала ему. Дюранъ развернулъ ее и увидѣлъ наскоро набросанный женскій портретъ. Онъ сразу узналъ его: это былъ портретъ одной изъ извѣстнѣйшихъ лондонскихъ красавицъ.

— Очень хорошо нарисовано, нельзя не сказать, замѣтилъ онъ.—Но почему вы думаете, что это можетъ быть для меня интересно?

— Еще бы не интересно! вѣдь это портретъ вашей милой, сказала она такъ утвердительно, какъ будто была несомнѣнно увѣрена въ томъ, что говоритъ.

— Кто вамъ сказалъ? спросилъ Дюранъ нахмурясь.

— М-ръ Гревзъ.

— Нечего сказать, хороши друзья! Почему же онъ сказалъ вамъ это? по какому поводу?

— Я... я просила его нарисовать мнѣ портретъ вашей милой, онъ и нарисовалъ мнѣ.

— Нравится она вамъ?

— Не знаю... Похожа она?

— Очень похожа, солгалъ Дюранъ.

— Въ такомъ случаѣ она мнѣ нравится. Я сохраню ея портретъ на память. Я рада, что она совсѣмъ нехороша. Мнѣ бы непріятно было, еслибъ она была красивѣе!

Послѣднія слова Миньонета произнесла почти съ гнѣвомъ.

— Почему? спросилъ Дюранъ.

— Потому, что тогда она могла бы нравиться вамъ столько же, какъ...

— Какъ кто?

— Какъ я, отвѣчала дѣвушка со спокойнымъ простодушіемъ.

— А еслибы и такъ, не все ли вамъ равно? У васъ есть...

— Женихъ? Нѣтъ.

— Какъ? развѣ онъ отказался отъ васъ?

— Да, когда узналъ, что вы нравитесь мнѣ больше, чѣмъ онъ.

— И онъ даже не попытался со мной поссориться! Неужели онъ ничего не говорилъ вамъ обо мнѣ?

— Ни слова; что ему было говорить? Онъ не могъ разсердиться на меня за то, что мои чувства перемѣнились.

— Онъ очень... обязателенъ, проговорилъ Дюранъ иронически.

— Скажите лучше очень благоразуменъ, поправила его Миньонета.—Я еще не въ тѣхъ лѣтахъ, когда рѣшеніе дѣвушки считается на Марсѣ невозвратнымъ.

Digitized by Google

— Благоразуменъ! Право мы съ вами никогда не поймемъ другъ друга, Миньонета! Въ нашемъ мірѣ лѣтъ двѣсти—триста назадъ мы имѣли обыкновеніе драться на смерть изъ-за нашихъ милыхъ.

— Вѣрно, отвѣчала Миньонета, — и у насъ когда-то было то же; объ этомъ сохранилось много документовъ въ нашихъ архивахъ.

— Но мы и теперь отстаиваемъ наши права въ этомъ отношеніи такъ или иначе. Конечно, мы ужъ не кусаемся, не царапаемся, даже не стрѣляемся, не колемся, но все-таки не уступаемъ нашего мѣста въ сердцѣ женщины такъ равнодушно, какъ уступилъ вашъ поклонникъ. Еслибы у насъ кто нибудь поступилъ такъ малодушно, мы... мы бы нарядили его въ юбку. Ахъ! извините, я совсѣмъ потерялъ изъ вида особенности вашего костюма: вѣдь вы даже не знаете, что такое юбка.

— И вы въ самомъ дѣлѣ способны поступить жестоко съ человѣкомъ за то только, что дѣвушка предпочла его вамъ? спросила Миньонета, игнорируя его шутку.—Можетъ быть, вы бы даже способны были убить его?

— О! нѣтъ, мы не такъ злы.

— Но вы бы стали говорить о немъ дурно?

— Нѣтъ... да... сказать по правдѣ, мы, пожалуй, не отказались бы отъ этого удовольствія... конечно, за глаза...

— Мнѣ многое не нравится въ вашихъ нравахъ, сказала Миньонета съ сожалѣніемъ.

— Бросимъ этотъ разговоръ, моя крошка, онъ только огорчаетъ васъ. Будемъ счастливы, пока можемъ.

— Да... пока можемъ! Мнѣ жаль, что м-ръ Гревзъ нарисовалъ для меня этотъ портретъ.

— Вѣдь вы же говорите, что вы сами его просили.

— Да, но мнѣ жаль, что я его просила. Мнѣ жаль, что у васъ на землѣ есть милая.

„И мнѣ жаль", подумалъ Дюранъ.

— Я бы хотѣла, чтобъ вы не думали о ней больше.

Они ходили въ это время по саду. Дюранъ вдругъ остановился и съ отчаяніемъ топнулъ ногой. Условіе, заключенное между нимъ и Блэкомъ, очень тяготило его; совѣсть, честь, благоразуміе требовали, чтобъ онъ его выполнилъ; но что значило все это въ сравненіи съ любовью прелестной дѣвушки! Отъ одного взгляда Миньонеты, отъ одного звука ея голоса всѣ его добрыя намѣренія разлетѣлись, какъ дымъ.

— Я согласенъ не думать о ней больше, сказалъ онъ,—но... съ однимъ условіемъ.

— Съ какимъ?

— Чтобъ вы стали моей милой, Миньонета.

Digitized by Google

— О! конечно, я согласна, отвѣчала она простодушно.—Я съ радостью буду вашей милой.

— Дорогая, ненаглядная моя! вскричалъ онъ съ восторгомъ и крѣпко прижалъ ее къ груди.

— Удивляюсь, отчего вы нравитесь мнѣ больше, чѣмъ всѣ марсовцы, какихъ я когда либо знала, проговорила она прерывающимся голосомъ.

— Это потому, что они не знаютъ, что такое любовь. А я... я люблю васъ! О! я люблю, люблю васъ, Миньонета!

— Зачѣмъ вы говорите такъ... точно вы себя не помните. Вѣдь это нехорошо... я думаю не слѣдуетъ любить такъ сильно... Отчего это мнѣ такъ... такъ грустно?

— Если хотите, я уѣду, Миньонета.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Это убьетъ меня. Еслибъ вы теперь уѣхали, я бы не перенесла разлуки. Я не осуждаю васъ. Мнѣ только странно, почему я счастлива, а между тѣмъ мнѣ грустно. Имѣйте терпѣніе со мной... только немножко, потомъ я пойму сама себя. Вѣдь вы на меня не сердитесь?

— Вмѣсто отвѣта онъ наклонился къ ней и поцѣловалъ ея прелестныя губки. Затѣмъ они пошли бродить куда глаза глядятъ, рука объ руку, не думая о завтрашнемъ днѣ.

Прошло три мѣсяца послѣ появленія стальнаго шара на Марсѣ, и всѣ пришельцы съ земли, за исключеніемъ двухъ, до того соскучились, что каждый часъ казался имъ за день. Только Бернетъ и Дюранъ не замѣчали, какъ летитъ время: одинъ былъ всецѣло занятъ астрономическими изслѣдованіями, другой Миньонетой. Астрономія и любовь не даромъ слывутъ предметами всепоглощающими.

Всѣ остальные томились именно тѣмъ, что имъ дѣлать было нечего. Въ трудовой жизни Марса они принять участія не могли; мѣстныя увеселенія казались имъ невыносимо скучными, поэтому они цѣлые дни проводили праздными; и, какъ всегда, праздность заставила ихъ надѣлать глупостей, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, а пострадать за это пришлось всѣмъ. Сэръ Джорджъ вскорѣ вообразилъ, что у него есть миссія на Марсѣ. Здѣшнее населеніе, разсуждалъ онъ, ничего не смыслитъ въ финансахъ; этому слѣдуетъ положить конецъ. Здѣсь нѣтъ ни компаніи для разработки богатствъ планеты, ни даже палатъ для разбора дѣлъ о банкротствахъ— это просто возмутительно! Это непроходимо глупо! Блэкъ со своей стороны, негодуя на отсутствіе исполнительнаго правительства или хоть анти-правительственной партіи, къ которой можно было бы примкнуть, готовъ былъ на все, лишь бы нарушить спокойствіе въ странѣ, раздражавшее его несказанно. Миленькая Дэзи перестала занимать его: она ничего не смы-

Digitized by Google

слила въ политикѣ и знать о ней не хотѣла. Гордонъ съ отчаянія, что никакъ не можетъ понять систему марсовской соціальной экономіи, забросилъ свою записную книжку, а Гревзъ съ досады, что его гордая ученица не приходитъ въ безусловное восхищеніе отъ его таланта и отъ его рисунковъ, швырнулъ свой портфель на дно озера Маральди. Макъ Грегоръ прямо признавался, что ему скучно до одуренія. Бернетъ почти не разставался съ профессоромъ и, казалось, совершенно забывалъ о существованіи своихъ земныхъ друзей. Наконецъ и Дюранъ, всегда нѣсколько склонный къ меланхоліи, сталъ мраченъ и суровъ. Сама Миньонета, которую каждый изъ вышеназванныхъ лицъ готовъ былъ обожать по своему, уже не была тѣмъ свѣтлымъ ангеломъ, какимъ явилась имъ въ первоначальномъ видѣніи, въ день ихъ пріѣзда. Тихое небесное счастіе, такъ лучезарно сіявшее въ ея чудныхъ глазахъ, мало по малу исчезло, словно завяло. Она стала сначала безпокойна, потомъ молчалива, наконецъ грустна. Дюранъ былъ постоянно съ нею, они почти не разставались.

Живой интересъ, вызванный на Марсѣ прибытіемъ Макъ Грегора и его партіи, быстро ослабѣлъ. Профессоръ не даромъ говорилъ, что марсовцы рѣдко чему удивляются. Въ первое время пришельцевъ съ земли приглашали безпрестанно на вечера, въ честь ихъ устраивались праздники, собранія, но мало по малу къ нимъ привыкли, какъ привыкаютъ въ европейскомъ зоологическомъ саду къ появленію какого нибудь новаго диковеннаго звѣря. Должно замѣтить, что для марсовцевъ экскурсія обитателей земли не казалась такою необычайною, какою она была въ глазахъ самихъ пришельцевъ. Жители Марса не разъ предпринимали подобныя экскурсіи на другія планеты, но онѣ постоянно были неудачны, такъ какъ имъ приходилось попадать въ области менѣе развитыя, нежели ихъ собственная. Они были и на землѣ, но еще въ то время, когда на ней жили одни дикари. Но за послѣднія тысячелѣтія эти поѣздки прекратились, такъ какъ марсовцы, развиваясь умственно, мало по малу утратили физическое мужество, необходимое для подобныхъ предпріятій.

Итакъ, на Марсѣ перестали интересоваться земными гостями, а гости черезъ это начинали все болѣе и болѣе тяготиться существованіемъ, благихъ сторонъ котораго они не въ силахъ были оцѣнить.

Однажды Блэкъ вышелъ гулять въ садъ и встрѣтилъ тамъ Миньонету. Она была въ той самой свѣтлосѣрой одеждѣ, въ которой онъ видѣлъ ее на другое утро ихъ прибытія, когда она прилетѣла изъ-за шести тысячъ миль, чтобъ видѣть ихъ... Ея движенія были такъ же граціозны, какъ въ тотъ день, строй-

Digitized by Google

ный станъ ея такъ же гибокъ, но подъ глазами у нея были темныя полосы и, душа ея свѣтилось въ ея чистомъ взглядѣ новымъ, грустнымъ сіяніемъ. Она разсѣянно срывала цвѣты, за которыми когда-то такъ любила ухаживать, ощипывала ихъ торопливо и разбрасывала душистые лепестки по дорожкамъ.

Блэкъ, какъ мы уже сказали, былъ въ сущности хорошій малый, хоть и пустомеля, какъ всякій профессіональный политикъ средней руки. Онъ давно уже замѣтилъ, что съ Миньонетой что-то не ладно, и хотя не былъ виноватъ передъ нею лично и даже не порицалъ Дюрана безусловно, а все же ему не разъ приходило въ голову, что для бѣдняжки было бы лучше, еслибъ индѣйцамъ въ Аляскѣ удалось перебить ихъ и тѣмъ разстроить экспедицію на Марсъ.

„Дюранъ почти не виноватъ", разсуждалъ онъ. „Глупенькая дѣвочка то и дѣло звала его къ себѣ и просила его разсказывать ей исторіи. Не могъ же онъ отказываться — ну, и влюбился. Я и самъ бы не устоялъ, еслибъ она была со мной поласковѣе, я и теперь желалъ бы быть на его мѣстѣ".

Думая такъ, онъ повернулъ на другую дорожку, чтобъ не встрѣчаться съ Миньонетой. Онъ боялся ея синихъ честныхъ глазъ, которые насквозь видѣли человѣка, боялся, что ему придется отвѣчать на опасные вопросы, отъ которыхъ онъ будетъ не въ силахъ отдѣлаться пустой болтовней. Но она увидѣла его и подозвала къ себѣ повелительнымъ знакомъ, котораго онъ не смѣлъ не послушаться.

Она завела съ нимъ пустой разговоръ и начала предлагать ему съ лихорадочной торопливостью разные вопросы, очевидно ее интересовавшіе, такъ какъ она или не дожидалась отвѣтовъ, или не дослушивала ихъ.

— Да, сказала она наконецъ,—я хотѣла поразспросить васъ объ Ирландіи; вѣдь вы кажется ирландецъ?

— Могу съ гордостью отвѣтить: да! воскликнулъ онъ съ внезапнымъ наплывомъ патріотизма.

— Славная должно быть нація ирландцы, продолжала она, словно стараясь выиграть время.

Смѣло могу сказать, что вы не ошибаетесь, согласился Блэкъ съ такою радостью, что въ его выговорѣ даже послышался ирландскій акцентъ, а это случалось съ нимъ тогда только, когда онъ былъ взволнованъ.

— Я читала объ Ирландіи, продолжала Миньонета,—въ тѣхъ газетахъ, которыя вы мнѣ одолжили. Это должно быть очень обширная страна.

— Ну, не очень обширная, отвѣчалъ Блэкъ, удивляясь ея вопросу.

Digitized by Google

— Неужели? А я думала она занимаетъ, по крайней мѣрѣ, половину земнаго шара.

— Нѣтъ, что вы это!.. Далеко не то, проговорилъ Блэкъ, запинаясь, но не смѣя солгать подъ вліяніемъ устремленныхъ на него честныхъ голубыхъ глазъ.

— Но во всякомъ случаѣ она имѣетъ на землѣ важное значеніе?

— О! въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— Я такъ и думала, сказала Миньонета, покраснѣвъ немного: ей такъ пріятно было сознавать свою догадливость, что она на минуту отвлеклась даже отъ главнаго вопроса, бывшаго у нея на умѣ.—А знаете, какъ я догадалась, что ваша родина важная страна, м-ръ Блэкъ?

— Не могу себѣ представить, но вѣроятно какимъ нибудь весьма остроумнымъ способомъ.

— Ну вотъ, ужъ и остроумнымъ! Напротивъ очень простымъ. Я замѣтила, что она занимаетъ въ газетахъ больше мѣста, чѣмъ всѣ другія націи, взятыя вмѣстѣ.

— А! вотъ что... да, пожалуй, что такъ.

— А между тѣмъ какъ жестоко относятся къ Ирландіи всѣ прочія страны!

— О! нѣтъ, не всѣ, миссъ Миньонета, одна только Англія.

— Англія? Неужели эта крошечная страна въ силахъ притѣснять вашу великую націю? Объ Англіи я нашла въ газетахъ всего три — четыре небольшихъ параграфа.

— Вы, собственно говоря, не совсѣмъ понимаете въ чемъ дѣло... впрочемъ, это и неудивительно...

Онъ опять запнулся: ему не хотѣлось выводить дѣвушку изъ ея заблужденія, лестнаго для его соотечественниковъ, а между тѣмъ совѣстно было и оставлять ее въ этомъ заблужденіи. Миньонета взглянула на него съ недоумѣніемъ, не понимая его, и круто перемѣнила разговоръ.

— Да, вотъ еще я хотѣла съ вами поговорить... надѣюсь вамъ не наскучило говорить со мною, м-ръ Блэкъ? вдругъ спросила она.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ Блэкъ просто, сознавая, что съ этой прямодушной дѣвушкой комплименты, на которые онъ былъ такъ щедръ съ другими барышнями, были бы не у мѣста. — Въ чемъ дѣло?

— Я хотѣла спросить васъ...

Она замолчала, словно собираясь съ духомъ.

„Прежде она никогда не останавливалась на полусловѣ“, подумалъ Блэкъ, но не сказалъ ничего.

— Я хотѣла спросить васъ: вѣдь м-ръ Дюранъ очень хорошій человѣкъ, не правда ли?

Digitized by Google

— Онъ вовсе не дурной человѣкъ, отвѣчалъ Блэкъ быстро и вполнѣ искренно.

— Только недурной? переспросила Миньонета, съ изумленіемъ раскрывъ свои большіе кроткіе глаза.

— То есть... я хотѣлъ сказать... онъ славный малый... хотя... во всякомъ случаѣ онъ не хуже любаго изъ насъ... Но по правдѣ сказать, прибавилъ онъ поспѣшно,—ни одинъ изъ насъ, земныхъ уроженцевъ, не обладаетъ такими совершенствами, какія требуются отъ людей на вашей планетѣ.

— О! вы навѣрно могли бы сравняться съ нами, еслибъ только захотѣли.

— Ну, нѣтъ, едва ли бы мы могли; да, пожалуй, мы бы и не захотѣли... Простите, я право, кажется, самъ не понимаю, что говорю. Я хочу сказать, что у васъ все прекрасно, но мы, земные, не долго выдержали бы здѣшнюю жизнь.

— Не выдержали бы потому только, что у насъ все хорошо? О! м-ръ Блэкъ, можетъ ли это быть?

— Я хочу сказать... что мы на землѣ не имѣемъ такихъ точныхъ понятій о томъ, что хорошо и что дурно, какія имѣете вы, марсовцы.

— Развѣ на землѣ считается хорошимъ дѣлать то, что здѣсь признаютъ очень, очень дурнымъ, м-ръ Блэкъ?

— Я... я... хотѣлъ бы знать, гдѣ м-ръ Дюранъ; мнѣ очень нужно его видѣть. Извините, если я васъ оставлю; я пойду поищу его „или кого нибудь другаго, лишь бы только уйти отъ нея“, прибавилъ онъ мысленно.

— М-ръ Дюранъ теперь съ отцомъ моимъ и съ м-ромъ Бернетомъ въ гостинной залѣ. Я и представить себѣ не могу, что они тамъ дѣлаютъ. Меня они туда не пустили.

Послѣднія слова Миньонета проговорила чуть не со слезами. Блэкъ сконфузился еще болѣе.

— О! они вѣрно заняты тамъ какимъ нибудь астрономическимъ открытіемъ, сказалъ онъ.—Вѣдь вы знаете, Бернетъ постоянно возится съ небесными картами профессора.

— Не можетъ быть! отвѣчала Миньонета. — Отецъ всегда сообщаетъ мнѣ, какія онъ дѣлаетъ открытія. И я слышала, какъ м-ръ Дюранъ сказалъ (а я прежде никогда не подслушивала): „я ни за что не соглашусь, хотя бы мнѣ пришлось никогда больше не видѣть земли“.

Рыданія прервали ея слова, но она вдругъ овладѣла собой и прибавила, забывая въ своемъ волненіи земной этикетъ, который обыкновенно соблюдала очень строго:

— О! Блэкъ, что они хотятъ съ нимъ сдѣлать? какъ вы думаете?

— И представить себѣ не могу. Что они ему говорили?

Digitized by Google

— Ихъ голосовъ я сначала почти не слыхала, слышала только его: онъ говорилъ громко и, кажется, сердито. Затѣмъ все замолкло, потомъ всѣ заговорили разомъ, только словъ я ужъ не могла ничьихъ разслышать, но кажется онъ согласился на то, чего они отъ него требовали. Блэкъ, вы всегда были такъ добры ко мнѣ; вы вѣрно не разсердитесь, если я скажу вамъ, что я очень, очень несчастна.

— Кто, я-то разсержусь на васъ? Да я готовъ бы былъ сдѣлать все на свѣтѣ для васъ, миссъ Миньонета! Чего вы желаете? только скажите: если я могу, я все сдѣлаю.

— Я знаю, что вы очень добры. Благодарю васъ, Блэкъ.

Съ этими словами она подошла къ нему, вложила въ его сильную руку свою крошечную бѣленькую ручку и сказала умоляющимъ голосомъ:

— Позовите его ко мнѣ. Мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

— Если хотите, я это сдѣлаю, миссъ Миньонета, только... благоразумно ли это будетъ? отвѣчалъ Блэкъ почти съ отчаяніемъ.

— Благоразумно ли? Конечно да. Я буду такъ счастлива!

— Въ такомъ случаѣ я сейчасъ позову его.

Сказавъ это, Блэкъ быстро отошелъ отъ нея и пошелъ искать Дюрана.

„Дѣло зашло даже, кажется, дальше чѣмъ я думалъ“, разсуждалъ онъ, торопливо шагая по аллеѣ. „Нѣтъ, не желалъ бы я быть въ его шкурѣ, хоть бы мнѣ обѣщали за это мѣсто въ кабинетѣ министровъ. Эта дѣвушка такъ добра, такъ нѣжна— къ ней нельзя отнестись такъ легко. Вотъ моя маленькая Дэзи — та ничего: смѣяться умѣетъ, а чувствовать не по ея части“.

Вдругъ на поворотѣ аллеи ему попался Дюранъ, повидимому сильно взволнованный. Онъ шелъ такъ скоро, что чуть не налетѣлъ на него.

— Что съ вами, Дюранъ? спросилъ онъ. — На васъ лица нѣтъ.

— Пропустите меня, Блэкъ.

— Надѣюсь, милѣйшій мой, съ вами не случилось ничего особеннаго?

— Ради Бога не задерживайте меня! вскричалъ Дюранъ съ отчаяніемъ, потомъ, овладѣвъ собой, прибавилъ спокойнѣе: — извините меня, Блэкъ. Но я желалъ бы быть одинъ, пропустите меня!

— Идите себѣ, я не держу васъ, я только спросилъ изъ участія. А о васъ сейчасъ освѣдомлялись, хотятъ говорить съ вами.

— Гдѣ? гдѣ она?

Digitized by Google

— Тамъ, отвѣчалъ Блэкъ, нарочно указывая въ сторону, противоположную той, гдѣ была Миньонета. Дюранъ, какъ онъ и ожидалъ, повернулъ въ противоположную сторону, т. е. именно туда, гдѣ ждала его дѣвушка.

„Ну, право же я не жалалъ бы быть на его мѣстѣ, ни за министерскій портфель, ни даже за должность премьера", думалъ философъ-политикъ, отходя подальше отъ того пункта, гдѣ должно было произойти свиданіе. „Бѣдняжкѣ очень тяжело, хотя, я думаю, она сама не понимаетъ, что съ ней. Но ему въ десятеро тяжелѣе. Жаль, жаль обоихъ, очень жаль".

— Эй! Блэкъ, подите сюда! раздался голосъ Макъ Грегора.

Блэкъ повернулъ на голосъ и вскорѣ вышелъ на площадку посреди рощицы, гдѣ нашелъ всѣхъ своихъ товарищей, кромѣ Дюрана. Лица у всѣхъ были серьезныя; по всему видно было, что они обсуждаютъ вопросъ очень важный. Бернетъ былъ тоже съ ними и, казалось, игралъ первенствующую роль въ совѣщаніи. Блэка всѣ встрѣтили очень сочувственно; его совѣты всегда принимались къ свѣдѣнію, такъ какъ онъ былъ дѣльный малый, несмотря на свое кажущееся легкомысліе.

— Идите къ намъ скорѣе, Блэкъ! сказалъ Макъ Грегоръ.

— Мы только васъ и ждали. Повтори для него, Бернетъ, что ты намъ сейчасъ сказалъ.

— М-ръ Блэкъ! сказалъ Бернетъ, — вы знаете, мы хотѣли остаться на Марсѣ до тѣхъ поръ, пока эта планета и земля не придутъ опять въ такое положеніе, въ какомъ возвращеніе для насъ домой будетъ всего удобнѣе, а это случится, какъ вамъ извѣстно, черезъ промежутокъ времени, равняющійся двумъ земнымъ годамъ.

— Да, черезъ два года съ чѣмъ-то, отвѣчалъ Блэкъ, искоса поглядывая на хмурыя лица собесѣдниковъ: онъ терпѣть не могъ серьезнаго тона и всегда говорилъ, что готовъ разсуждать о чемъ угодно, хоть о смерти, только въ веселомъ духѣ.

— Черезъ два года и... началъ было Гордонъ, хватаясь за записную книжку, но вспомнилъ во-время, что суть не въ этомъ, и замолчалъ.

— Но теперь, продолжалъ Бернетъ, — возникли обстоятельства, дѣлающія крайне желательнымъ для насъ отправиться отсюда немедленно. Къ счастію, теперь это еще возможно: промедлили мы еще мѣсяцъ, это было бы крайне опасно.

— По моему, отвѣчалъ Блэкъ небрежно, чѣмъ мы скорѣе уѣдемъ отсюда, тѣмъ лучше, но все-таки я желалъ бы спросить, какія обстоятельства заставляютъ насъ ускорить отъѣздъ.

— Вы имѣете полное право сдѣлать такой вопросъ, отвѣ-

Digitized by Google

тилъ Бернетъ холодно. — Во первыхъ попытка сэра Джорджа учредить компанію съ цѣлью орошенія необитаемыхъ экваторіальныхъ областей Марса — попытка, по моему, крайне неблагоразумная — вызвала неудовольствіе въ марсовскомъ сенатѣ, который не любитъ нововведеній.

Сэръ Джорджъ скорчилъ виноватую мину и не сказалъ ни слова.

— Во вторыхъ, продолжалъ Бернетъ,—вашъ адресъ къ лагранжской молодежи, произведшій такое сильное впечатлѣніе, также былъ большою ошибкою.

Блэкъ въ свою очередь понурилъ голову.

— Что же касается до м-ръ Дюрана...

„О! я знаю что онъ сдѣлалъ", подумалъ Блэкъ.

— Его поведеніе, продолжалъ Бернетъ пріостановившійся было немного, — можетъ назваться еще болѣе предосудительнымъ. Мнѣ непріятно обсуждать этотъ вопросъ болѣе подробно; скажу только, что какъ скоро ему указали на то, сколько несчастій можетъ причинить его дальнѣйшее пребываніе здѣсь, онъ поступитъ, какъ истинный джентльменъ. Болѣе говорить объ этомъ предметѣ я не желаю. Въ концѣ концовъ я и профессоръ рѣшили, что мы немедленно отправимся на землю безъ всякихъ предувѣдомленій кого бы то ни было.

— И, кромѣ того, вмѣшался Макъ Грегоръ,—намъ всѣмъ наскучилъ Марсъ. Здѣсь намъ рѣшительно дѣлать нечего никому кромѣ Бернета, но и онъ собралъ всѣ свѣдѣнія, какія только могъ, и везетъ съ собой столько новыхъ познаній, что въ состояніи будетъ подвинуть земную науку на цѣлое тысячелѣтіе впередъ.

— Пока Макъ Грегоръ говорилъ, Блэкъ подошелъ къ Бернету и сказалъ ему со смиреннымъ видомъ:

— Мнѣ очень жаль, м-ръ Бернетъ, что я былъ для васъ невольною причиною неудовольствій.

— Я не порицаю васъ, м-ръ Блэкъ, сказалъ Бернетъ съ самымъ ласковымъ видомъ. — Скажу болѣе: принимая въ соображеніе условія, при которыхъ совершилась наша поѣздка сюда, я нахожу, что вы всѣ вели себя очень хорошо.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Блэкъ, — позвольте мнѣ обратиться къ вамъ еще съ вопросомъ. Я знаю въ чемъ состоитъ вина Дюрана и мнѣ хотѣлось бы знать, какъ вы уломали его.

— Уломали? какъ это?

— Ну, то есть, какъ вы убѣдили его отказаться отъ... дѣвушки.

— Мы вразумили его.

— Какими доводами?

Digitized by Google

— Повторяю: мнѣ непріятно распространяться объ этомъ долѣе. Довольно сказать, что м-ръ Дюранъ призналъ наши доводы вполнѣ основательными, понялъ все безразсудство своего поведенія и изъявилъ полную готовность исполнить свой долгъ.

Сказавъ это, Бернетъ отвернулся отъ Блэка съ такимъ видомъ, который ясно доказывалъ, что онъ не хочетъ сказать ни слова болѣе о непріятномъ для него предметѣ.

Блэкъ отошелъ отъ него и пошелъ бродить по тѣнистымъ аллеямъ сада. Топерь, когда ему предстояло въ скоромъ времени покинуть Марсъ, планета вдругъ перестала казаться ему скучною, даже какъ-то понравилась ему. Вспомнилась ему и Дэзи: молоденькая хохотушка, хоть не могла сравниться съ Миньонетой, но все-таки была премиленькая.

„Я бы простился съ малюткой", думалъ онъ, „да она живетъ далеко; пѣшкомъ до нея не дойдешь, а летать, какъ эти марсовцы, я не умѣю. Значитъ, мы отправляемся домой. 26-го будемъ на землѣ, а въ будущемъ мѣсяцѣ, 14-го, открытіе парламента; я какъ разъ поспѣю съ моей рѣчью. Славно будетъ утереть носъ премьеру по случаю предлагаемаго имъ безсовѣстнаго налога на очки и на лорнеты. Каковы однако эти молодые марсовцы! Сами же восхищались моей рѣчью, да сами же на меня и насплетничали! Нечего сказать! теплые ребята.

Дѣло въ томъ, что нѣсколько молодыхъ людей на Марсѣ, унаслѣдовавшіе отъ предковъ способность восторгаться, пришли не въ восхищеніе, а въ волненіе отъ рѣчи Блэка, но на другой день одумались и рѣшили, что лучше не вводить новизны. Возбужденные краснорѣчіемъ оратора, они было приняли его теоріи, основанныя на преданіяхъ славнаго прошлаго; но ихъ энтузіазмъ простылъ очень скоро. Бернетъ очень мѣтко сравнилъ ихъ со старикомъ, который, будучи возбужденъ виномъ или споромъ, хвастается чѣмъ онъ былъ въ молодые годы, но отрезвившись объявляетъ, что не жалалъ бы пережить вновь свою молодость. Ему нравится припоминать ее иногда, даже хвастаться ею, но онъ не хотѣлъ бы ея возвращенія. „Славное было времячко", думаетъ онъ, „но оно миновало безвозвратно, и я о немъ не жалѣю: все къ лучшему!"

ГЛАВА XVII

Прощаніе съ Марсомъ и Миньонетой

Разставшись съ Блэкомъ, Дюранъ побѣжалъ въ ту часть сада, гдѣ надѣялся не встрѣтить никого, но тамъ-то, какъ намъ уже извѣстно, и была Миньонета. Увидя его издали, она пошла къ нему на встрѣчу. Съ ней-то именно Дюранъ и боялся

Digitized by Google

столкнуться, но, когда онъ увидалъ ее, было уже поздно свернуть въ сторону, и онъ поневолѣ долженъ былъ подойти къ ней.

— Какъ вы блѣдны! воскликнула она.—Отчего у васъ такой разстроенный видъ? что вы дѣлали запершись съ отцемъ и съ м-ромъ Бернетомъ?

Дюранъ хотѣлъ отдѣлаться какой-то пустой отговоркой, но она взяла его руку въ обѣ свои и смотрѣла на него пристально своими большимм честными глазами.

— Я говорилъ... они хотятъ... м-ръ Бернетъ собирается летѣть обратно на землю, проговорилъ онъ, отворачиваясь и упорно сопротивляясь маленькой ручкѣ, которая взяла его за подбородокъ и пыталась повернуть лицо такъ, чтобъ онъ взглянулъ на блѣдное личико, выражавшее такую душевную тревогу о немъ.

— Вотъ какъ! сказала она небрежно. — Ну, я очень рада, что рѣчь шла только объ этомъ.

Ея равнодушный тонъ кольнулъ его прямо въ сердце, но онъ искренно старался радоваться, что она принимаетъ извѣстіе объ его отъѣздѣ такъ легко, хотя по лицу его можно было видѣть, что стараніе его не особенно успѣшно.

— И я радъ, что вы относитесь къ этому такъ спокойно, сказалъ онъ,—хотя, признаюсь, я думалъ, что вы немножко пожалѣете... Да, я очень, очень радъ, что вамъ не жаль, прибавилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Значитъ, всѣ отправляются съ м-ромъ Бернетомъ? спросила она.

— Да, всѣ.

— Такъ какъ же вы можете думать будто мнѣ не жаль? Конечно, мнѣ будетъ очень жаль. Я буду скучать безъ нихъ, особенно безъ м-ра Блэка.

— Неужели?

— И вамъ навѣрно будетъ безъ него скучно: вы, кажется, съ нимъ большіе пріятели, хотя иногда и ссорились, кто васъ знаетъ изъ-за какихъ пустяковъ. Онъ васъ очень любитъ и сейчасъ только отозвался о васъ такъ хорошо,

— А что онъ сказалъ обо мнѣ, Миньонета?

— Онъ сказалъ, что вы вовсе не дурной человѣкъ; кажется, онъ такъ выразился; я вѣдь плохо запоминаю выраженія на вашемъ языкѣ.

— Очень ему благодаренъ.

— Вѣрю, оттого и говорю, что вамъ будетъ безъ него скучно.

— Безъ Блэка? Я не понимаю, въ какомъ смыслѣ вы говорите? спросилъ Дюранъ, и сердце у него замерло отъ предчувствія новой бѣды.

Digitized by Google

— Я хочу сказать, что вамъ будетъ очень скучно, когда м-ръ Блэкъ улетитъ на вашу ужасную землю. Мнѣ васъ очень, очень жаль! Вы можетъ быть долго не увидите вашихъ друзей, сказала она, ласково гладя его по рукѣ и прижимаясь къ его плечу своей нѣжной щечкой.

— Не увижу моихъ друзей! повторилъ онъ содрагаясь. Слова Миньонеты окончательно убѣдили его въ томъ, что онъ только подозрѣвалъ: она и не предчувствовала даже, что ее ожидаетъ. Нужно было сказать ей правду, чего бы то ни стоило. Собравъ всѣ силы и стараясь не смотрѣть на нее— ея умоляющій взглядъ терзалъ ему душу — онъ проговорилъ медленно:

— Напротивъ, Миньонета, я буду часто видѣть моихъ друзей: — вѣдь *и я отправляюсь съ ними.*

Онъ часто поступалъ безразсудно на своемъ вѣку, иногда поступалъ даже дурно; но до сихъ поръ ему казалось, что онъ не способенъ сдѣлать что нибудь безусловно низкое, подлое. Въ ту минуту, о которой мы говоримъ, онъ сознавалъ, что поступаетъ именно такъ. Но онъ ошибался: подлость, низость совершена была имъ раньше; теперь же онъ только старался честно исправить свой поступокъ.

Она выпустила его руку и отскочила отъ него съ тѣмъ ловкимъ проворствомъ, которое придавало всѣмъ ея движеніямъ такую грацію. Взглядъ ея былъ попрежнему устремленъ на него, но въ немъ уже не было ласки и мольбы: въ немъ выражался только ужасъ. Она вся дрожала, судорожно сжимая руки, и съ трудомъ дышала. Съ минуту длилось молчаніе, и когда она наконецъ заговорила — никто бы не узналъ въ ея голосѣ серебристаго щебетанія прежней, счастливой Миньонеты. Это былъ голосъ полный отчаянія, голосъ женщины, постигшей тайну, которой такъ хорошо учитъ земля: тайну страданія.

— Какъ вы меня испугали! сказала она тихо.—Но это, конечно, была шутка. Не правда ли? вѣдь иначе и быть не можетъ! Только послушайте, Вальтеръ, прошу васъ не шутите никогда больше такъ со мной! М-ръ Блэкъ пусть шутитъ, ему можно, но *вы* не должны, слышите? Я... я боюсь, что я никогда не въ силахъ буду забыть этой шутки. Я буду бояться какъ бы мнѣ не увидать ее во снѣ: это такъ ужасно!

— Я не шучу, Миньонета, и не обманываю васъ, проговорилъ онъ, стиснувъ зубы и внутренно проклиная часъ своего рожденія, но сознавая, что не долженъ поступить иначе, такъ какъ этимъ только можетъ искупить свою вину.

— Знаю, знаю. Я вѣдь хоть еще до сихъ поръ иногда ошибаюсь въ вашихъ выраженіяхъ, но это я понимаю: шутка

Digitized by Google

не значитъ обманъ — вы только сказали неправду для забавы.

— Нѣтъ, Миньонета, я сказалъ правду.

— О! нѣтъ, нѣтъ, быть не можетъ! Я не могу летѣть съ вами, не могу... вѣдь мы, марсовцы, не можемъ быть такими храбрыми, какъ вы, отчаянные обитатели земли. Милый дорогой мой, не требуй отъ меня этого! Вѣдь ты любишь, когда я называю тебя милымъ, не правда ли? скажи, скажи, что ты остаешься со мной!

Она вдругъ обхватила его шею своими нѣжными ручками съ дѣтскою довѣрчивостью, отъ которой сердце его заныло несказанной тоской.

— Нѣтъ, Миньонета, проговорилъ онъ съ усиліемъ,—этого быть не можетъ. Ни я не могу остаться съ вами, *ни вы не можете летѣть со мной.*

Она взглянула ему въ лицо — и вдругъ ея руки разжались, она безсильно опустилась на землю. Онъ поднялъ ее на руки, и съ дрожащихъ губъ его полились страстныя слова любви и горькіе упреки самому себѣ. Она медленно приходила въ себя, слушая его, но почти не понимая, что онъ говоритъ. Наконецъ онъ замолчалъ и, наклонясь къ ней, коснулся ея губъ почтительно и нѣжно.

— Господи, прости меня! проговорилъ онъ чуть слышно.

— Поцѣлуй его возвратилъ ей силы; она быстро встала и отодвинулась отъ него.

— А вы говорили, что любите меня! сказала она.—Значитъ это была ложь? Вѣдь вы, земные люди, умѣете лгать. Оставьте меня! Уйдите!

Она гордо выпрямилась, указывая ему рукой на дорогу; губы ея дрожали, грудь высоко поднималась. Онъ тоже поднялъ голову; ея обвиненіе пробудило и его гордость.

— Я не лгалъ вамъ, Миньонета, сказалъ онъ. — Я люблю васъ. Но именно потому я и уѣзжаю, что люблю.

Глубокое чувство, съ какимъ были сказаны эти слова, проникло ей въ душу. Но ея гордость была оскорблена: женщины на Марсѣ не привыкли, чтобы ихъ обманывали и унижали, а она сознавала себя обманутою и униженною.

— Ваши друзья, конечно, ждутъ васъ, сказала она съ принужденнымъ спокойствіемъ. Не задерживайте ихъ. Что можетъ значить любовь дѣвушки для нихъ или для васъ?

— Для меня она значитъ такъ много, проговорилъ онъ съ тою холодностью, въ которой слышится сильнѣйшая страсть,—что я бы съ радостью взорвалъ нашъ корабль на полпути къ землѣ, еслибъ только можно было сдѣлать это, не погубивъ съ собой моихъ товарищей.

— О! не говорите такъ, Вальтеръ! вскричала она. — Гово-

Digitized by Google

рить такія слова очень дурно, а вы всегда обѣщали мнѣ быть добрымъ изъ любви ко мнѣ. Но можетъ быть вы и тогда говорили неправду или шутили, сказала она рыдая и опять прижалась къ нему: гнѣвъ ея растаялъ отъ одного его теплаго слова, какъ снѣгъ отъ весенняго солнца.

— Вы несправедливы ко мнѣ, Миньонета, отвѣчалъ онъ. —Когда я говорилъ вамъ „люблю", я говорилъ сущую правду, если только есть правда въ человѣкѣ.

— Такъ сжалься надо мной, не покидай меня! почти простонала она.

— Я жалѣю васъ отъ всего сердца, люблю всей душой, но именно потому, что люблю, я долженъ уѣхать, а вы должны остаться.

— Почему же? Объясните мнѣ, умоляю васъ!

— Не могу... не смѣю сказать ничего болѣе.

— Въ такомъ случаѣ ты не любишь меня такъ, какъ я тебя люблю. О! небо, я, которую ты научилъ любить сильнѣе, чѣмъ когда нибудь любила дѣвушка на Марсѣ, я должна потерять мою любовь! Да, Вальтеръ, я теперь понимаю, какъ ты былъ правъ, когда говорилъ, что истинное счастіе всегда идетъ рука объ руку со страданіемъ. Я была счастлива — должно быть преступно счастлива — и зато теперь должна кончить жизнь въ жестокомъ горѣ. Можетъ быть, это мнѣ наказаніе, но... но я не думала сдѣлать дурное. Уйди отъ меня, я не могу долѣе выносить этой пытки. Благослови тебя Богъ! Прощай!

— Я уйду, Миньонета, но моимъ послѣднимъ словомъ тебѣ будетъ: я люблю тебя истинно и глубоко. Постарайся забыть меня и быть опять счастливой. Неужели наше ненавистное вторженіе въ вашъ свѣтлый рай должно навсегда смутить твою чистую душу? Вспоминай о немъ, какъ о дурномъ снѣ, который пройдетъ безслѣдно для тебя и скоро забудется. Но прости... прости мнѣ зло, которое я тебѣ сдѣлалъ ненамѣренно; я буду каяться въ немъ до конца моей жизни. О! Миньонета, дорогая моя, любовь моя, радость моя, прощай, прощай! И вѣрь мнѣ: съ этимъ „прощай" я навѣки теряю всякую радость, всякое счастіе въ жизни!

Съ этими словами онъ отвернулся и быстро пошелъ по тѣнистой аллеѣ. Красивое лицо его было блѣдно, какъ мраморъ; стройный станъ согнулся какъ бы подъ бременемъ непосильной тяжести. До него долго доносились горькія, глухія рыданія, но онъ не смѣлъ остановиться, не смѣлъ даже оглянуться на бѣдную дѣвушку, которая, распростершись на травѣ, плакала такъ, какъ будто хотѣла выплакать всю душу.

Digitized by Google

Въ этотъ самый день, поздно вечеромъ, Блэкъ гулялъ по живописному саду виллы. Вдругъ на его руку оперлась чья-то робкая маленькая ручка. Онъ оглянулся: передъ нимъ стояла дочь профессора.

— Это вы, миссъ Миньонета! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ. Какъ вы блѣдны! Что съ вами? не больны ли вы?

Дѣйствительно она была блѣдна, какъ полотно; руки у ней дрожали; она едва держалась на ногахъ.

— Вы завтра покидаете насъ, м-ръ Блэкъ? сказала она со слабой улыбкой. — Мнѣ очень жаль!

— И мнѣ жаль теперь, когда приходится покидать вашу планету, отвѣчалъ онъ совершенно искренно.

— Я бы хотѣла... Не можете ли вы до отъѣзда исполнить одну мою маленькую просьбу?

— Я готовъ сдѣлать все, что въ моей власти. Приказывайте!

— Вотъ что: я вѣдь не видала хорошенько вашего удивительнаго корабля. Конечно, я не разъ бывала въ немъ съ вами и съ м-ромъ Дюраномъ, но все-таки я въ немъ еще многаго не понимаю. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ мнѣ объяснили...

— Я сейчасъ схожу за Бернетомъ. Онъ съ радостью...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу его безпокоить: онъ сегодня такъ занятъ. Проводите меня вы.

Блэкъ, конечно, съ удовольствіемъ согласился и проводилъ Миньонету къ большому черному шару, уже совсѣмъ готовому въ дальній путь. Сферическія очертанія его какъ-то зловѣще чернѣли въ темномъ ночномъ воздухѣ. Блэкъ подалъ ей руку, чтобы взойти на помостъ; она крѣпко оперлась на нее и взошла. Онъ долго объяснялъ ей, какъ умѣлъ, его внутреннее устройство и всѣ его удобства; она слушала его, не говоря почти ни слова. Научнаго механизма его онъ объяснить ей не умѣлъ и потому не коснулся этой части, предупредивъ ее, что онъ въ ней ничего не смыслитъ, но Миньонета, повидимому, и не интересовалась ею, зато осматривала внутреннее устройство его съ такимъ вниманіемъ, что даже удивила Блэка.

— Для чего эта дверь? спросила она, указывая на отверстіе противъ входной двери.

— Чтобъ выбрасывать лишнихъ пассажировъ, если таковые окажутся, отвѣчалъ Блэкъ шутливымъ тономъ.—Посмотрите, оно открывается вотъ такъ... Что съ вами? какъ вы поблѣднѣли! Вамъ страшно? это дѣйствуетъ вамъ на нервы... Извините, еслибъ я зналъ, я бы вамъ не показывалъ. Пойдемте скорѣе на воздухъ — вамъ легче будетъ.

Онъ поспѣшно вывелъ ее изъ шара, стараясь разговорить ее, развлечь веселой болтовней. Наконецъ она повидимому успокоилась и привѣтливо улыбнулась ему.

Digitized by Google

— Благодарю васъ, м-ръ Блэкъ, сказала она ласково. — Вы очень добры ко мнѣ.

— Всегда готовъ вамъ служить. Счастье, что я васъ встрѣтилъ...

— Да, счастье, повторила она въ раздумьи.—Еще разъ благодарю васъ; повѣрьте я никогда не забуду вашей услуги.

Онъ еще прошелся съ ней по саду, проводилъ ее до дома и пошелъ къ себѣ.

ГЛАВА XVIII

Что-то сломалось

— Не стойте близко другъ къ другу, господа, мы сейчасъ полетимъ, сказалъ Бернетъ.

Всѣ были уже въ сборѣ и входная дверь въ шаръ герметически закрыта.

— Сейчасъ намъ опять покажется — будто мы летимъ не вверхъ, а внизъ, какъ помните, когда мы поднимались съ земли, сказалъ Блэкъ Гревзу. — Изъ всѣхъ нашихъ путевыхъ ощущеній это было для меня самое непріятное.

— И для меня тоже, отвѣтилъ Гревзъ,—да что-жъ дѣлать. Если безъ этого нельзя, надо терпѣть.

— Не спѣшите очень, м-ръ Бернетъ, сказалъ Гордонъ. — Дайте намъ еще разъ взглянуть на Марсъ.

— Успѣете насмотрѣться, м-ръ Гордонъ, отвѣчалъ Бернетъ. — Первое время мы полетимъ очень медленно.

— Да, но мы вѣдь полетимъ вверхъ ногами, возразилъ Блэкъ. — Подождите пускаться въ путь хоть минуточку, не больше.

— Бернетъ, блѣдные пальцы котораго уже готовы были нажать роковые винты, пріостановился. Всѣ, кромѣ Дюрана, бросились къ окнамъ. Профессоръ стоялъ на балконѣ, не спуская глазъ съ шара. Возлѣ него стояли жена его и сынъ; не было только Миньонеты.

— Дюранъ! крикнулъ Макъ Грегоръ,— что же вы не подойдете къ окну? Неужели вамъ не интересно взглянуть въ послѣдній разъ на этотъ оригинальный міръ?

Дюранъ сидѣлъ понуря голову на одной изъ кушетокъ и ничего не отвѣтилъ; повидимому, онъ даже не слыхалъ вопроса.

— Оставьте его въ покоѣ, шепнулъ Блэкъ.—Ему тяжело и понятно: каково было ему разстаться со своей зазнобушкой, подумайте только! Ничего, потомъ все обойдется.

— Бѣдный! сказалъ Макъ Грегоръ.—Мнѣ очень жаль его.

Digitized by Google

Боюсь, что онъ не такъ легко выпутается изъ своего неловкаго положенія, какъ вы съ сэромъ Джономъ выпутались изъ вашего; кстати, гдѣ теперь эта дѣвушка? Странно, что она не вышла на балконъ вмѣстѣ съ родными посмотрѣть на наше отплытіе.

— А я не нахожу этого страннымъ, проговорилъ Блэкъ въ раздумьи.

— Ну, господа, будетъ вамъ смотрѣть, сказалъ Бернетъ.— Пора въ дорогу.

Стоявшіе у оконъ замахали платками въ знакъ прощанія; бывшіе на балконѣ отвѣчали тѣмъ же. Бернетъ дотронулся до своихъ винтовъ, и всѣ поднялись по спиральной лѣстницѣ къ потолку. Оттуда имъ казалось, что профессоръ и его домочадцы стоятъ внизъ головой, а подъ ними разстилалось необъятное голубое пространство, куда шаръ и ринулся стремительно. Но эта стремительность была только кажущеюся: на самомъ дѣлѣ онъ плылъ тихо, пока Марсъ былъ въ виду. Благодаря чудной прозрачности атмосферы его горы, моря, острова были долго видимы, но мало по малу все стушевалось, и сама планета, наконецъ, потонула въ голубомъ туманѣ.

По мѣрѣ того, какъ атмосфера, черезъ которую летѣлъ стальной шаръ, рѣдѣла, небо становилось темнѣе, наконецъ чудная лазурь изчезла и замѣнилась глубокимъ мракомъ. На горизонтѣ появились марсовы спутники, засверкали звѣзды, и солнце, обратившееся въ дискъ яркаго, сосредоточеннаго свѣта, засіяло безъ лучей, словно обрамленное въ черную плоскость.

Съ тѣхъ поръ какъ Дюранъ вступилъ въ стальной шаръ, онъ не сказалъ ни слова, и его упорное молчаніе наводило тоску на его товарищей. Впрочемъ, имъ и безъ того было грустно: они скучали на Марсѣ, тяготились однообразіемъ тамошней безмятежно-спокойной жизни, но теперь, покинувши планету, гдѣ прожили три мѣсяца, сознали, что въ сущности провели это время очень пріятно и что имъ жаль покидать ее, болѣе жаль, нежели они могли себѣ представить.

Первые часы возвратнаго пути прошли скучно; всѣ разсѣлись по угламъ и больше молчали, изрѣдка мѣняясь отрывистыми замѣчаніями. Никому не хотѣлось ничего дѣлать; одинъ неизмѣнно энергичный Макъ Грегоръ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, занимаясь уборкой помѣщенія и тому подобными мелкими подробностями. Наконецъ и онъ утомился и сѣлъ въ кресло возлѣ кушетки, на которой полулежалъ сэръ Джорджъ, занятый разсмотрѣніемъ своего проекта компаніи съ цѣлію устройства періодическихъ поѣздокъ на планету Марсъ.

— Усталъ я что-то, сказалъ онъ, едва переводя духъ.—Здѣсь душновато послѣ чудной марсовской атмосферы, которая насъ

Digitized by Google

порядочно-таки избаловала, какъ я вижу. А вамъ не душно, сэръ Джорджъ?

— Нѣтъ, ничего.

— Какъ вы думаете назвать вашу компанію?

— Я думаю всего лучше дать ей названіе компаніи междупланетнаго сообщенія. Это будетъ эффектно. Основной капиталъ будетъ въ сто милліоновъ; насчетъ цѣны акцій я еще не рѣшилъ окончательно; лучше всего, по моему, будетъ пустить ихъ по сто фунтовъ каждую... Куда вы, Макъ Грегоръ?

— Извините, Стерлингъ, я сейчасъ ворочусь. Право же здѣсь ужасно душно. Нужно попросить Бернета, чтобы онъ намъ прибавилъ воздуху.

— Вы правы. Сначала я не замѣтилъ, ужъ слишкомъ занялся вычисленіями, а теперь и самъ чувствую, что здѣсь душно, даже начинаетъ немного голова побаливать.

— Прибавь намъ воздуху, Бернетъ, сказалъ Макъ Грегоръ, подходя къ платформѣ.

— Сейчасъ, отвѣчалъ ученый. — Извините: засмотрѣлся на группу звѣздъ и забылъ провентилировать корабль... что это!

Встревоженные страшнымъ испугомъ, который послышался въ этомъ восклицаніи, всѣ вскочили съ мѣстъ и бросились къ нему.

— Что съ вами, Бернетъ? послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Гдѣ... нашъ воздухъ? съ усиліемъ проговорилъ инженеръ.

— Я же тебѣ говорю, что здѣсь совсѣмъ мало воздуху, беззаботно отвѣчалъ Макъ Грегоръ.—Да что съ тобой? на тебѣ лица нѣтъ!

— Взойди ко мнѣ на платформу, Макъ Грегоръ, сказалъ ученый, дѣлая сверхъестественныя усилія, чтобы успокоиться и собраться съ мыслями. — А вы остальные побудьте внизу.

Макъ Грегоръ повиновался.

— Посмотри на регистръ, сказалъ ему Бернетъ глухимъ голосомъ; — изъ него видно, что у насъ было воздуху почти вдвое, чѣмъ нужно на дорогу... а оказывается...

— Ну? едва проговорилъ Макъ Грегоръ.

— Что нѣтъ почти ничего!

— Что-жъ это значитъ?

— Не понимаю.

Друзья переглянулись молча, и этотъ взглядъ высказалъ то, что эти неустрашимые люди испытывали можетъ быть первый разъ въ жизни физическій страхъ.

— Должно быть въ резервуарѣ трещина, сказалъ Бернетъ, помолчавъ съ минуту.—Но я вчера его осматривалъ, все было въ полномъ порядкѣ. Былъ здѣсь кто нибудь вечеромъ?

Digitized by Google

— Не знаю. Сейчасъ спрошу, хотя это все равно ни къ чему не послужитъ... Скажи мнѣ прямо: хватитъ намъ воздуху до конца пути?

Бернетъ справился съ нѣкоторыми изъ своихъ снарядовъ — какъ ни быстро онъ это сдѣлалъ, но время это показалось Макъ Грегору цѣлымъ вѣкомъ — и отвѣчалъ со страшнымъ спокойствіемъ, но безъ малѣйшаго колебанія.

— Нѣтъ, не хватитъ.

— Значитъ, надо сказать имъ?

— Да. Скажи ты имъ, Макъ Грегоръ. Это твоя обязанность: ты глава экспедиціи.

— Сейчасъ скажу.

Макъ Грегоръ сошелъ съ платформы. Всѣ обступили его съ безпокойствомъ, предчувствуя что-то недоброе.

— Былъ кто нибудь вечеромъ въ кораблѣ? спросилъ Макъ Грегоръ.

— Я былъ, отвѣчалъ Блэкъ.

— Зачѣмъ? спросилъ Макъ Грегоръ, стараясь говорить спокойно.

— Я... я показывалъ устройство корабля миссъ Миньонетѣ.

— Не замѣтили вы, чтобы она подходила близко къ резервуару съ воздухомъ?

— У насъ нѣтъ воздуху? вскричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Да, нѣтъ воздуху.

Слова Макъ Грегора прозвучали для всѣхъ, какъ смертный приговоръ. Всѣ переглянулись, и каждый прочелъ на лицѣ другаго кромѣ нравственнаго испуга и физическое страданіе. Дѣйствительно всѣ чувствовали себя дурно; самъ Макъ Грегоръ всегда отличавшійся желѣзнымъ здоровьемъ, былъ блѣденъ, какъ полотно, и съ трудомъ переводилъ духъ.

— Отвѣчайте же, Блэкъ, дотрогивалась она до резервуара? повторилъ онъ свой вопросъ.—Самому резервуару она ничего не могла сдѣлать, но она могла сломать трубочку, служащую проводомъ.

— Не знаю... не видѣлъ, проговорилъ Блэкъ, задыхаясь.

— Должно быть что нибудь было въ этомъ родѣ, сказалъ Макъ Грегоръ мрачно.—Ну, господа, я долженъ сообщить вамъ страшную вѣсть. Резервуаръ съ воздухомъ почти пустъ; должно быть воздухъ вытекъ прежде, чѣмъ мы пустились въ путь. У насъ не хватитъ кислорода на дорогу.

Всѣ выслушали его въ ледяномъ безмолвіи, ожидая, что онъ скажетъ дальше.

Теперь намъ остается одно, продолжалъ онъ.— *Всѣ* мы не доберемся до земли живыми: если мы останемся всѣ въ шарѣ, черезъ полчаса въ немъ будутъ одни мертвыя тѣла... но если *составъ экспедиціи будетъ уменьшенъ...*

Digitized by Google

Едва успѣлъ онъ выговорить эти страшныя слова, какъ позади нихъ раздался тихій стонъ. Всѣ оглянулись и вскрикнули отъ ужаса: передъ ними стояла Миньонета.

— Это призракъ! вскричали нѣкоторые.

— Это духъ ея! прошепталъ Дюранъ.

— Это она сама, сказалъ Макъ Грегоръ сурово,—и вѣроятно она-то и причиной всему злу.

— Да, я васъ погубила безъ намѣренія, проговорила несчастная дѣвушка. — Когда я пришла сюда вчера поздней ночью... чтобы спрятаться за этими резервуарами — вѣдь иначе вы бы не взяли меня съ собой — было очень темно. Я споткнулась, упала и... и, кажется, слышала, какъ что-то сломалось. Я... я несчастная всему виной...

Она умолкла. Лицо ея выражало сильнѣйшую душевную муку, слезы ручьемъ лились изъ ея чудныхъ лазурныхъ глазъ, роскошные волосы въ безпорядкѣ падали длинными золотистыми волнами по складкамъ ея живописной одежды. Даже камни могли бы тронуться ея горестью и красотою, но сердце людей, которыхъ она довела до погибели, было въ эту минуту безчувственнѣе камня. Всѣ, кромѣ Дюрана, смотрѣли на нее съ ужасомъ, съ ненавистью, съ отвращеніемъ; она сознавала это и покорно склоняла голову передъ этимъ страшнымъ, безмолвнымъ приговоромъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. Всѣ стояли неподвижно. Наконецъ она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и шатаясь подошла къ Дюрану. Онъ не отвернулся отъ нея, но и не протянулъ ей руки. Она сама взяла его руку своей бѣленькой ручкой; онъ не оттолкнулъ ее, но и не отвѣтилъ на ея робкое пожатіе. Она посмотрѣла на него, потомъ на всѣхъ своимъ ангельскимъ взглядомъ, выражавшимъ сильнѣйшее отчаяніе.

— Убейте меня! сказала она кротко. — Я это заслужила.

Всѣ кромѣ Дюрана переглянулись сурово, какъ будто желая сказать: „она права!“ До сихъ поръ ни одинъ изъ этихъ людей не имѣлъ на совѣсти ни одного низкаго поступка: каждый былъ всегда готовъ защитить съ опасностью жизни, съ оружіемъ въ рукахъ, слабѣйшее существо, женщину, ребенка... но теперь, теперь имъ былъ нуженъ *воздухъ*, а каждый лишній человѣкъ въ шарѣ уменьшалъ его количество... Взглядъ всѣхъ невольно обратился на отверстіе для удаленія лишнихъ пассажировъ...

Миньонета поняла этотъ взглядъ; силы оставили ее: она зашаталась и упала бы, еслибы Дюранъ не поддержалъ ее.

— Вальтеръ, спаси меня! прошептала она чуть слышно. — Я не могу... мнѣ страшно... Я готова умереть... но летѣть въ это ужасное пространство... Я не могу!.. не могу...

Digitized by Google

— Пока я живъ, я не допущу погубить тебя! проговорилъ онъ твердо.— Кто первый подойдетъ къ тебѣ, ляжетъ самъ на мѣстѣ!

Не столько эти слова, сколько ея умоляющій голосъ заставили всѣхъ одуматься, и Блэкъ взялъ на себя это высказать.

— Прости насъ, Дюранъ! сказалъ онъ.— Мы вѣдь не звѣри, а только люди. На минуту мы забыли, что она женщина, но на минуту, не болѣе.

— Вѣрно, отвѣчалъ Дюранъ.

— Блэкъ правъ, сказалъ Гревзъ. — Она будетъ пощажена, но кому нибудь изъ насъ должно пожертвовать собой. Бросимъ всѣ жребій.

— Нѣтъ, не всѣ! воскликнулъ Блэкъ.—Мы оба любили эту дѣвушку, Дюранъ, оба виноваты въ томъ, что она здѣсь. Бросимъ жребій *мы* съ тобой — кому изъ насъ погибнуть.

— Нѣтъ, прозвучалъ стальной голосъ Макъ Грегора, твердый, неумолимый, какъ приговоръ самой судьбы. — Это будетъ несправедливо. Вы, Дюранъ, главный виновникъ всему. *Ее* мы должны пощадить: мы мужчины, а она женщина. Но вы...

Онъ не договорилъ и повелительнымъ жестомъ указалъ на отверстіе. Дюранъ понялъ этотъ жестъ: его красивое лицо покрылось мраморной бѣлизной, но чудные черные глаза засверкали гордой рѣшимостью.

— Вы правы, Макъ Грегоръ, сказалъ онъ твердо.— Благодарю васъ, вы справедливы, какъ всегда. Я исполню долгъ мой. Прощай, Миньонета! Прощайте всѣ, товарищи!

Онъ бросился къ отверстію, но Миньонета предупредила его: прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выпрыгнуть, она скользнула мимо него свѣтлымъ видѣніемъ и исчезла въ пространствѣ.

Дюранъ вскрикнулъ и замертво грохнулся объ полъ. Блэкъ бросился помогать ему.

— Оставьте его, проговорилъ Бернетъ спокойно. — Пока онъ будетъ въ обморокѣ, онъ не будетъ дышать, значитъ его доля воздуха наша.

ГЛАВА XIX

Чѣмъ все кончилось

Итакъ, благодаря рѣшимости Миньонеты и глубокому обмороку Дюрана, въ стальномъ шарѣ стало меньше не только однимъ, но двумя дыханіями. Но и оставшихся было слишкомъ много; шаръ летѣлъ съ быстротою 50,000 миль въ минуту, а все-таки вопросъ долетятъ ли всѣ живыми до земной атмосферы былъ весьма сомнителенъ.

Digitized by Google

Сэръ Джорджъ Стерлингъ, какъ человѣкъ тучный и потому нѣсколько подверженный отдышкѣ, свалился первый. Растянувшись па кушеткѣ, онъ лежалъ безъ движенія: съ нимъ начиналась асфиксія. Гордонъ, Гревзъ и Блэкъ метались изъ стороны въ сторону, тщетно отыскивая хоть струйку воздуха и ослабѣвая съ каждою минутою. Макъ Грегоръ былъ бодрѣе всѣхъ; его неистощимая энергія не покинула его и въ эти ужасные моменты — самые мучительные изъ всѣхъ, какіе случалось ему переживать въ жизни. Что касается до Бернета, то онъ, казалось, весь ушелъ въ свои обязанности: это былъ не человѣкъ, нуждающійся въ дыханіи, а руль, правящій кораблемъ.

— Бернетъ, съ какою скоростью мы летимъ? проговорилъ или, вѣрнѣе, прохрипѣлъ, наконецъ, Макъ Грегоръ.

— Пятьдесятъ тысячъ миль въ минуту.

— Пусти на семьдесятъ пять тысячъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Бернетъ слабымъ голосомъ.

Одинъ чуть замѣтный поворотъ винта — и корабль взвился, какъ птица. Но до земной атмосферы оставалось еще около часа разстоянія — долетятъ ли они всѣ живыми?..

Съ сэромъ Джорджемъ начались конвульсіи, затѣмъ наступилъ періодъ полной прострации. Макъ Грегоръ зналъ основательно медицину, даже выдержалъ экзаменъ на докторскій дипломъ, прежде чѣмъ началъ свою карьеру изслѣдователя. Онъ подошелъ къ баронету, и приподнявъ ему вѣку, съ минуту всматривался въ его неподвижный зрачекъ.

— Онъ уже ничего не чувствуетъ; скоро наступитъ смерть, проговорилъ онъ. — Но и намъ не долетѣть живыми... никому изъ насъ, если... Господа, вы помните наши условія передъ отплытіемъ?

Всѣ безмолвно наклонили головы въ знакъ согласія.

— Часъ повиновенія, часъ самопожертвованія наступаетъ... Чарльзъ Блэкъ, вы меньше всѣхъ нужны нашему дѣлу. Оставьте насъ — и да помилуетъ Господь вашу душу.

Бѣдный Блэкъ покорно пошелъ или скорѣе поползъ къ отверстію, но его ослабѣвшія руки не могли отодвинуть засова.

— Мнѣ не справиться одному, простоналъ онъ жалобно. — Гордонъ, помогите мнѣ!

Гордонъ подошелъ, но и онъ не могъ ничего сдѣлать. Гревзъ лежалъ въ забытьи, а у самого Макъ Грегора не хватило духа наложить руку на засовъ; только въ этомъ его неумолимая энергія измѣнила ему!

— Господи, сжалься надъ нами! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ. Бернетъ, обратился онъ къ инженеру съ внезапной рѣшимостью.

Digitized by Google

— Что тебѣ, Макъ Грегоръ? послышался въ отвѣтъ слабый голосъ.

— Съ какою максимальною скоростью можетъ идти твой корабль?

— Со скоростью ста тысячъ миль въ минуту.

— Пусти его этимъ ходомъ.

— Вѣдь это будетъ почти вѣрная смерть.

— Все равно пусти.

— Хорошо.

Еще поворотъ винта — и корабль ринулся въ пространство съ безумной, бѣшеной быстротой. Но время шло все съ тою же неумолимою медленностью — секунды казались часами; асфиксія приближалась, захватывая мало по малу каждаго въ свои роковыя объятія... Прошло около десяти минутъ. Вдругъ Бернетъ, не спускавшій глазъ съ расписанія, поднялъ ослабѣвшую руку и указалъ Макъ Грегору на трубочку, посредствомъ которой онъ пробовалъ марсовскую атмосферу. Собравъ послѣднія силы, Макъ Грегоръ бросился къ ней, открылъ клапонъ — и въ шаръ, превратившійся почти въ безвоздушное пространство, полилась струя свѣжаго воздуха...

Прежде чѣмъ смерть успѣла совершить свое роковое дѣло, корабль достигъ первыхъ слоевъ земной атмосферы.

Черезъ нѣсколько минутъ пятеро изъ отважныхъ воздухоплавателей совершенно ожили. Только баронета долго не могли оживить; наконецъ Макъ Грегоръ пустилъ ему кровь, и онъ очнулся.

Привели въ чувство и Дюрана. Но первыя минуты пробужденія и сознанія того, что съ нимъ случилось, были ужасны. Въ мрачномъ отчаяніи онъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками, не говори ни слова, не отвѣчая на вопросы. Разъ только онъ поднялъ голову и бросилъ благодарный взглядъ на Блэка и на Гревза.

— Благодарю васъ, господа, сказалъ онъ. — Вы пытались спасти *ее*, но не могли, и для меня все кончено; клянусь не пережить ее... и клянусь, прибавилъ онъ съ дикой энергіей, —что этотъ ненавистный корабль, на которомъ она нашла себѣ смерть, будетъ уничтоженъ: я не умру, пока не взорву его собственными руками.

Больше никто не могъ добиться отъ него ни слова: онъ опять закрылъ лицо руками и сидѣлъ такъ, въ безмолвномъ оцѣпенѣніи, все время дороги. Его оставили въ покоѣ, щадя его горесть.

Само собою разумѣется, что безумная скорость, съ какою летѣли воздухоплаватели, чтобъ спастись отъ асфиксіи, была уменьшена до раціональной цифры, какъ скоро миновала въ

Digitized by Google

ней надобность. Корабль благополучно прибылъ на землю и опустился на плоскогорье, въ хребтѣ, недалеко отъ Новой Гвинеи... Путешественники вышли изъ шара и разбили палатку ярдахъ въ ста ниже того мѣста, на которомъ остановился корабль. Прошло не мало времени прежде чѣмъ успѣли снести туда запасъ и все необходимое для нѣсколькихъ дней пребыванія и отдыха. Наконецъ все было готово; и усталые путешественники только собрались было закусить и отдохнуть, какъ вдругъ Блэкъ спросилъ:

— А гдѣ же Дюранъ? его что-то не видать.

— Не знаю, сказалъ Гревзъ. Вѣроятно сидитъ и хандритъ гдѣ нибудь не далеко. Понятно ему не легко, жаль бѣднаго, да что дѣлать! Авось со временемъ успокоится.

— Не натворилъ бы онъ бѣдъ, вмѣшался Гордонъ. Помните онъ сказалъ, что и самъ умретъ и корабль взорветъ. Отъ человѣка въ такомъ угнетенномъ состояніи, въ какомъ онъ теперь, все станется.

Никто не обратилъ вниманія на эти слова, одинъ Бернетъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ, прислушался къ нимъ внимательно, но не сдѣлалъ никакого замѣчанія. Когда разговоръ перешелъ на другой предметъ, онъ потихоньку отозвалъ Макъ Грегора въ сторону.

— Я пойду искать Дюрана, шепнулъ онъ ему: — меня безпокоитъ, что его нѣтъ. Долго ли до бѣды; въ самомъ дѣлѣ отъ него теперъ можно ждать всего, а довольно повернуть винты извѣстнымъ образомъ, чтобъ корабль разлетѣлся въ прахъ.

— Я пойду съ тобой, сказалъ Макъ Грегоръ съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не ходи: если мы пойдемъ вмѣстѣ, они всѣ бросятся за нами, а я этого вовсе не хочу. Напротивъ, останься съ ними и объясни имъ чѣмъ нибудь мое отсутствіе, я пойду одинъ.

— Гдѣ жъ ты будешь искать его?

— Конечно въ караблѣ.

— А если...

— Нѣтъ, не бойся, я съумѣю остановить его. До свиданія!

Онъ сказалъ это тономъ, нетерпящимъ противорѣчія, и быстро началъ подниматься къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ корабль. Макъ Грегоръ нѣсколько минутъ тревожно глядѣлъ ему вслѣдъ, потомъ воротился къ прочимъ.

Прошло нѣсколько времени. Вдругъ страшный взрывъ потрясъ палатку; всѣ вскочили съ мѣстъ, блѣдные, перепуганные.

Digitized by Google

— Это дѣло Дюрана! воскликнулъ Гордонъ.—Онъ исполнилъ, что затѣялъ: стальной шаръ не существуетъ больше.

— И Дюранъ погибъ, конечно! сказалъ Блэкъ съ глубокимъ вздохомъ.—Вотъ какъ довелось ему кончить... Жаль, славный былъ человѣкъ!

— Все къ лучшему, замѣтилъ флегматичный сэръ Джорджъ тономъ нѣсколько болѣе теплымъ противъ обыкновеннаго.—Послѣ всего, что онъ пережилъ, ему жизнь была бы некрасна. А что корабль взлетѣлъ на воздухъ, прибавилъ онъ уже своимъ обычнымъ тономъ финансиста,—это еще дѣло поправимое: у меня хватитъ денегъ, чтобъ построить еще хоть-дюжину... Что съ вами, Макъ Грегоръ? вамъ дурно? Скорѣе, господа, дайте ему рюмку вина! Эге, пріятель, наша путь-дороженька сломила вѣрно и вашу желѣзную натуру: на васъ лица нѣтъ.

Нѣсколько минутъ Макъ Грегоръ не въ силахъ былъ ни пошевелиться ни встать, ни сказать ни слова, наконецъ поднялся съ мѣста, блѣдный, какъ мертвецъ.

— Никогда вамъ больше не придется тратиться на постройку другаго корабля, сэръ Джорджъ, проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Отчего? весело спросилъ баронетъ.—Говорю вамъ, у меня хватитъ денегъ еще хоть на сотню.

— А кто вамъ будетъ строить?

— Бернетъ, конечно, кто же другой! Кстати, гдѣ онъ?

— Кто знаетъ! сказалъ Макъ Грегоръ, и въ голосѣ его, можетъ быть впервые въ жизни, дрогнули слезы.—Онъ былъ въ кораблѣ съ Дюраномъ.

Что имѣемъ мы прибавить къ нашему разсказу? Ничего. Пройдетъ можетъ быть много столѣтій, прежде чѣмъ народится новый Генри Бернетъ: природа не щедра на такихъ людей. Еслибъ не его безвременная смерть, онъ бы подвинулъ землю на тысячу лѣтъ впередъ на пути къ прогресу, но онъ погибъ отъ руки безумца, и его исполинскій умъ унесъ съ собою въ могилу свои великія тайны. Увы! такова часто судьба божественной научной силы, порожденной органическою жизнью. Случайное прикосновеніе дѣтской руки, тяжесть волоса — и она разлетается въ прахъ передъ слѣпою яростью неорганической силы.

Съ англійскаго **Ольга Павлова**

КОНЕЦЪ

Digitized by Google